

Александр Конторович

«**ЧЕРНЫЕ КУПОЛА**»»

Выстрел в прошлое

Annotation

Цвет войны — не защитный хаки и не кроваво-красный. Цвет войны — черный. Траурное дымное небо. Черные от вьевшейся грязи, запредельной усталости и хронического фронтового недосыпа лица. Черная, как битум, запекшаяся кровь. Иссиня-черные раздутые тела убитых. Черные кресты немецких танков. И даже золотые церковные купола сквозь смоляной дым пожарищ кажутся черными...

НОВАЯ книга от автора бестселлеров «Черные бушлаты», «Черная пехота» и «Черная смерть»! Новый разведрейд нашего современника в 1941 год. Против «попаданца» из будущего работают лучшие асы абвера, диверсанты из батальона «Бранденбург-800» и снайперская элита Вермахта. На его стороне — лишь горстка окруженцев...

-
- [Александр Конторович](#)

-

Александр Конторович

«ЧЕРНЫЕ КУПОЛА»

Выстрел в прошлое

Начальнику 3-го отдела Управления В-2

Полковнику Гришанкову А. А.

Направляю вам материалы экспертного исследования по объекту № 346.

*Начальник экспертного отдела Управления В-2
полковник Хаустов В. Н.*

...сентября 2006 года. Москва

Мною, старшим экспертом экспертного отдела управления В-2, капитаном Смоляниным Павлом Яковлевичем, было произведено экспертное исследование объекта 346, доставленного нарочным из 3-го отдела управления (см. прилагаемую фототаблицу, фото № 1).

Перед проведением исследования перед экспертом были поставлены следующие вопросы:

1) Соответствует ли предоставленный на исследование объект каким-либо образцам обуви военного и гражданского назначения? Если да, то каким именно?

2) Имеются ли на предоставленном на исследование объекте какие-либо отличительные признаки, позволяющие установить его изготовителя?

3) Имеются ли на предоставленном на исследование объекте какие-либо отличия от аналогичной продукции отечественного и зарубежного производства? Если да, то в чем они заключаются и для каких целей могут быть использованы?

4) Когда выпущено представленное на исследование изделие?

Объект упакован в картонную коробку размером 400х200х200 мм, опечатан полосками бумаги с оттисками печати

«№ 21» управления В-2.

При вскрытии упаковки была обнаружена пара хромовых сапог (см. прилагаемую фототаблицу, фото № 2).

По своим массогабаритным характеристикам, внешнему виду и особенностям кроя исследуемые сапоги в основном соответствуют образцу № 64 из коллекции отдела — сапогам из кожи хромового дубления для военнослужащих, изготовленных по ГОСТ-447-78.

Однако в представленных на исследование сапогах имеются отличия, не позволяющие отнести их не только к вышеуказанному образцу, но и к любым другим образцам обуви отечественного и импортного производства (см. прилагаемую фототаблицу, фото № 3–8).

Таковыми отличиями являются:

1) Наличие между слоем кожи и подкладкой металло-тканевого пакета из титановой сетки и синтетического волокна фирмы «DuPont» (см. приложение — заключение эксперта за № 21/68). Внешний вид пакета указан на фото № 3 фототаблицы.

2) Наличие вентиляционно-влагоотводной сетки из пористого синтетического материала, расположенной между металло-тканевым пакетом и внутренней стороной обуви (см. прилагаемую фототаблицу, фото № 4).

3) Наличие в подошве стальных пластин толщиной 2,5 мм. Данные пластины уложены в виде чешуи, с взаимоперекрытием на ширину 1–1,5 мм таким образом, что защищают около 80 % площади подошвы (см. прилагаемую фототаблицу, фото № 5–6). Указанные пластины изготовлены из стали согласно стандарту 01.01.03 N.I.J. (National Institute of Justice, США) и имеют стойкость по данному стандарту по группе 1 (см. приложение — заключение эксперта № 18/61). Пластины изготовлены не ранее 2003 г. (см. заключение эксперта № 11/23).

4) Подошва исследуемых сапог, в отличие от оригинала, имеет другой рисунок расположения подошвенных гвоздей (см. прилагаемую фототаблицу, фото № 6–7). В ней присутствуют элементы рисунка, не свойственные фабричному образцу (см. прилагаемую фототаблицу, фото № 8).

Какие-либо маркировки и клейма на исследуемой обуви отсутствуют, что не позволяет сделать вывод о производителе обуви и о стране-изготовителе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1) Представленный на исследование образец обуви не соответствует ни одному известному образцу обуви отечественного или импортного производства.

2) Отличительных признаков, позволяющих сделать вывод об изготовителе исследуемого образца, не имеется.

3) Выявленные в процессе исследования отличительные признаки и особенности конструкции (подробнее см. описательную часть заключения) имеют своей целью защиту ног от осколочных элементов ручных гранат и противопехотных мин. Отсутствие амортизирующего слоя не позволяет при этом обеспечить защиту от пуль ручного огнестрельного оружия, в т. ч. и короткоствольного. Ввиду отсутствия слоя неизбежны контузионные или проникающие травмы.

4) Представленные на исследование сапоги изготовлены не ранее 2003 г.

*Старший эксперт экспертного отдела Управления В-2,
капитан Смолянин П. Я.*

Подпись

Яковлев поднял глаза на сидевшего напротив него полковника Гришанкова.

— Интересный документ, Алексей Андреевич. Только вот пока не очень понимаю, что вызвало у вас такое повышенное внимание?

— Видите ли, Виктор Петрович, в свое время мне пришлось изучить отчет подполковника Котова о его... «выходе». И натолкнулся там на любопытную подробность! Он описывает почти такие же сапоги, только подобранные им там! Во всяком случае, он отметил их несоответствие обычному весу и непривычный рисунок подошвы. Сопоставив эти факты, я связался с подполковником и попросил его уточнить некоторые нюансы. Так вот, он отметил, что при близком разрыве осколок чиркнул его по голенищу сапога. В обычном случае его бы распорол. Здесь же этого не произошло. Был поврежден только верхний слой кожи, после чего осколок застрял, да так, что его пришлось выковыривать штыком! До ноги он при этом не дошел, хотя удар был достаточно сильным, Котова чуть не сбило с

ног. Вы можете представить себе подобный случай?

— Сколько угодно! Осколок на излете мог попасть рикошетом, да и в коже мог застрять очень крепко.

— Все так, товарищ генерал-лейтенант! Только Котов вспомнил, что слышал при этом скрежет, да и осколок поддался далеко не сразу. Что же может скрежетать в обычном сапоге?

— А в этом? — кивнул Яковлев на заключение эксперта.

— В этом — может! Там сетка, а она достаточно прочна и вполне способна, особенно в сочетании с кевларом, задержать осколок именно таким образом.

— Интересно... — генерал встал и принялся ходить по кабинету. — Сидите-сидите, Алексей Андреевич... надо же... так вы полагаете — «прокол»?

— Улика хоть и косвенная, но... данные сапожки производятся по заказу отдела «Д-5». Каким образом они могли попасть *туда*?

— Совпадение?

— Стоимость такой обуви, по нашим самым приблизительным подсчетам, составляет около двадцати тысяч долларов, товарищ генерал-лейтенант! Причем немалая их часть была затрачена именно на достижение максимального внешнего сходства с существующим оригиналом. Зачем и кому это нужно в наше время? Этот ГОСТ устарел, и продукция такого образца уже не только не выпускается, но и на складах почти не попадает. Правда, полного сходства все равно достичь не удалось. У данных сапог более толстая кожа — из-за сетки и кевлара, поэтому они выглядят непривычно тяжелыми и объемными. По весу разница не так велика, но именно потому на это сразу обращаешь внимание, как только берешь их в руки.

— А, кстати, почему этот ГОСТ? Почему не более ранний? Раз уж *туда* собирались это отправлять?

— Там есть небольшие отличия, но главное — недостаточно прочное крепление подошвы. При наличии в ней вставки в виде металлической чешуи могла и не выдержать. Да и даже в этом случае пришлось использовать синтетические клеи — иначе этот пакет не удержался бы внутри подошвы.

— Ну, вам как специалисту виднее. Однако же сразу возникает вопрос. Как вы говорите, Котов описывает аналогичные сапоги.

— Да.

— А есть ли они в материалах осмотра тела Леонова?

— Нет, товарищ генерал-лейтенант. Описания обуви в материалах нет.

— Странно... Обычно такое не встречается... Я дам команду проверить это особенно тщательным образом. А каковы ваши выводы, Алексей Андреевич?

— «Прокол», товарищ генерал-лейтенант. Американцы как-то сумели забросить в прошлое материальный предмет. Не знаю, что при этом стало с хозяином. Уцелел он или нет? Но, если совпадение этих образцов подтверждается... работы будет много...

— Если бы они сумели хоть что-то получить... мы бы знали. Возврата человека не произошло. Как говорит наш академик, такое путешествие — это one way ticket — дорога в один конец.

— Но даже и в этом случае... можно много чего натворить успеть...

— Можно. Поэтому мы еще раз проверим всю информацию, которую нам доставили в последнее время. Если там хоть что-нибудь интересное произошло, то так или иначе это будет где-нибудь отражено. Хоть косвенно, но всплывет.

Музыка в наушниках стихла, и я открыл глаза. Снял наушники и поднялся из кресла.

— Ну что там сегодня интересного, Валя? Сидящая за компьютером медсестра подняла голову.

— В целом все в порядке, Александр Сергеевич. Есть небольшие отклонения в скорости реакции, но это в пределах нормы. Обработаем результаты, будет более ясная картина. На сегодня все, можете отдыхать.

Выйдя в коридор, замечаю Антона. Он, как обычно, сидит в сторонке и на виду не отсвечивает. Увидев меня, встает на ноги.

— Домой?

— Куда же еще? На сегодня наши эскулапы свою программу отработали. Направили меня отдыхать.

— Давно пора, — ворчит он, — месяц почти вам передыха не дают, каждый день сюда мотаемся. Уж жена ваша все жданки съела, только вечером вас и видит.

Это точно! Да и то не всегда... После моего возвращения назад, в нашу веселую реальность, меня снова поселили в знакомом домике. Приятным сюрпризом стало присутствие в нем всех моих домашних. Оказывается, они уже два месяца в нем живут. В городскую квартиру заезжают редко, благо что все необходимое для нормальной жизни присутствует. По соседству, оказывается, есть школа, куда уже ходят мои сорванцы. Тут я такой не один, многие, как выяснилось, здесь вообще безвылазно живут. Так что и компания у детей подобралась достаточно

быстро. Ну и славно! Одной проблемой меньше. Нинка поначалу ворчала, но понемногу привыкла. Немалую роль в этом сыграл домик, точнее, его удобство, да и новая моя зарплата несколько изменила ее взгляды на жизнь.

Первое время она доставала меня по поводу новой работы. Вернее, по поводу тех неожиданных благ, которые она предоставляет. Я долго вертелся, придумывая всяческие отговорки, пока однажды к нам в гости не приехал генерал Яковлев. Посидев некоторое время за столом, он предложил нам всем прогуляться в знакомую беседку. По пути они вместе с Нинкой отстали и долгое время бродили по лесу. Что уж ей генерал там наговорил, так и осталось для меня тайной, но жена несколько дней была необычно молчалива и задумчива. После чего неожиданно для нас всех устроилась работать в местную диспетчерскую. Так что теперь, поднимая трубку, частенько слышу ее голос.

Побочным результатом этой работы было то, что я теперь нередко спал в одиночестве. Вот кто оценил эти изменения в полную силу — так это мои домашние махновцы. Теперь они, придя из школы и никого дома не обнаружив, носились с визгом и воплями по лесу. Уж чего-чего, а места для этого тут хватало...

Стоило только вылезти из больничной палаты, так тут же возникло непреодолимое желание убежать туда вновь. Медики из «хитрого домика» набросились на меня, как стая пираний на корову. У каждого из них имелись ко мне вопросы. Причем все они всерьез полагали их единственно стоящими и ценными для науки. Прочих же сослуживцев словно и не существовало вовсе. Тем более удивительно, что по иным, не относящимся ко мне темам они выступали дружным фронтом. Потребовалось вмешательство Травникова, который лично установил порядок моего истязания в интересах науки. Пообещав при этом собственноручно поотрывать слишком уж нетерпеливые ручонки некоторым особенно торопливым товарищам. Авторитет деда был непререкаем, и ученые смирились.

Травников, кстати говоря, был первым гостем, который посетил меня после возвращения из прошлого. Он приехал не один. С ним был высокий красивый парень, чье лицо мне показалось знакомым. Здороваясь со мной, назвал имя — Виктор. Ба, так это внук академика! Вот я где его видел-то... в палате по соседству. Правда, он тогда мало походил на себя нынешнего. Да и всех прочих ребят тогда видел недолго. Достаточно быстро я скопытился, и меня уволокли назад в палату — долеживать. Так что времени на тесное знакомство попросту не хватило. Зато теперь его было предостаточно. Вот и распили мы все вместе бутылку хорошего абхазского

вина и расстались вполне довольные друг другом. Виктор обещал заезжать в гости, он вместе с дедом живет, это где-то в другом месте.

Да и сейчас Травников наложил жесткое вето на все мои перемещения за пределы городка. Правда, ненадолго. Вот еще неделька пройдет, тогда и выпустят меня на свет божий...

Вообще говоря, мне теперь не очень понятна своя дальнейшая судьба. Ладно, мне очередной раз повезло — успели выдернуть назад. За это я готов был упоить всех «научников» во главе с академиком до пороссячьего визга. Как-то вот мне моя собственная шкура нравилась гораздо больше, чем все прочие. Эгоизм? Ну... как сказать... Здорово взвешивая свои шансы в прошлом, я прекрасно видел всю свою возможную судьбу *там*. Радужной она совсем не казалась. Уж кого-кого, а тамошних энкавэдэшников считать поголовными дураками не было никаких оснований. Были там, конечно, *персоны*... так и здесь таких деятелей хватало — только телевизор включи! Да уж, местные «товарищи» предкам могли бы сто очков форы дать! И то обставили бы по полной...

А раскладка в прошлом виделась мне совсем... скажем так, невеселой.

Если принимать во внимание слова Травникова... А чьи, скажите на милость, слова я должен принимать на веру? Академик обещал меня вытащить — и сделал это! И не только меня, к слову сказать...

Так вот, что он там говорил про кусочек сахара? В стакане — буря, а в озере? Иными словами, получалась весьма невеселая картина.

Допустим — мой... э-э-э... «пациент» уцелел. Попал к кому надо в руки. Даже и «наверх» его доставить смогли бы, вполне это допускаю. Но! В нашей-то истории этого не зафиксировано! Вообще! Значит, что вышло?

А выходило так, что либо ему не верили, и поэтому никто и ничего не делал, либо он просто погибал каким-то иным способом.

Как ни вертел я эту головоломку, ничего путного на ум не приходило.

Я набрался нахальства и спросил об этом самого академика. Как раз вышло так, что Виктор с Нинкой пошли на террасу стол накрывать, а мы остались в гостиной.

— Александр Яковлевич! Можно личный вопрос?

— Да, ради бога, Александр Сергеевич! Все что могу — расскажу без утайки.

— Какие у меня перспективы? В смысле, в отделе я чем теперь заниматься буду?

— Как чем? Тем же, чем и раньше занимались.

— Мерзюков ловить? Так для этого другие службы есть. Ведь у вас теперь целая бригада испытателей есть. С опытом «выхода».

— Ну, сравнили! С вами рядом я их не поставил бы!

— Но, Александр Яковлевич, у них есть другое преимущество. Они моложе меня, более развиты и лучше подготовлены. Методику вы уже отладили, надо полагать.

Травников вздохнул и налил себе минералки.

— Это так, не спорю. Но у вас такой опыт, которого нет ни у кого из них! Да и по медицинским показателям вы им уступаете весьма незначительно...

— Все же уступаю... Понимаю, моя последняя командировка была вызвана жесткой необходимостью. Ведь возврат мог и не состояться, так?

— Так.

— А сейчас чего ожидать?

— Ну... конкретных планов у меня нет.

— У вас? А у генерала?

— Насколько я знаю, у него тоже нет ничего срочного.

— Поймите, Александр Яковлевич, просиживать штаны в отделе я могу бесконечно долго. Надеюсь, что генералу это нескоро надоест. Меня-то такое положение вполне себе устраивает. А вот как долго это будет терпеть руководство?

— На его месте я бы вам зарплату платил только за сам факт существования! Вы и так сделали больше, чем это можно было бы ожидать! Поймите, вы уже сейчас — живая легенда!

— Ваши бы слова да богу в уши! Только, насколько я знаю, в штатном расписании отдела такой должности не предусмотрено.

— А вот это — уже моя прерогатива! — Академик разошелся не на шутку. — Мое слово еще значит кое-что! В том числе и для управления кадров! И вообще, Александр Сергеевич, у вас еще отпуск не закончен, чего вы раньше времени всполошились-то?

— Да не всполошился я... Одна мысль покоя не дает.

— Какая же? — остыв, спросил он.

— Вот «пациенты» мои... Манзырев, Леонов... Выходит так, чтобы я назад попал, они обязательно погибнуть должны?

— Не факт! В последнем случае вас «выдергивали» из вполне живого человека.

— Но ведь он погиб?

— Так бой же шел! Вы и сами лучше меня знаете, что там творилось. А если бы он себе спал мирно где-нибудь, так и уцелел бы вполне.

— Хорошо, а вот еще вопрос. Допустим, уволокли бы его с собой ушлые ребятки — предшественники ваши. И что бы он им сказал?

— Не знаю. И предполагать не берусь. Остается ли в памяти «клиента» ваша информация? Мы этого не знаем. И навряд ли узнаем когда-нибудь. Но, судя по тому, что эта информация еще нигде не всплыла, вероятность сохранения ее крайне мала.

— А если бы они меня туда притащили?

— И что вы им скажете? Чертеж «АК» нарисуете? Методика переноса вам неизвестна, да и толку от нее там? Наука в то время еще не умела делать подобных фокусов. Помните гипотезу о куске сахара?

— Помню.

— Я полагаю, что вот тут-то она и сработала бы...

В общем, ясности этот разговор не внес. Только еще больше запутал. Нет, в принципе, я бы не отказался некоторое время побыть живым символом успеха. Но, насколько мне известно, в этом мире ничего за просто так не дают. Вот чуток покрасуешься, щеки надувая, а потом как выкатят в лобешник — плати! «И будешь прыгать с тумбы на тумбу...» Не прельщает меня такая перспектива, ясности охота. А вот ее-то и нет.

Ладно, еще какое-то время у меня есть, чего ж нос-то вешать? В кои-то веки выпало отдохнуть вволю, так и будем этим пользоваться!

*Начальнику Управления «В-2» генерал-лейтенанту
Яковлеву В. П.*

Направляю Вам материалы, полученные от источника
«Вольт».

*Начальник 6-го отдела Управления «С» СВР полковник
Бирюков П. П.*

**Из аналитической записки на имя начальника Отдела
«В-2»**

... таким образом, анализируя заключения специалистов управления, агентурные материалы, переданные нам Службой Внешней Разведки, и выводы, сделанные информационной службой СВР, можно с уверенностью утверждать, что:

1) специалистами управления «Д-5» в течение последних полутора лет были произведены три попытки осуществления варианта «прокол»;

2) указанные попытки привели к неоднозначным результатам. И хотя в первом и во втором случаях последовала

смерть испытателя, в последний раз наблюдалось исчезновение его из рабочей зоны установки переноса. Ввиду того что во всех случаях данные эксперименты являлись полуофициальными (нам неизвестно о письменных указаниях на этот счет), положение руководства отдела в настоящий момент является нестабильным;

3) вместе с испытателем бесследно исчезла часть оборудования, вооружение и снаряжение. Оставшаяся аппаратура была частично разрушена и выведена из строя. Ее восстановление в настоящий момент ведется ускоренными темпами. Отследить местонахождение испытателя и пропавшего оборудования не представилось возможным. Возникший после разрушения установки пожар сделал невозможным определение местонахождения испытателя;

4) все попытки наладить с ним связь или найти его следы в доступных архивных материалах остались безуспешными;

5) исходя из анализа рабочего материала эксперимента, были определены возможные точки выхода «прокола». Координаты точек прилагаются...

— Присаживайтесь, Александр Яковлевич! — генерал, привстав, указал рукою на кресло у журнального столика. — Я буквально пять минут, только справку допишу — и к вам. Там на столике чай уже приготовлен, угощайтесь!

Травников не спеша уселся в кресло и налил себе чаю. Похрустел сушками.

— Вот и все! — генерал вытащил из принтера пару листов бумаги. — Смотрите!

Наступила тишина. Академик просматривал текст. Яковлев тоже взял со стола чашку и отхлебнул чаю.

— М-м-да... Однако! — Травников положил бумаги на столик. — Как я понимаю, все сведения, указанные в этой справке...

— ...проверены самым тщательным образом!

— Ну, в компетенции наших специалистов я не сомневаюсь.

— И каким будет ваше мнение по данному вопросу?

— Прежним. Современная наука не может в настоящий момент переправить куда бы то ни было живое существо. Организм, а главное — мозг, просто не выдержит таких нагрузок.

— А материальный объект?

— Тут спорить не стану. Просто не располагаю всей достаточной для

этого информацией. Здесь необходимо подключать специалистов соответствующего профиля.

— Понимаю... Вы опять имеете в виду этого... как его, Марченкова?

— Марченко. Да, именно его. Он талантливый физик-теоретик и вполне способен дать нашим исследованиям соответствующий импульс в нужном направлении.

— Не знаю... — генерал встал из-за столика и начал прохаживаться по комнате. — Он десять лет работал за границей...

— Преподавал.

— Но при том уровне секретности, какой у нас принят... Это накладывает определенные ограничения и на его личную жизнь, да и на работу тоже. Пойдет ли он на такой шаг? Я уж молчу про наших безопасников, они-то вообще поседуют от такого «подарка»!

— Вам, Виктор Петрович, шашечки нужны, или все-таки ехать будем? Программами Марченко до сих пор пользуются в РВСН, а там с секретностью тоже — будь здоров! Он написал их еще пятнадцать лет назад, и, насколько мне известно, программного обеспечения такого уровня до сих пор нет ни у кого, кроме нас! Кстати, преподавать он уехал уже после этого!

— Как же его выпустили?

— В 1990-м? Это вы у меня спрашиваете? Будто не помните, что тогда творилось?

— Да... это я, действительно, чего-то перегрелся...

— И неудивительно! — хмыкнул академик, кивнув на лежащие напротив него бумаги. — Да и у меня чуть крыша не поехала, когда про все это услышал. Сначала было решил — все, амбец, прорвались американцы. Потом сел, закурил и начал уже спокойнее размышлять. А после прочтения вашей справки и вовсе успокоился.

— Может быть, вы заодно и меня успокоить сможете?

— Попробую. Сколько лет американцы уже работают в этом направлении? Я имею в виду «транспортников».

— Больше двадцати.

— Отлично! Чего им удалось достичь на этом поприще?

— Вы имеете в виду конкретные достижения по проекту?

— Про них я и сам знаю. Нет там ничего. Меня интересуют, так сказать, побочные результаты.

— Дайте сообразить... Технология аккумуляторов повышенной емкости и стойкости, они как раз для этого проекта и разрабатывались... Защищенные каналы скоростной передачи данных. Сверхскоростная

видеосъемка. Суперскоростной компьютер уменьшенных габаритов. Ну, из серьезного, пожалуй, что и все...

— И где еще все это может быть использовано?

— В армии, где же еще!

— А что числится в достижениях у «мозговиков»?

— Методика подготовки летного состава. Она также может быть успешно использована и при подготовке космонавтов, да везде, где требуется успешное сочетание умственной работы и выполнение физического труда повышенной сложности в неблагоприятных условиях. Да что вы меня-то об этом спрашиваете, Александр Яковлевич? Это уж вообще по вашей части, кому, как не вам, все это знать?

— Знаю. И помню. У них действительно вещи полезные были, мы и для себя там много интересного почерпнули. А вот можете ли вы мне навскидку сравнить заинтересованность сторонних организаций в продукции отдела?

— Тут и думать нечего. Самыми востребованными в США являются «транспортировщики». Их продукция, скажем так, более традиционна и понятна всем остальным. Да и более пригодна для армии. Удельный же вес космических программ в общей доле исследований на оборонную тематику сейчас сильно снизился.

— Вот вам и ответ! Независимо от результатов своей основной работы, «транспортировщики» стали нужны армии в качестве формально независимого исследовательского центра. Это их страховка, понимаете? Вот и ваши сапожки к месту пришли... Они ведь своих испытателей снаряжают сами?

— Как и мы.

— Так что и разработку обуви, да и костюма — вполне в рамках проекта производить можно. Да и много чего еще... А то, что ими пользуются и прочие структуры, — в порядке вещей! Да и у нас все точно как у них обстоит. Поэтому и «мозговики», и «транспортировщики» всегда готовы подставить подножку конкуренту.

— Вы что же, думаете, что и авария эта...

— Нет, конечно. Уж настолько сильно они там друг друга не ненавидят, естественно. Но вот слить информацию о чужом ляпе... это я допускаю. «Мозговики» сейчас на коне, несмотря на все очевидные выигрышные разработки конкурентов. Поэтому они вполне способны добить «транспортировщиков» нашими руками.

— И вы думаете, что...

— Координаты точек будут верными.

— Почему же? Логичнее было бы отправить человека на подконтрольную территорию, ведь так?

— Так.

— Тогда почему же этого не произошло?

Травников в свою очередь встал и подошел к окну. Оперся руками о подоконник.

— Вы Линевица помните?

— Михаила Валентиновича? Конечно. Он же был одним из основных научных столпов нашего дела.

— Так вот. Незадолго до своей смерти он выдвинул одну интересную гипотезу. По его расчетам выходило, что в момент сильных глобальных потрясений, сопровождающихся войнами и разрушениями, в мозгу людей, причастных к этому, снимаются какие-то барьеры. И это облегчает возможность внедрения в их сознание чужого разума.

— Интересно...

— Он не успел даже окончательно сформулировать свою идею. И никаких доводов в ее поддержку тоже не привел. У него просто не хватило времени.

— То есть прошедшая война...

— Дала нам возможность подселения в чужой разум. Как это ни цинично звучит, но именно благодаря сильным потрясениям носителей и стало возможным совмещение их разума с разумом наших испытателей. И все эти действия, во всяком случае большинство из них, происходили у нас. Либо там, куда мы можем относительно легко попасть даже и сейчас.

— Ну... а американцы тут при чем?

— А вы можете навскидку назвать мне такое место на контролируемой ими *сейчас* территории? Ведь это разум возвращается в тело исследователя, а куда должно возвращаться тело? Раз оно уже физически не присутствует в нашем мире? Где «якорь», способный вытянуть его назад? Куда оно вернется? Что привязывает его к нашему миру и времени? К какой-то конкретной точке? Кстати говоря, теорию «якоря» американцы даже и не рассматривали, сочли полным бредом. Нематериалистической заумной мистикой.

— Хм... — генерал покачал головой. — Все-то у вас стройно выходит...

— Да я только сейчас и осознал всю глубину прозрения Линевица! Как последняя часть мозаики на место легла!

— То есть вы хотите сказать, что все эксперименты «мозговиков» провалились из-за того, что их испытатели попадали куда-то в незнакомое

и опасное для них время?

— Скажем так — малоизученное. Да и языковой барьер, поведенческие особенности, незнание элементарных для всякого местного жителя реалий...

— Хорошо, а «транспортников»? С ними-то что происходило?

— Не знаю. Да и никто не знает. Пока труп американца из этого похабного отдела где-нибудь под Орлом не отыщем, так и не узнаем, что с ним произошло.

— Почему под Орлом?

— Да хоть под Фастовом! Или под Москвой. А что сороковые годы, так где ж еще такой всплеск эмоций был, как не у нас? Европа? Нечего и сравнивать, особенно на начальном периоде войны. Балканы? Теплее уже, но — мало! Африка? Даже и обсуждать не хочу. Местным на ту войну чихать было с пальмы! Белые дерутся — так и хрен с ними со всеми! Да и по количеству и качеству эмоционального выброса Отечественная война вообще вне конкуренции. Равного по силе всплеска эмоций, боли, ярости в доступном временном отрезке просто не было! А уж по количеству одновременно задействованных в этом людей... Разве что в Первую мировую или Гражданскую, так туда никто из нас дотянуться пока не может.

Академик снова сел в кресло и допил свой чай.

— Повторюсь. В настоящее время, я подчеркиваю — в настоящее! Мы не можем послать человека никуда, кроме как на территорию СССР. Ну и Европы, но только через пару-тройку лет. Про временные промежутки вы и сами знаете. Может быть, дальше мы сможем делать что-то большее. Не знаю. Молоком я уже обжегся, так что буду и на воду теперь дуть...

Похоже, что мой отдых закончился. Сегодня утром позвонил Яковлев. Поинтересовался самочувствием и пригласил к себе.

Показав фигу расстроенным «научникам», я выскочил на крыльцо. Надо полагать, Антон был уже в курсе дела, ибо весь мой кортеж уже стоял около «хитрого домика». Забрав у него кобуру с «глоком», прилаживаю ее на привычное место.

Несмотря на раннее время, на въезде в Москву уже образовалась привычная пробка. Антон недовольно поджал губы. Светить кортеж без нужды он не любил, поэтому всевозможные завывалки и крякалки обычно мирно пылились под капотами наших автомобилей. Да и сейчас особенной срочности не было, так что наши машины не выделялись в общем потоке. Понемногу разноцветная колонна автомашин вползала в город, чтобы уже

здесь рассосаться по улицам. Откинувшись на подголовник, я потихоньку задремал.

— Вот же баран!

— Что там, Антон? — удивленно посмотрел я на него. Обычно он очень сдержан и невозмутим.

— Да вот, извольте посмотреть, Александр Сергеевич! — ткнул он рукою вбок.

Что там такого необычного?

Черный «Шевроле Сабурбан» медленно просовывал свое тупое рыло между нашей машиной и впереди стоящим джипом охраны.

— У него все дома?

— А черт его знает! Но на аварию этот лопух сейчас точно нарвется!

— Так он не один едет, — сказал я, разглядев рядом с ним шестисотый «Мерседес». — Это, скорее всего, охрана чья-то, вон, видишь «мерина» позади?

— Мне это до лампочки! Тем более если это официальное лицо! Сирена есть? Так включи. Нет — стой как все.

Наш водитель ничуть не собирался уступать дорогу нахалу. Тяжелый бампер нашей машины со скрежетом уткнулся в борт «Шевроле», отодвигая его в сторону.

— Смотри-ка! Понял!

Стекло на задней левой двери нахала медленно поползло вниз. Рядом со мной защелкали затворы автоматов. Сидевший сбоку от меня охранник взялся за рукоятку открывания двери. Из открывшегося окна «Сабурбана» высунулся здоровенный бугай и погрозил нам пудовым кулачищем.

— Наголо бритый, — констатировал Антон. — Это не официальные структуры, чья-то частная охрана, надо полагать. Крякни ему, — повернулся он к водителю.

Капот нашей машины чуть не подпрыгнул, так громко рывкнула сирена.

Гаишники на посту синхронно завертели головами и бросились убирать из правого ряда железные ограждения. На освободившуюся полосу тут же рванулся «мерин», а следом за ним вырулил и «Шевроле». Наш водитель аж поперхнулся от подобной наглости.

Пробка быстро рассосалась, машины резвее двинулись по дороге. Перестраиваясь в средние ряды, наши машины тронулись по привычному маршруту.

Однако день сегодня явно шел наперекосяк.

Не успели мы отъехать от пикета и пары километров, как ожила рация.

— Шестьдесят второй? На связи Четырнадцатый.

— Слушаю тебя! — взял микрофон в руки Антон.

— Нас останавливают гаишники.

— Тормозите, — сказал я Антону. — ГАИ инструкцию знает и просто так тормозить машины со спецсигналами не будет. Да и раскраски на нас нет, откуда им знать, кто тут рассекает?

— Внимание всем! Готовность! Останавливаемся...

Тройка машин одновременно повернула к обочине. Передний и задний автомобили встали чуть наискось, прикрывая своими корпусами нашу машину, остановившуюся около милицейского автомобиля. Стекла в головной и замыкающей автомашинах поползли вниз, но оружия пока никто не показывал, держали на коленях.

Поползло вниз стекло и нашей автомашины. Колесников внимательно разглядывал подходившего к нам лейтенанта.

— Лейтенант Майский! — представился тот. — Документики ваши попрошу!

— Капитан Колесников, ФСБ, — невозмутимо ответил ему Антон. — В чем дело, товарищ лейтенант?

Тот слегка опешил. Видимо, такого развития событий он не предполагал.

— А-а-а... все же, попрошу ваши документы!

— Извольте! — в левой руке капитана появился спецталон. — Тут все ясно написано?

Документ это был серьезный. Помимо всех прочих поводов для щеконадувания, имелась там одна любопытная строка:

«Проверка пассажиров и груза автомобиля может быть произведена не иначе как в особых случаях и по письменному распоряжению начальника областного/городского УФСБ». Вот так!

Лейтенант слегка опешил.

— Вы аварию совершили... там на посту...

— Это с кем же? — холодно поинтересовался капитан.

— Во, блин, борзота! — по газону торопился давешний бугай из «Шевроле». — Охреначь его, командир, он нам всю бочину разодрал!

— Это из ФСБ... — лейтенант был явно не в своей тарелке. — У них спецталон есть...

— И чо?! Хозяин жизни, в натуре?

Не похоже было, чтобы бугай прикидывался. Он совершенно очевидно не понимал происходящего.

— Ты кто такой, голуба? — поинтересовался Антон. — С какого дуба

рухнул?

— Чо? Какой еще дуб? Ты хоть знаешь, чью машину помял? Да всей твоей зарплаты не хватит, чтобы ее починить!

— Лейтенант, — повернулся Колесников к гаишнику. — Вы номер спецталона записали?

— Сейчас... — тот выхватил из кармана блокнот. — Одну минуточку, вот, пожалуйста, держите ваш документ.

— Можете подать рапорт руководству. Со своей стороны я это сделаю немедленно. Еще вопросы к нам имеются?

— Нет.

— В таком случае — до свидания.

— Эй, это ты че?! — опешил бугай. — А бабки за помятую машину?

— Иди-ка сюда, родной... — не выдержал я столь обалденной наглости. — Миша,пусти меня к окну, я ему скажу пару ласковых...

Антон кивнул головой, и охранник чуть подвинулся в сторону, не спуская внимательных глаз с наших собеседников. Помимо глаз, он еще и автоматом их отслеживал, только не приподнимал пока его над краем оконного проема. Но в случае необходимости он бы нашпиговал их свинцом быстрее, чем я успел бы пару раз моргнуть. Краем глаза я заметил, что и капитан приготовил к бою свой «АПС».

— Вот что, гусь ты лапчатый...

Дальнейший мой монолог проистекал почти что в абсолютной тишине. Бугай как рот разинул, так и позабыл его закрыть. Лейтенант-гаишник и вовсе места себе не находил от удивления. Судя по всему, подобных словесных оборотов он не слыхивал в своей жизни ни разу. И уж совершенно точно не ожидал услышать такие речи от пассажира оперативной машины ФСБ!

— ...И уши свои протри мокрой тряпочкой! Чтобы сразу втюхивать, что тебе *люди* говорят!

Обалдевший до немоты бугай молчал. Похоже, что и в его тупой башке начали, наконец, ворочаться мысли. И были они, судя по его лицу, весьма невеселыми...

— Поехали, Антон, — повернулся я к Колесникову. — У нас дела есть, нечего попусту время терять со всякой шелупонью...

Уже после того, как мы отъехали от гаишника метров на пятьсот, капитан повернулся ко мне.

— Ну вы, Александр Сергеевич, и даете! Где это вы таким оборотам научились? И что же раньше-то молчали?

— Так не было ж необходимости... А научился где... Когда вокруг столько «talантов» бродит, как в моих «выходах», еще и не таким словесам обучиться можно...

Антон уважительно покивал головой.

— Впечатляюще! Этот баран чуть язык от удивления не проглотил! Будет теперь машину из своего кармана чинить!

— А ты их номера запомнил?

— И даже записал.

— Давай-ка их сюда... — пробормотал я, нашаривая телефон. — Сейчас, минуточку... Дима? Как ты там жив? Чем порадуешь?

Михайловский язвительно поинтересовался датой, когда меня вылечили от рассеянного склероза.

— Черт знает на сколько и куда ты провалился!! И вот, вернулся, месяц бока отлеживаешь, а чтобы позвонить старому товарищу — так хренушки!

— Дим, прости, но я и телефон-то свой получил только четыре дня назад!

— А других аппаратов поблизости не нашлось? Вот и пришлось мне все подробности о твоём самочувствии из Нинки клещами тащить! У нее-то небось телефон был? Не мог с ее аппарата позвонить?

— Блин... Извини лопуха, честно тебе говорю — не допер!

— Вот... А я тут сижу, понимаешь, переживаю... кота и то вовремя не кормлю...

— Ну, с меня коньяк!

— Лучше вино. Абхазское, сам знаешь, что привезти.

— Да когда ж я теперь туда-то выберусь? Поди и не пустят больше...

— А ты и генералу вина привези.

— Да... соблазнишь его такой мелочью... тут цистерну тащить придется, вся таможня на уши встанет!

— Ладно... чего уж там... подожду до лучших времен. Чего там у тебя стряслось?

— Да так... мелочовка. Не подскажешь, вот тут у меня пара номерков есть... Что это за пацаны такие борзые под ними рассекают?

— Давай номера, — слышно было, как затрещали кнопки на клавиатуре. — Ага! Второй... Хм! «Мерин» был?

— Да. «Шестисотка».

— Ну, стало быть, имел ты сомнительное удовольствие видеть господина Егидзе Ашота Генриховича. И его славную когарту бодигардов из охранного агентства «Профи-А».

— И чем же занимается сей товарищ?

— В основном — обналичкой. Для какой-то цели содержит «Профбанк». Агентство охрannое тоже ему принадлежит. Товарищ наш контактирует с солнцевскими ребятами. Депутатам отдельным помогает некоторые вопросы решать... Словом, обычный расейский банкир. В меру наглый и нахрапистый. Как большинство из них — бессовестный. Скупил на корню несколько колхозов в Псковской области. Точнее, скупил их долги.

— Благотворительностью занялся? С чего бы это? Умом повредился?

— Нет, с умом там все в порядке. Просто по тем местам должна вскорости пройти новая автодорога, вот он и скупает земли, через которые ее проложат. Оттого колхозы оттуда и выживает... Чего ты-то с ним не поделил?

— Да борзый больно, чуть нам машину не помял, а когда его джип с охраной в сторону оттерли, эти бугаи начали права качать...

— И в какую больницу их уже увезли?

— Сами они уехали!

— Да? Стареешь, мужик!

— Я им тут кое-что из лексикона покойного Манзырева поведал...

— Ну, тогда им еще больше не повезло...

— ...Чтобы они не слишком уж выпендривались.

— Изверг ты! Человек к тебе, можно сказать, со всей душой шел...

— Ага...

— ...Бейсбольную битку небось нес — покупкою похвастаться...

— Не, там гаишник стоял!

— Да? Ну ему-то он ее, скорее всего, не показывал. В этот раз... Удивляюсь я тебе! В твою сторону всякие сомнительные люди летят, прямо как мухи... на мед. Черт знает сколько тебя не было! Наконец, соизволил прибыть. И вот опять — драка!

— Да не дрался я!

— Тебе язык пломбировать надо! Как спусковую скобу на пистолете. Чтобы говорил тихо и медленно! С должным уважением к собеседнику!

— Да я и так стараюсь... только что правила хорошего тона не учу.

— А не помешало бы!

Вот умеет же человек заразить своим жизнелюбием! Прямо-таки диву даюсь! И это — при его профессии! Да, мне бы так насобачиться...

Яковлев ждал меня в своем кабинете. Напротив него расположился и Травников. Глянув на полупустую вазочку с печенюшками, я прикинул, что сидят они тут уже прилично. Как бы и не с утра.

— Присаживайтесь, Александр Сергеевич! Чаю хотите?

Чаю?

Словно бы песок скрипнул под ногами, а не блестящий паркет генеральского кабинета...

Стоило мне чуток зазеваться, как солнышко снова кольнуло меня своими жаркими лучиками. Оно уже переползло вбок, и теперь натянутая над укрытием плащ-палатка уже не защищала меня от него.

Чертыхнувшись, передвигаюсь в сторону, пытаюсь хоть что-то спрятать в тень. Вот обещали же снабженцы нормальный кусок брезента! Сидишь тут целыми днями на солнцепеке, и никакого укрытия. Одно утешает — осталось всего четыре дня. Потом уходим вниз, передышка. А пока... торчим, в этой богом и людьми забытой дыре. И ждем. Неведомо кого. Тут проходит тропа, и теоретически по ней могут ходить «духи». Впрочем, почему — могут? Ходили они здесь. И не раз. На тропе остались их следы, пустые коробки от патронов, еще кое-какая мелочовка, ясно на это указывающая. Но вот после нашего здесь появления их как корова языком слизнула. Местное население в этих краях не бродит, кругом камень, травы для выпаса скота нет. Да и вообще тут ничего нет. Незачем переть в такую даль не менее двух суток от ближайшего поселения. Разве что лелея в душе какие-то гадские помыслы. Вот для этого нас сюда и засунули. А я думаю, чтобы глаза не мозолили. Наш командир что-то больно резво взялся совать свой нос во всякие непонятные ему дела. Таковых тут хватало. Послать его по матери было стремно — все же группа не просто так, а из Москвы. Вот тогда придумали нам важное задание и отправили в эту дыру. Просидев тут честно два срока, майор взвыл и отправился к начальству — выручать нас из этого каменного мешка. Сегодня по рации он сообщил, мол, держитесь, осталось четыре дня. Вот и держимся. Мужественно боремся с жарой и со сном. И если жару победить пока не удалось, то вот со сном сражаемся относительно на равных. Плюнув на все условности, заминировали всю тропу «Охотой» и спим. Через эту жуткую штуку не то что пройти, даже и проползти проблематично. Разве что батальоном рванут...

Правда, спим все же не всей группой. Два человека постоянно на посту, смотрят по сторонам. Благо что видимость тут хорошая, облаков и зеленки нет, прятаться неведомым злодеям негде.

Наклоняюсь и вытаскиваю из-под камня флягу. Она уже тоже нагрелась, вода в ней почти горячая. Но все-таки кажется, что не настолько горяча, как вода в цистерне. Ту хоть и не трогай вовсе — обожжешься!

— Витя, пить хочешь? — протягиваю флягу напарнику.

— Давай... Эх, сейчас бы лимонаду холодного! Да чтоб с пузырьками...

— Ага! И мороженого! Ты какое больше любишь?

— Пломбир. Тот, что за сорок восемь копеек. Берешь этот кирпич и ложечкой его... маленькой...

— Да... пломбир бы не помешал... и пива холодного.

— Это с мороженым-то? «МиГ-21» на взлете изображать будешь?

— Ну... не сразу же... Можно и попозже пива попить.

— А-а-а... эт точно...

Беру нагревшийся бинокль и прикладываю его к глазам. От камней поднимается горячий воздух, и изображение пляшет в окулярах. Черт! Не видно ни хрена! Что там вдали? По-прежнему камни или что-то новое?

— Вить!

— А?!

— Глянь, чего там?

— Да чего там может быть? Две недели тут сидим, у меня уже на заднице мозоль образовалась, а хоть бы один человек прошел!

Я его понимаю. Над ним сразу две плащ-палатки натянуты, вот и тенек получше. Неохота из-под них прямо в пекло вылезать.

Снова смотрю в бинокль. Нет, что-то там все же есть!

— Витя! Посмотри!

Он нехотя вылезает из своего укрытия и подходит ко мне. Берет бинокль.

— Ну? И чего ты там надыбал?

— Вон, косую скалу видишь?

— Это слева-то? Вижу. И чего там?

— Три пальца правее возьми.

Виктор долго смотрит в бинокль, подкручивает окуляры и что-то шипит сквозь зубы.

— Сань! А ведь это люди идут!

— Ну, так а я про что? Давай ребят буди... — поворачиваю я в ту сторону тяжелую тушку крупнокалиберного пулемета.

До людей еще далеко, им идти до нас не менее километра. Собственно говоря, совсем вплотную им не подойти. Абсолютно независимо от их желания. На тропе стоит добрый десяток мин. Соединенные в одну умную систему, они будут срабатывать только тогда, когда около них окажется цель. Так что, пока не сработают все, тропа непроходима. Помню, когда сапер объяснял нам принцип устройства и работы этого комплекса, очень

хотелось чертыхнуться. Ждать своей цели эти мины будут, пока не сядет питание. С учетом здешней жары — еще месяца три. А то и больше.

Сзади послышался шорох, это ребята занимали свои позиции.

Смотрю в бинокль. Уже можно различить, что людей немного, человек десять. Идут они медленно — несут груз? Особо не видно... Ладно, можно и обождать, тем более что не так уж и долго этого ждать. Нащупываю пульт управления «Охотой». Вот он, под правой рукой лежит...

Идут.

Медленно идут, устали?

Значит, либо идут издалека, либо вымотались. А кто тут может сильно устать? В тех краях наших гарнизонов нет. Так что, если это «духи», то на хвост им никто серьезно наступить не мог. Хотя... между собой они тоже иногда режутся — будь здоров!

Еще метров сто...

Нет, это не «духи». По крайней мере ни одной чалмы я не разглядел. Тогда кто это может быть? За все время, что мы тут сидим, в ту сторону наши не проходили, да и нас никто о возможных гостях не предупреждал.

Так, форма наша. Уже лучше. Но не расслабляемся. Смотрим. Ага, вот они чего тащат! Носилки. Двое. Раненых несут? Очень даже возможно. Оттого и идут так медленно.

— Витя!

— Чего тебе?

— Похоже, что это кто-то из наших.

— Откуда они тут взялись? Никто же вперед не уходил?

— Вот подойдут, тогда и спросим... Воды поставьте вскипятить, хоть накормим ребят чем придется.

Тем временем группа уже прошла минное поле и приблизилась к нашим позициям.

— Эгей, славяне! Откуда путь держите? — несмотря ни на что, голову я из-за камней старался не высовывать.

Они остановились.

Семь человек, да на носилках еще двое лежат. Быстро сунув их за камни, солдаты попрятались туда же. Молодцы... мало ли кто тут порусски говорит? Бывали уже ситуации...

— Кто старший? Пароль?

Хороший вопрос. Правда, вот насчет пароля сомневаюсь... Уходили они точно не здесь, нам бы по смене передали. Так что на этот вопрос ответа ожидать не приходится.

— Я старший! Лейтенант Коренев! С кем говорю?

— Лейтенант Котов! Сюда подходи, остальные на месте!

Один из лежащих поднялся и медленно двинулся в нашу сторону. Ба, да он еле ноги передвигает! Ближе стало видно, что лицо лейтенанта заросло щетиной, видать, давно не брился.

Автомат закинут за плечо. Но на предохранитель не поставил, мне это отсюда хорошо видно. Кобура тоже расстегнута — осторожный. Уважаю...

— У вас есть связь с командованием?

— Есть. Мишка, рацию готовь! Дай Седьмого.

Коренев поставил автомат к брустверу и присел около рации. Взял протянутую ему гарнитуру.

— На связи Артист. Вышел с «серой тропы». Мне нужна связь с Вяткой.

— С Вяткой? — прохрипело в наушниках. — Добро. Ждите.

Лейтенант устало опустил руку.

— Чаю хочешь? — протянул я ему кружку, поданную мне Витькой.

— Хочу... — и он опорожнил кружку в несколько глотков.

— Еще?

— Вятка на связи! — гаркнуло в наушниках.

Коренев встрепенулся и поднял гарнитуру.

— Здесь Артист...

— Ты где?

— Восемнадцатый блок, квадрат тридцать три-пятнадцать, — спешно подсказываю ему я.

Лейтенант повторяет мои слова в микрофон.

— Все целы?

— Нет... Но задание мы выполнили!

— Так... — голос словно бы потух, — старший блока где?

— Слушаю! — забираю у Коренева гарнитуру.

— Это Дед, знаешь меня?

Полковник Ткачев, командир разведчиков. Фигура почти легендарная, он тут с самого начала сидит. Серьезный дядька и уважением пользуется немалым.

— Знаю.

— Вот что, за ребятами сейчас транспорт будет. Помоги им на месте, чем можешь, ясно?

— Так точно, сделаю.

— Давай, родной, надеюсь на тебя.

Отложив в сторону гарнитуру, поворачиваюсь к лейтенанту и вижу его воспаленные глаза.

— Ты сколько не спал, лейтенант?

— Игорем меня зовут... четыре дня...

— Охреносоветь! Крикни там своим, чтобы шмалять не начали, сейчас мои ребята вам поспособят.

Он встает на ноги и трижды поднимает в левой руке автомат. Вижу, как на тропе встают его солдаты. Поворачиваюсь к Витьке.

— Мужики! В темпе! Сюда их всех! Напоить и накормить. Раненых перевязать.

Топот ног, ребята понеслись к тропе.

— Откель вас черти-то несут?

Игорь трет рукою обветренное лицо.

— Мы... мы засаду делали. Должен был пойти один важный хрен. Два дня ждали.

— Как я понимаю, он пришел?

— Только не один. Мы ждали человек десять, а пришло более пятидесяти.

— Фигасе! Неслабо вам подфартило!

— Да... Взять его уже не получалось, пришлось валить. И отрываться. Вот четыре дня и идем. Километров восемьдесят отмахали.

— И как?

— Плохо... Четверых потеряли, вон, видишь, еще двоих зацепило по-серьезному. Да и прочим тоже... досталось.

— А сам?

— Контузило меня, в ушах звон. Тебя как через подушку слышу. Патронов почти не осталось, у меня полмагазина, да и у ребят едва ли больше... Гранат совсем нет, последнюю вон там, — он машет рукой на тропу, — на растяжку поставили...

— Идут за вами?

— Наверное... упорные черти, да к ним еще и подкрепление подошло. Вчера еще шли.

— Много?

— С подошедшими человек шестьдесят будет.

— Обрадовал ты меня...

Через бруствер переваливаются ребята, тащат носилки. Раненых волокут в тень, и Мишка тащит туда сумку с медикаментами. Остальные солдаты Коренева садятся под скалой, тут тоже есть подобие тени. Перед ними немедленно появляется ящик, на котором ребята ставят открытые

банки с консервами, кладут хлеб и еще всякую всячину. Так, ну тут более-менее.

Поворачиваюсь к лейтенанту и вытаскиваю из своего мешка флягу с водкой.

— Будешь?

Он кивает головой. Щедрой рукою наливаю ему полную жестяную кружку. Игорь выпивает ее одним махом, совершенно не чувствуя вкуса. По-моему, он даже не просек, что это не вода...

— Я к ребятам пойду, добро?

— Давай. Насчет всего прочего не парься, тут мы и без тебя справимся.

Когда я через пару минут оборачиваюсь в их сторону, Коренев уже спит. Впрочем, они все спят. У кого-то в руке даже ложка осталась.

Да... досталось им на орехи.

Ничего, пускай подрыхнут, это дело нужное.

— Парни, не сачкуем! Где-то там, на тропе, шесть десятков «духов» гуляют! Так что — все по местам! Глядим в оба!

И, словно подтверждая мои слова, вдали слабо бумкает.

Растяжка.

Последняя граната лейтенанта.

Ага, значит, гости все-таки пожаловали?

Бинокль прыгнул в руку, присматриваюсь. За спиной слышу движение, позвякивание железа — ребята занимают позиции. Еще в первый же день сидения тут командир гонял нас самыми извращенными вводными. То у него «духи» атаквали по тропе, то с тыла или вообще непостижимым образом оказывались прямо среди наших окопов. Дней пять нас срывали с места в самый неподходящий момент. Помню, Мишка опрокинул мне на ноги кружку с горячим чаем, когда резко вскочил по тревоге. И пришлось ползать по земле в мокрых штанах...

Но сейчас это не вводная — в бинокль вижу группу моджахедов. По тропе они уже не прут, идут по обочине, зорко осматривая все вокруг. На здоровье, засечь таким образом сейсмодатчики управляющего блока — штука невозможная даже теоретически.

Кстати...

Беру в руки пульт.

Кнопка «Вкл.», нажать.

Пискнуло, и на пульте ярко загорелся зеленый огонек.

Так, система готова к работе.

«Опрос датчиков».

Нажимаем и эту кнопочку.

Огонек замигал. Управляющий блок сейчас производит опрос всех сейсмодатчиков системы. Похожие на длинные гвозди, они упрятаны в землю в самых неожиданных местах. А неподалеку от них ждут своего часа мины. Пять «МОН-50» и пять «ОЗМ-72».

Снова запищало, и на пульте загорелся еще один огонек — «Цепь». Тоже зеленый, значит, все в норме.

Последняя кнопка.

«Готовность».

Нажимаю и ее.

Мигает.

Еще раз.

Писк. Долгий, секунд пять.

На пульте загорелся еще один огонек.

«Боевой режим включен».

Очередность срабатывания у мин выставлена так, что пока кто-нибудь не дойдет до первой мины, все прочие будут молчать, хоть бы там лезгинку отплясывали всей толпой. А настроены датчики именно на шаг ноги. Есть у них там несколько вариантов. На четыре ноги — на лошадей и прочих выючных животных. На колесный транспорт. Или, вот как сейчас, на пешеходов.

Все, система стоит в боевом положении, и от меня уже ничего не зависит.

Шорох.

Смотрю вбок.

Это Мишка со своей снайперкой пополз на запасную позицию. Разумно. Это он хочет замыкающих прижать. Мало ли что у них там с собой есть? А вдруг эти отчаюги миномет с собою волокут? Только такого подарка нам тут и не хватает. У передних не видно никакого тяжелого вооружения, так это мало о чем говорит, хвост колонны мы не просматриваем.

Мины расставлены вдоль тропы на дистанции метров в триста и теоретически способны выкосить все живое на данном отрезке. Но это в теории, а вот как на практике все пойдет? По закону подлости может уцелеть именно тот самый «дух», что волочит на горбу миномет. И будет нам всем тут весело...

Гости наши незванные тем временем выпустили вперед дозор — троих бородачей. Те оторвались от основных сил метров на двести и уже вышли

из зоны поражения.

Хорошо, что я активировал систему уже после их прохода, а то грохнула бы первая мина впустую. Нет, три человека тоже кое-что, но... Лучше уж пусть основная часть «духов» под мины подойдет, это уж как-то повеселее будет. А за эту троицу я спокоен. Там Витек на тропке засел, от него-то уж точно не уйдут...

Плащ-палатки и брезент над окопами сдернуты и лежат на земле. Ничто особо не выделяет наш блок среди окружающей местности. Нет, понятное дело, что брустверы видны. Но вот признаков жизни за ними не наблюдается. Все ребята сидят на дне окопов или попрятались за камнями. То, что тут был блокпост, «духи», разумеется, знают. Но вот есть ли он здесь сейчас? Тропою этой уже давно никто не пользуется, можно сказать, почти забросили. Так что и особого смысла держать тут солдат нет. Тем более что дальше есть еще один блок. Тот уже гораздо более серьезный, даже капитальные блиндажи есть. Он прикрывает перекресток, там обычно базируется еще и броня. В обычном случае «духи» так не торопились, выслали разведку, наблюдали издали, да так и раскрыли бы наше присутствие здесь. Но сейчас их подстегивает время. А точнее — его нехватка. На тропе не видно преследуемых, стало быть, они ушли вперед. До большого блока тут уже не так и далеко, там их не достать. Значит, надо спешить...

Дозорные проходят мимо. Потом останавливаются, и один из них не торопясь топает в нашу сторону.

Здрасьте, приехали!

Только такого гостя нам тут и не хватает! Сейчас он поднимется на бруствер — и привет, накрылась наша засада. «Духи» развернутся вне зоны действия мин и полезут окольными путями. Тропа простреливается, и желающих по ней топтать точно не станет.

Тем временем оставшаяся парочка неторопливо двинулась дальше. Периодически они посматривают на своего товарища, а тот уже метрах в пятидесяти от наших позиций.

Машу рукой, и ребята оттягиваются назад. Только крупнокалиберный пулемет остается стоять на своем месте. Нахожу взглядом Андрея.

— «ПБС»!

Он кивает головой и в темпе прикручивает этот прибабас на ствол автомата. Меняет в нем магазин, теперь автомат заряжен дозвуковыми патронами. Шаг вбок, и он скрывается в подбрустверной нише.

Откладываю в сторону автомат и тащу из кобуры «6П9». Вот и пригодился...

Ныкаюсь и слушаю.

Вот заскрипел песок под шагами «гостя». Где он? Обходит окоп справа, между мною и прочими «духами». А где его товарищи сейчас? Если они топают прежним темпом, то до них должно быть около двухсот метров. Сойдет...

На песок рядом со мной падает камешек. Это еще что? Афганец окопы проверяет? Гранату кидать жаба душит, вот и пробует, что называется, «на испуг»? Вполне вероятно...

Шаги.

Дальше пошел, окоп обогнул. Еще метров пять, и он пулемет заметит, его ствол с этой позиции будет виден хорошо. Что потом? Побежит с воплями назад? Или все-таки жадность верх возьмет и захочет он такой трофей оприходовать? Денег такая штука стоит немалых!

Шаг, еще один, еще...

Остановился!

Когда он сюда шел, то автомат за спиной висел. Я еще удивился, ведь бой может вспыхнуть мгновенно, а у него руки пустые. Молодой еще? Глупый или самоуверенный?

Щелчок, предохранитель сбросил?

Похоже...

Не слышал, чтобы он оружие снимал, значит, сделал басмач это еще раньше.

Стало быть, пулемет он засек.

Еще шаг...

Теперь он видит, что рядом с ним никого нет.

Что теперь?

Стоит.

А товарищи его продолжают идти, и основная группа «духов» топает по тропе. Как далеко им до первой мины?

Заскрипел песок, «гость» двинулся дальше.

Один-ноль в пользу жабы.

Пух! Пух!

Выворачиваюсь из-за угла.

«Дух» стоит прямо рядом со мной. Автомат он выронил и обеими руками держится за грудь.

Добавляю ему из пистолета.

Все, готов.

Сую пистолет в кобуру и ловлю на руки тело.

Совсем молодой парень, лет девятнадцать-двадцать. Борода

жиденькая, не успел еще отрастить. Теперь уже и не отрастит....

Так, чалму на голову. Халат... черт, запутался в чем-то. Ага, есть. Штаны, поверх своих, быстрее.

Андрюха рядом помогает мне, осматривает и кивает головой.

— Порядок! Издали не рассмотрят.

— Если только не в бинокль...

— Ботинкиними!

— Блин! Я-то тоже хорош...

Напяливаю обувь убитого, маловато будет! Но ничего, мне в ней далеко не идти.

Поднимаю свой автомат и топаю назад. Голову вниз, будто под ноги смотрю. Нет, не так. Вытаскиваю из-под халата пистолет и верчу его в руках.

Вот это больше похоже на правду. Нашел интересную штуку и теперь изучаю. Похоже?

Вполне.

А главное, моего лица теперь не видно в бинокль.

Халат, штаны, чалма, обросшая загорелая морда — чем не «дух»?

Спрашивается, какого рожна я в такие прятки играю?

Ведь можно было бы просто стегануть по ним из крупняка, всех не положим, но десяток точно уконтрапим. Все так. Но остальные могут и не отступить. И черт его знает как оно там все обернется... Судя по тому, что идут они за ребятами уже не первый день, напакостили парни «духам» серьезно. Значит, и в погоню пошли не совсем зеленые да необученные. Нельзя их отпускать. Отсюда уйдут, а куда придут? Да и поквитаться за убитых парней надо.

Вот и брустверы позади. Быстрый взгляд на тропу. Дозор уже метрах в трехстах, смотрят в мою сторону. Чуть рукой им не помахал, вовремя сообразил, что у афганцев это вроде бы не принято. Во всяком случае, я этого не видел.

А что основная группа?

Ого!

Они уже около первой мины!

Ну, что же, идем дальше. Как рванет, тут мне и ноги делать.

Хренак!

На тропе ухнуло! Да не единожды!

Поднимаю голову и вижу, как сбитыми кеглями валятся дозорные — Витек сработал!

Взгляд на тропу — и там дым коромыслом.

К черту маскировку!

Длинными прыжками несусь назад.

Вот и окоп.

Сваливаюсь в него и скидываю чалму. Халат — туда же. Штаны снимать некогда, распарываю их ножом.

Втискиваю ноги в ботинки и перескакиваю к пулемету.

Там уже примостился Андрей, деловито смотрит поверх ствола на клубы пыли над тропой.

— Ну как там?

— Красота! Всегда бы на такой фейерверк глядел.

В пыли снова грохает взрыв, значит, есть еще кто-то живой.

— Парни, смотрим! Не всех еще покосило!

Бух!

Снайперка. Мишка кого-то засек. Бух! Бух!

Бегу к нему, прячась за бугорками и каменюками.

Он лежит, прижав к плечу винтовку, и наблюдает за тропой.

— Чего там?

— Да так... пытался тут один резвый ноги сделать.

— И?

— Вон он лежит...

— А еще кто есть?

— Мне не видно. Пыль...

— Пулемет тебе сюда подтянуть?

— Ну... в принципе — не помешает.

— Добро!

Спешу назад и на позициях натыкаюсь на Коренева. Он уже на ногах, и вместе с ним его ребята.

— Чего вскочил, лейтенант?

— Стреляли...

Ну, прям тебе «Белое солнце пустыни»!

— Будь спок, лейтенант, мы тут справимся. Отдыхай пока.

— Нет, — мотает он головой. — Это за нами идут, их там до фига должно быть...

— Да, харь шестьдесят было.

— Было?

— Там, — машу я рукой, — на тропе, десяток мин стоит. Стояло. «Монки» и «ОЗМ-72». Сам по ней ты шел, так что рельеф местности представляешь. Еще вопросы есть?

— Мы что же — по минам шли?

— По воздуху! Отключили мы минное поле, как вас увидели. Так что — не парься.

— Патронов дай.

— Да вон, в окопе ящик лежит, бери сколько нужно!

Бабах!

Снова на тропе.

Взрыкивает крупнокалиберный. Ого! Даже так?

Бегу к пулемету.

По пути отправляю к Мишке пулеметный расчет.

Вот и окоп.

Андрей у пулемета, невозмутимо ворочает стволом, выцеливая кого-то на тропе.

— Что там у тебя?

— «Духи». Пытались рвануть в нашу сторону. Я троих снес, остальные попрыгались.

Да, действительно, прямо у выхода с тропы лежат трое басмачей. У одного в руках «РПГ-7».

— Сколько их там может быть?

— Я видел с десятков.

— Ждем... скоро уже пыль осядет.

Бабах!

Собственно говоря, на этом бой и окончился. Через час к нам подошла броня, и с ней пара «шишиг». Забрали Коренева и его бойцов, погрузили раненых.

Отключив минное поле, мы все пробежались к тропе.

Зрелище там было... я вас умоляю! Жуткое...

Несработавшей осталась только одна «монка».

Прибывший с колонной комбат только крикнул, рассматривая тропу. И тут же начал доставать саперов, требуя от них восстановить минное поле.

Прошел день, и нас всех сменили. На блок заступили ребята комбата, то-то он так старался! А нас отвели сначала в тыл, а потом и вовсе перебросили в другое место. Так я и не узнал ничего о дальнейшей судьбе лейтенанта и о том, за кем же они там охотились.

Прошло несколько лет, я уже давно подзабыл об этом случае. Волею судьбы пришлось мне некоторое время посидеть в кабинете. Наше начальство заказало ученым-умникам некоторые специфические прикормы, вот меня и отправили к ним в качестве главного критика и,

отчасти, эксперта.

Так что сидел я в кабинете военпреда на их хитромудром «ящике» и откровенно маялся дурью. Только изредка меня вызывали в цех или в лабораторию, где я до хрипоты спорил с разработчиками, отстаивая свою правоту. Дело это шло туго, мой отъезд постоянно откладывался. Вот и сидел я в просторном кабинете, составляя всевозможные сочетания из различных чаев. Так сказать — оригинальный букет изобретал.

В один прекрасный момент в дверь стукнули.

Поскольку хозяин кабинета отсутствовал на своем месте почти постоянно, занимаясь какими-то неведомыми мне вопросами, я распоряжался здесь почти единолично. Разве что секретную почту не принимал. А вот в некоторых текущих вопросах разбирался уже вполне отчетливо.

— Входите! — крикнул я. — Не заперто, чай!

На пороге нарисовался крепкий мужик. Кого-то он мне напоминал...

— Мне Филатова нужно.

— Увы, — развел я руками. — Ничем помочь не могу. Нету его, в цех ушел.

— А будет когда?

— Да кто ж его знает? Надо полагать, будет когда-нибудь...

— М-м-да... Что же мне делать?

— Подождите тут, коли не спешите. Из меня провожатый плохой, я и сам здесь временно...

Мужик наклонился и поставил на пол свой портфель. На секунду он повернулся ко мне в профиль.

Точно — знакомая морда! Где ж я его видел-то? Спросить?

Да неудобно как-то... вон и он на меня смотрит с интересом.

На тумбочке зафырчал чайник.

— Чаю хотите? — спрашиваю его, поднимаясь из-за стола.

— Хочу... Лейтенант?

— Капитан вообще-то. Э-э-э... Афган?

— Ну да! Квадрат тридцать три-пятнадцать, не забыл?

— Коренев?!

В общем, хозяина кабинета мы ждать не стали...

До утра просидели мы с бывшим лейтенантом в гостинице, где мне удачно отвалился неплохой номер. Коньяк у меня был, да и он приволок кое-чего с собой.

— А я ведь тогда долго вас разыскать пытался! — наливая очередную

рюмку, сокрушался он. — Да только сказали мне, что никаких таких спецов на этом блокпосту отродясь и не бывало. Всю дорогу там обычная пехота стояла. А я даже фамилии твоей не запомнил...

— Да нас там всю секретили! Знать бы от кого? Ты-то сам как на нас вылез тогда? По этой тропе никто уж и не ходил, далеко, да и неудобно.

— А-а-а... — махнул рукой Коренев. — Дело прошлое, слушай. Про «серую тропу» знаешь?

— Нет. Слышал какие-то обмолвки, но ничего конкретного...

— По этой дорожке возили в основном наркоту. Или проводили в Афган и обратно заморских советников. Инструкторов к «духам», всякого рода проверяющих. Словом — генералитет!

— Не слабо!

— А то ж! Сколько раз ни пытались накрыть там кого-нибудь авиацией, хренушки! Успевали они занываться под землей — там пещер до хрена. Вот Ткачев и придумал хитрый план. Откуда он узнал — бог весть, но задание выдал нам конкретное и очень детально обстановку описал. Надо было завалить одного проверяющего. Причем — именно его и именно в этом месте. Ни раньше, ни позже.

— Зачем так сложно?

— Мы тоже удивились сначала, там, в принципе, и другие места были, поудобнее. Но Ткачев сказал — только тут! Мы и пошли. Дальше ты и сам все видел.

— Странно...

— Вот и я так думал! А через пару месяцев он мне разведсводку показал. Тот командир, на чьем участке ответственности мы завалили данную персону, попал под подозрение. Как я понимаю теперь, Ткачев и еще кое-что сделал, чтобы эти подозрения усилить. Да и накопал проверяющий всякой гадости именно в отряде этого командира.

— Чужими руками «духов» столкнул? Мастер!

— Вот то-то! Между ними аж до стрельбы дошло, командира того самого в итоге грохнули. Драка там нешуточная завязалась! Отряд его частично разбежался, частично полег. А некоторые так и вовсе — в царандой ушли, типа осознали и раскаялись.

— И большой у него отряд был?

— Да как бы не в полтыщи рыл...

— Нехило...

— Вот так мастера-то и воюют! Сколько мы обычным путем этих «духов» бы колошматили? И какой ценой?

— Да... серьезный был дядька!

— Мне тогда «Знамя» за этот выход дали, ребятам по «Звезде». А вам?

— А что — нам? Обычная работа, только и делов... Еще побегали там пару месяцев — да и назад. Никаких наград нам за это не полагалось.

— Да... бывает... А вот твой вопрос относительно чая я на всю жизнь запомнил! Для меня тогда это как рубеж какой-то был. Словно вот там — война, а вот тут — уже мир... Я на нервах был, аж колотило всего. И пить охота и спать — и все сразу! А ты сидишь себе, спокойный такой, и спрашиваешь: «Чаю хочешь?».

— Да ты тогда кружку водки высосал — и ни в одном глазу!

— Врешь?

— Как бог свят!

— Охренеть...

Вот этот момент своей жизни я и вспомнил, услышав обращенные ко мне слова генерала...

— Присаживайтесь, Александр Сергеевич! Как самочувствие?

— Вашими молитвами да трудами медиков — пока в норме все.

— Почему пока?

— Так вы вспомните Мюллера, ну, того, из фильма про Штирлица. Он вообще сказал: «Хорошо еще, что вообще живу...»

Травников фыркнул.

— Ну и юмор у вас, уважаемый!

— С кем поведешься... Вы тоже — тот еще оптимист!

— Ну, вы и спелись... — покачал головой генерал. — Со стороны глянешь, все — сливай воду, свет туши! Откуда такие настроения? Можно подумать, что эксперимент не удался! Не так уж у нас все и плохо.

— Вы, товарищ генерал-лейтенант, — сказал я, усаживаясь в предложенное кресло и беря в руки чашку с чаем, — когда вот так, издалека, разговор заводите, всегда какая-нибудь задачка вылезает...

— С чего бы это вдруг? Вроде бы у нас с вами таких предпосылок не было еще?

— Народ говорит...

— Уж я некоторым, особо языкастым-то, их языки длинные прищемлю! — постучал Яковлев пальцем по столу. — Ладно... давайте-ка к делу.

Академик поерзал, поудобнее устраиваясь в кресле.

— Прошу! — произнес генерал, ставя передо мною пару сапог. — Ничего знакомого не наблюдаете, Александр Сергеевич?

Так... Сапоги. Совершенно обычные, на первый взгляд. Достаточно

новые, хотя и выглядят как-то... старомодно, вот! Наклоняюсь вперед и беру один из них в руки. Хм! Какой-то он... Ага!

— Да, товарищ генерал-лейтенант, знакомая штучка! Только у моего сапога голенище распорото было. Вот тут. А этот целый! Так что не мой это лапоть, хотя и похож.

— Что, так здорово похож?

— Ну... — переворачиваю сапоги и смотрю на подошву. — Эти вообще новые, даже и неношеные. Не мои, это совершенно точно! А так — как один мастер делал. Здесь, видите? Петельки сбоку вшиты, чтобы сапог натягивать. Вот эти.

— Вижу. И что в них особенного?

— Пальцы в них просуньте.

Яковлев взял сапог и просунул в петельку палец.

— Вот так?

— Да. А еще один?

— Да, запросто!

— Не тесно?

— Нет. Даже и третий можно постараться пропихнуть. А что здесь такого?

— Вы, Виктор Петрович, давно сапоги наши в последний раз надевали?

— Ну... лет десять... может, и больше уже...

— В петли наших сапог три пальца пропихнуть нереально. И два-то не у всякого влезут! А у вас пальцы явно не как у пианиста, так что и подавно!

— Вот как? — генерал и академик обменялись взглядами.

Травников взял сапог и постарался продеть в петлю три пальца. Это вышло у него вообще без проблем.

— Что-то я мысль не улавливаю, Александр Сергеевич... — пожал он плечами. — Ну, влезли мои три пальца в петельку. Так и четвертый можно туда пристроить... может быть... И что с того?

— Не наш мастер эти сапоги шил. Уж во всяком случае — он их никогда ранее не нашивал. И про эту деталь не знал. Просто рассуждал. Петли есть? Есть. Зачем они нужны? Чтобы сапог быстрее надевать. Значит, надо их пошире сделать да поглубже, чтобы носящему удобнее было бы их удерживать. Я, когда впервые такие сапожки надел, тоже не сразу это понял. В голове вертелось чего-то, да вот окончательно только сейчас и сложилось...

— А на это вы что скажете? — протянул мне Яковлев тонкую папку. — Почитайте, тут немного...

Так, кто это тут расстарался?

Хаустов? А, так это местный главный эксперт! Основательный дядька и серьезный, этот порожняк гнать не будет.

Ну, посмотрим, чего он тут накопал...

Через двадцать минут я положил папку на стол. Ничего себе...

— Как я понимаю, товарищ генерал-лейтенант, это нам привет от заклятых «друзей»? Похоже, что их труды оказались ненапрасными?

— Я бы не был столь категоричен, — академик поставил на стол пустую чашку. — Американцы добились пока только исчезновения испытателя. Это еще ни о чем не говорит. При той мощности подводимой энергии, которую применяют для питания своей аппаратуры «транспортировщики», рельс испарить можно, не только человеческое тело.

— Тем не менее, он уцелел, — кивнул я на стоящий передо мной сапог. — И никуда не испарился.

Академик поднялся из кресла и подошел ко мне.

— Взвесьте все еще раз, Александр Сергеевич. В данный момент — вы самый главный эксперт по этому вопросу. У вас точно были именно такие сапоги?

— Да, Александр Яковлевич. Они из одной серии, их шил один и тот же мастер.

— Значит, — обернулся академик к генералу, — перенос материальных объектов возможен...

— То есть вы хотите сказать, Александр Яковлевич, — приподнялся я из кресла, — что в прошлое можно отправить, скажем, ядерный заряд, дабы он рванул где-нибудь в нужное время?

— Нет. Исходя из полученных нами данных, а также опираясь на наши выкладки, можно с уверенностью утверждать, что *прицельное* перемещение объекта с массой более двух-трех килограммов невозможно. Во всяком случае, сейчас. Насколько мы знаем, целью американцев вообще являлся сорок пятый год. Заброска должна была произойти в район Потсдама. В зону, контролируемую в то время частями союзников.

— В советских сапогах?

— И в советской военной форме. Во всяком случае человек в нашей форме быстрее бы нашел общий язык с союзниками, чем американский или английский офицер с нашими солдатами.

— То есть они промазали аж на три года?

— Почти. Я думаю, что при увеличении массы перемещаемого груза

разброс будет еще более значимым. Как по месту, так и по времени. Не говоря уже о том, что вернуть его назад... — он саркастически хмыкнул, — задача неразрешимая даже в принципе. В то время просто физически не существовало возможности сборки подобной аппаратуры. Повторюсь — это билет в один конец.

— А если вернуть не самого человека? А как у нас — перенести сознание?

— В кого, позвольте вас спросить? И каким образом? Как извлечь сознание из мозга человека *там* и в кого его перенести уже в наше время?

— Ну... если у них есть «якорь»...

— Bravo! — Травников хлопнул в ладоши. — Вам бы наукой заняться, Александр Сергеевич, — цены б не было! Это я как ученый говорю! Так вот! Что является «якорем» в нашем случае?

— Я сам и являюсь...

— Точнее — ваше тело! А теперь представьте себе, что оно находится где-то в сорок втором или где-то рядом. Представили? И куда будет возвращаться отторгнутое у вас сознание?

— В сорок второй год и вернется.

— То-то! Так вот — найдете мне «якорь» сопоставимой мощности? Который сможет хотя бы уравновесить этот. Уж и не говорю — превзойти! А?

Действительно, что может перевесить по своей значимости и притяжению себя самого? Что-то и в голову ничего подобного не приходит.

— Не знаю такого, Александр Яковлевич.

— Не терзайтесь понапрасну! Я тоже.

— А если все же допустить возможность того, что человек выжил? Что тогда?

Оба моих собеседника переглянулись.

Генерал встал из-за столика и взял с рабочего стола тонкую папку.

— Мы думали и об этом. Эффект «куска сахара», в случае невозвращения человека и его длительного воздействия на окружающих людей, может быть в таком варианте сильно ослаблен.

— То есть мы бы уже почувствовали это на своей шкуре?

— Одного человека? Ну... не факт! А вот если этим путем пойдут еще и другие... тогда будет хуже.

— Насколько?

— Мы не знаем. И пока не можем даже предположить. У нас просто нет данных для каких-либо выводов.

— Весело... А я тут при чем?

— По нашим расчетам, — подал голос Травников, — район переноса находится где-то в окрестностях Новгорода.

— Новгорода? А как же... — кивнул я на сапоги. — Уж их-то я точно не там видел.

— Судя по описанию эксперимента, — присел напротив меня генерал, — перенос человека произошел в первую очередь. Установка еще работала в штатном режиме. А вот это, — его рука указала на сапоги, — следствие второго импульса, вызванного уже нештатной работой комплекса. Оттого и разброс такой вышел. И по дальности, и по времени. Вот и попали похожие сапожки под Харьков, а там уже и вам встретились.

— Хм... вполне может быть... я уж тут от товарища академика чего только не наслушался. Уже ничему не удивляюсь. И что теперь?

— Надо постараться найти следы этого «гостя».

— Спустя столько лет?

— Для начала хотя бы и так..

— Почему я? Ведь в отделе же есть немало более молодых и глазастых оперов? Они здесь сработают более эффективно, нежели я.

Травников кашлянул.

— Видите ли, Александр Сергеевич... тут есть одна любопытная гипотеза... — он поднял свою чашку и отпил уже остывший чай. — Вы уже дважды были *там*... И теперь просто сами по себе являетесь своего рода «якорем». Даже — «маяком»! Я бы сказал больше: вероятность того, что попавший после вас в прошлое человек окажется поблизости от вашего местонахождения, на мой взгляд, чрезвычайно высока! Точно так же — и в обратном случае. То есть если кто-то из американцев попал *туда*...

— То и я вынырну где-то рядышком...

— Ну... приблизительно так... Причем независимо от наших усилий! Полагаю, что вы сумеете почувствовать след такого попадания даже и в наше время.

— Поэтому, — взял слово генерал, — мы и формируем группу специалистов, которые будут обследовать предполагаемое место заброски американского исследователя. Вот тут, в папке, все доступные нам на сегодняшний день материалы. Изучите это, подумайте. Двух дней будет достаточно?

— Думаю, что вполне.

— Имейте в виду, не стесняйтесь озвучивать никакие, даже самые мимолетные, догадки или мысли! После всего, что уже произошло, я склонен всецело доверять вашей интуиции.

— Хорошо, товарищ генерал-лейтенант, сделаю.

— Научно-техническая часть этого задания лежит на нашем уважаемом академике, — Травников кивнул головой, — так что любое потребное вам или ему оборудование будет доставлено в кратчайшие сроки. Вопрос слишком серьезен, чтобы мы могли стеснять себя в средствах и методах.

— А если я попрошу вскопать пару гектаров леса на метр в глубину?

— Вскопаем.

— И устроить там озеро?

— Нальем!

Вот тут я впервые ощутил всю мощь аппарата, которым руководил Яковлев... каковы же реальные достижения этой конторы? И как далеко простираются ее возможности?

Здесьняя дорога здорово напоминала мне ту самую, по которой я выбирался к фронту тогда, в сорок втором. Во всяком случае, от танка я бы сейчас не отказался. Наш «уазик», нутужно ревя мотором, как раз преодолевал очередную колдобину, и я вспомнил свою поездку на трофейном танке. Впрочем, вполне возможно, что и местное население придерживалось аналогичных взглядов. Следы гусениц здесь присутствовали. Надо полагать, что именно этот транспорт и являлся для них основным. Глядя на дорогу, я и представить себе не мог на ней не то что «жигуленка», но даже и что-либо более основательное. «Лэндкрузер» наш тут бы точно утонул. Да еще и бронированный. А вот отечественная техника пока справлялась.

—..! — сочно высказался Антон, в очередной раз долбанувшись головой об стойку. — Коля! Не дрова везешь!

— А что я могу? — возразил тот, выкручивая баранку. — Тут на танке ехать надобно! На бэтере, на крайняк!

Гляди-ка, и у него похожие мысли!

— Антон, а может, лучше по лесу пешком пройдем? — спросил я. — Наверняка быстрее будет!

— Да давайте уж подождем, Александр Сергеевич! — видать, ему очень не хотелось прыгать через грязюку к опушке. — Судя по карте, уже поселок скоро.

— Знаю я эти карты! Не раз тут хаживал. По карте деревня есть, а на деле ее и след простыл! Выселили еще десять лет назад.

— Ну, куда-то эта дорога ведет?

— В никуда. Это у нас запросто. Вот проедем по ней еще десяток верст, она и закончится где-нибудь на выработках...

Однако же накаркать мне в этот раз не удалось.

Буквально через пару километров дорога пошла вверх, стало суше, и вскоре наши машины выбрались из непролазной грязи. Еще через километр показались первые дома.

По легенде мы изображали геофизиков. Даже аппаратура имелась соответствующая. Во всяком случае очень похожая на настоящую. Что уж там она на самом деле измеряла — бог весть. Никто из нас об этом даже и не догадывался. А наши мальчики из «хитрого домика» всякий раз заводили такие подробные объяснения, что аж зубы начинали ныть. Махнув на это рукой, мы попросту следовали их указаниям, добросовестно гуляя по квадратам леса, которые они нам указывали. Помимо меня и Антона, в этой прогулке принимали участие ещё трое моих охранников.

Кто скажет вам, что прогулка по осеннему лесу доставляет удовольствие, — не верьте! Нет, по подмосковному — очень даже может быть. Но вот гулять по заболоченным новгородским лесам, да еще и под дождем — удовольствие сомнительное. Особенно если учесть, что болота тут почти повсюду. Или это наши умники специально для нас такие места выбирают? Так сказать, в целях улучшения навыков и для тренировки? А что, с них станется...

Из соображений маскировки мы оставили в Новгороде не только свои автомашины, но и более-менее непривычное для данных мест снаряжение. Во всяком случае, об отсутствии «гортекса» я сокрушался не единожды. Наши штормовки на третий день прогулок уже начали промокать.

Не спорю, секретность вещь, конечно, нужная. Но не до такой же степени! Того и гляди, главное действующее лицо схлопочет тут элементарное воспаление легких, и тогда всем поискам придет конец! Уж что-что, а наличие импортных курток у геофизиков всегда объяснить можно. Вот вернусь в Москву, выскажу генералу свое «фэ»! И ведь наверняка окажется, что это кто-то из нижесидящих начальников перебдеть решил!

Скрипнув тормозами, «уазик» остановился у одного из домов. Судя по его виду, это было правление колхоза или что-то аналогичное. Ну да, колхозов-то теперь нету, а как ныне называются эти новообразования, я так и не запомнил.

На выцветшей стене висела какая-то вывеска, но с моего места ее прочитать было невозможно.

Щелкнул замок, и мы дружно высыпали на улицу. Тут хотя бы было сухо, можно не опасаться утонуть сразу по колено. Изображавший

старшего Антон направился к двери.

Но стоило ему подойти ближе, как она распахнулась, и перед нами предстал пожилой, но еще крепкий дядька. Одет он был вполне по погоде, в штормовку и камуфляжные брюки, заправленные в резиновые сапоги. И, хотя в настоящий момент на небе туч не ожидалось, никто из нас особо не обольщался — дождь мог хлынуть в любой момент. Уж такая тут была аномальная зона...

— Здравствуйте! — вежливо поздоровался Антон. Мы все дружно закивали головами, выражая свою солидарность с его высказыванием.

— И вам не хворать! — отозвался дядька. — Откудова вас, таких разукрашенных, к нам принесло?

Разукрашенных?

А, так это он машину нашу имеет в виду!

Видок у нее действительно... был еще тот. Только на лобовом стекле еще имелись свободные от потеков грязи участки.

— Дак, геофизики мы! — обрадованно проговорил Антон. — У нас тут съемка, вот и заехали к вам.

— И чем я вам помочь могу? У нас тут, чай, не город, разносолов нет, да и кафе, что было раньше, уж три года как на замке.

— Нам бы крышу над головой...

— На пятерых-то?

— Нет, нас больше. Позади по дороге две наши машины идут, еще один такой же, — кивнул Антон на нашу машину, — да «буханка» с оборудованием. Семь человек.

— Итого — дюжина! — подытожил дядька. — Ну... дома у нас тут такого ни у кого нет, чтоб сразу дюжину-то разместить...

— Нам бы все-таки вместе... Собраться где-то надо, поговорить, прикинуть, как работать будем... Да и результаты подводить надо. Тоже уж лучше под крышей-то.

Дядька задумчиво почесал затылок.

— Мы в долгу не останемся... — вкрадчиво произнес Антон.

— А! — махнул рукой его собеседник. — Не в этом дело! У нас тут на всю деревню два десятка домов жилых осталось, да и то больше старики. Домишки у них маленькие, не влезет орава-то такая. А остальные все разъехались... кто куда. Одно и название только осталось, что деревня... Неперспективные мы, вишь...

— Так... нам сказали, что у вас тут хозяйство... коровы там всякие...

— Были! — огорченно вздохнул дядька. — Тогда и народ тут был. Только вот, откуда ни возьмись, повылазили долги, свет нам обрубил, мол,

тоже за долги. Председатель наш бывший, Громанчук, будь он неладен, в какую-то авантюру влез, вот и... Сам-то он нынче съехал отсюда, говорят, в Неболчах дом купил новый, у него-то с деньгами все в порядке! А мы — вот, колупаемся тут. Да и молоко вывозить как-то надо ведь? Ты ж дорогу нашу видел? На бумаге-то ее каждый год чинят, да толку с этого? По бумаге же не поедешь? Вот и продали нашу животину... а за нею и народ потянулся... А-а-а! Что тут теперь? Ладно! Дам вам ключи, вон ту половину правления занимайте. Народу там нету, некому работать уже. А так — в порядке все, чисто. Даже мебель есть какая-никакая. Столы там, стулья. Кроватей вот только нет, тут уж не обессудьте!

— У нас спальники есть, на полу ляжем. Чай, не привыкать, не первый год в поле-то! Да и вы к нам заходите... на чаек.

— Спасибо! Может, и загляну. Вы уж там поаккуратнее, ладно?

— О чем вопрос, извините, а звать-величать вас как?

— Федор Михайлович я. Малышкин. Раньше бригадиром тут был. Теперь вроде как директор общества с неограниченной ответственностью!

— Так нет же таких вроде?

— Значит, специально для нас придумали! Как ни погасим долг, так тут же — новый! И откель они только вылазят?!

Звякнул замок, и входная дверь распахнулась неожиданно легко.

Антон, вошедший первым, с любопытством осмотрелся. А посмотреть было на что! Неказистый снаружи, дом внутри оказался неожиданно... кондовым, что ли? Весь из себя основательный, стены обшиты дубовыми панелями. В конце коридора стояла круглая голландская печка, я такие только в кино и видывал.

— Ух ты! — восхищенно прищелкнул языком Антон. — Это что ж тут раньше было-то?

— Правление колхоза, — ответил Малышкин, вошедший следом за нами.

— Нет, я имею в виду — раньше?

— При царе, что ли?

— Так этот дом такой старый?

— В девятьсот первом году построили. Тут тогда суд был.

— Это как? — удивился я. — Деревня-то в стороне стоит, отчего же тут суд?

— Так это она сейчас в стороне. А тогда вон там, — махнул рукою бывший бригадир, — монастырь был. Собственно говоря, он и сейчас стоит, только уже пустой. Народу в него при царях хаживало изрядно. Даже

издалека на поклонение приезжали. И стояла деревня наша на самом бойком месте. Оттого и суд тут был, исправник заседал, вон там, в конце коридора, его кабинет располагался. А как революция прошла, так и кранты монастырю. Монахи поразбежались, одно время там бандитье всякое пряталось, потом и их не стало. Вот и захирела дорога-то. Здесь устроили правление колхоза, а в той половине, где я ныне квартирую, лесозаготовительная контора расположилась.

— А немцы тут были?

— Были. Аккурат вот тут их штаб и стоял. А в кабинете исправника они кого-то допрашивали. Там еще клетка сохранилась, железная. Ее уже после на металл порезали. В наше-то время там касса была, вот клетка и пригодилась.

Дядька оказался словоохотливым и рассказывал еще долго. Уже подъехали остальные машины, и ребята перетаскали наши пожитки внутрь, а мы с дядькой все еще сидели на лавочке, недалеко от дома. Антон притащил нам нарезанной колбасы и огурцы, принес и поставил рядом бутылку водки. Сам, однако, рядом не сел, а отошел в сторонку, делая вид, что рассматривает окрестности. Ничего не поделаешь — служба! Пить ему сейчас не полагалось...

Однако у меня и у Малышкина таких ограничений не было, вот мы и приложились пару раз. Благо что водку Колесников приволок очень даже неплохую...

Вот сколько ни ругало меня мое начальство за «неправильные», по их мнению, методы ведения оперативной работы, а все равно — оставался я при своих взглядах. И вполне обоснованно считаю себя правым. Вот не сел бы я с бригадиром стакан-другой опрокинуть, многих интересных вещей так бы и не узнал...

— Ну, товарищи дорогие, что мы имеем на сегодняшний день? — профессор снял очки и обвел нас всех взглядом.

Фигурой он у нас был новой, в проект его включили по личной рекомендации Травникова. Как рассказал Антон, Марченко в нашей конторе появился вовсе со стороны. Был он физиком, причем физиком-теоретиком. За каким рожном потребовался академику этот специалист, понять было трудно. Однако в работу он включился, что называется, с полпинка. Моментально усвоил и принял факт возможности межвременного перемещения сознания. Ничуть этому не удивился. Более того — с ходу выдвинул Травникову нечто такое, отчего дед только крякнул и надолго задумался. Вот, в результате всего происшедшего и попал

новичок в нашу выездную бригаду. Целыми днями возится со своей аппаратурой и вообще является главным возмутителем спокойствия. Это по его милости мы шастаем по мокрому лесу. Только вот результатов нет почти никаких. Это, к слову сказать, профессора абсолютно не чешет, и он по-прежнему бодр.

— Пока что, Константин Николаевич, ничего мы не имеем... — ответил ему Витя Огоньков, жизнерадостный парень из «хитрого домика». Веселый и шептун, он быстро нашел общий язык почти со всеми присутствующими, не исключая Антона.

Тот, вопреки своей обычной настороженности, как-то неожиданно легко с ним спелся. Да так, что я просто диву давался!

— И вполне ожидаемо!

Тут удивился даже я. За каким, позвольте спросить, хреном мы тогда топтали мокрый лес? Видимо, аналогичные мысли отразились не только на моем лице, так что Марченко смутился.

— Ну... я имел в виду, что как раз в этих местах и не могло быть того, что нам нужно...

А что нам нужно? Сам-то он про это знает? Да и я не отказался бы узнать...

— Видите ли... до сих пор подобных поисков никто и никогда не производил. По сути говоря, мы как в той сказке: поди туда — не знаю куда и принеси то — не знаю что. Правда, в отличие от сказки, мы хотя бы приблизительно знаем, что нам нужно отыскать. Дело в том, что нам удалось получить пусть и неполное, но в данном случае вполне достаточное описание снаряжения, которое испарилось из камеры перехода у наших... г-м-м... оппонентов.

Вот это новость! Какого же рожна он тогда про это молчал?

— Профессор, а нам про это вы сказать не удосужились?

— Каюсь, грешен — не сказал. Утюгами бить будете?

— А что, на моей морде это так явственно написано?

— Ну, не дословно, но общий смысл понять можно.

— Откровенно говоря, стоило бы. Мы по вашей милости уже вторую неделю по лесам ноги ломаем.

— Видите ли, Александр Сергеевич, не сообщив вам эти данные, я исходил из следующего: во-первых, вы все очень хорошие специалисты в своем деле. Гораздо лучше меня. И если я попрошу вас отыскать в лесу, например, пистолет, то вы перевернете этот лес сверху донизу и с большой долей вероятности его там отыщете. Во-вторых, отдавая должное вашей профессиональной подготовке, не могу не учесть тот факт, что это влечет за

собой некоторую, я бы сказал, однобокость. Иными словами, разыскивая пистолет, вы можете, сами того не желая, пропустить что-то другое, не менее интересное.

— Ну, это вы зря, профессор! Тут тоже не лопухи собрались. Не первый год своим делом занимаемся.

— Все так, но в данной ситуации я полагаюсь не на мастерство наших оперативников, а на ваши, Александр Сергеевич, ощущения. И поэтому сознательно не ограничиваю никакими излишними подробностями ваши действия.

А надо признать, что кое в чем этот умник все-таки прав. Что ни говори, а известная замыленность глаза на второй-третий день поисков всегда появляется. Так что логика в его рассуждениях присутствует.

— Ну, вы и хитрый змей!

— Уж какой есть. Согласно моим расчетам, проверенные нами районы особого интереса не представляют. Но полностью исключить их я все-таки не имею права. Поймите, наши методы поиска не то что несовершенны, а вообще никем и никогда ранее не проверялись и не применялись. Я могу полагаться только на одну-единственную вещь — на ваши чувства, Александр Сергеевич. Никаким другим образом проверить свои выкладки я просто не могу.

— Ладно, профессор, проехали. Будем считать, что утюг мимо пролетел. А покажите-ка мне, что это за список у вас такой интересный? Что же мы все-таки разыскиваем?

Марченко поднялся со своего места и положил передо мной несколько листов бумаги.

Так, и что же у нас тут имеется? Сапоги. Их я уже видел. Может быть, не совсем эти, но похожие. Во всяком случае, ни сапог, ни формы мы здесь точно не отыщем. По той же причине пропускаем и все, что касается продовольствия. Уж навряд ли кто-то из местных крестьян будет хранить как зеницу ока банку консервов, подобранную его дедом где-то во время войны. Давно уже все съели и упаковки повыбрасывали. А что у нас еще интересного в этом списке есть? Так сказать, нужного и полезного, того, что могло бы пережить шестьдесят лет небрежного хранения и дойти до наших дней. Оружие — вот это единственное, что могло дожить до нашего времени. Значит, вот здесь и смотрим. Отложив в сторону остальные бумаги, я взял в руки последний лист.

Так. Пистолет-пулемет «ППД». Вообще, известная натяжка в этом есть. Понятно, что на первом этапе войны он прокатил бы со свистом, а вот

году в сорок четвертом уже вопросы могли возникнуть. К тому времени в войсках уже полным-полно было более современного оружия. И человек с «ППД» рисковал привлечь по меньшей мере внимание. Дали бы ему трехлинейку — так и вопросов бы не возникало.

Дальше читаем. Пистолет «ТТ». Все вроде как и у обычного, только магазин на десять патронов. А вот это уже перебор, такие агрегаты только в пятидесятые годы появились. И те — не у нас, а в странах тогдашнего соцлагеря. В СССР такая модификация не производилась.

Стоп... Не производилась? Такая — точно не выпускалась, а вот что-то похожее было. В сорок первом году туляки создали рабочий батальон для защиты города. И вот для них было выпущено несколько сот интересных стволов. Внешне — стандартный «ТТ», но вот магазин на двенадцать патронов был. Двенадцать! А тут — десять. Маркировки? Соответствуют оригинальному пистолету. Значит, что? Артефакт, по-ученому выражаясь. Не могло быть в то время здесь такого пистолета. И что это нам дает?

Да ни фиги не дает! Поди сыщи теперь, под каким кустом он ржавеет. Интересная деталь, но толку с нее... Хотя определенная зацепка есть. Но это уже не для меня, а, скорее, для управленческих аналитиков. Пусть пораскинут мозгами, кто это там амеров так консультирует?

Что осталось?

Гранаты остались. Корпус стандартный, но начинка уже современная, взрывчатка посильнее, и взрыватель двойного действия, в том числе и на удар. Чушь болотная! Не было в войну таких прибамбасов! Интересно, за что у них консультанты деньги получают? Это ж палево по полной!

Весь список?

Нет, еще на обороте есть.

Что там?

Нож.

«Уральский добровольческий танковый корпус». Был такой? Был. В сорок третьем, если мне память не изменяет. Интересно, что бы в сорок втором его хозяин в СМЕРШе рассказывал?

Стоп...

Еще раз и медленно.

Внимательно читаем текст...

Встаю с места и подхожу к Марченко.

— Профессор, посмотрите-ка вот сюда!

Тот смотрит на мой палец, надевает очки и прочитывает нужную строку.

— Ну, вижу, нож. И что?

— Так. Общая команда — «Дробь!» Коля, ты у нас известный коллекционер холодняка, что у тебя с собой есть?

— Много чего есть, товарищ подполковник. А в чем дело?

— Тащи сюда свои сокровища, будем обменный фонд организовывать. Антон, водка есть еще?

— А много надо?

— Ты у нас не израильский агент будешь? Что ты мне вопросом на вопрос отвечаешь?!

— Есть, товарищ подполковник. Пять бутылок еще осталось.

— Всего? Вроде ящик брали... Тащи их сюда! Закуску организуй соответствующую, ну, сам все знаешь...

— Что случилось, Александр Сергеевич? Какая еще «дробь»? Что вообще происходит? — Марченко взволнованно приподнялся с места.

— Михаил! Ты у нас бывший мореман, вот и поясни профессору смысл данной команды!

Миша крикнул.

— По команде «Дробь!», товарищ профессор, прекращаются всякие действия, связанные с выполнением ранее полученного приказа. Вплоть до получения дальнейших указаний.

— А-а-а... — профессор растерянно на меня посмотрел. — Но я ничего не приказывал...

— Все так. Это я на себя команду взял, — киваю ему головой. — Пока вам разъяснишь, пока врубитесь...

— А в чем дело, Александр Сергеевич? Что случилось?

— Вы список внимательно прочли?

— Ну да...

— То место, что я вам показывал?

— Про нож? Да, прочел и что?

— В руках его подержать хотите?

*Начальнику 3-го отдела Управления В-2 полковнику
Гришанкову А. А.*

*Направляю вам материалы экспертного исследования по
объекту № 382.*

*Начальник экспертного отдела Управления В-2
полковник Хаустов В. Н.*

...октября 2006 года. Москва

Мною, старшим экспертом экспертного отдела управления В-2 капитаном Викторенко П. Я., произведено исследование объекта № 382, полученного мною от сотрудника шестого отдела управления.

Объект доставлен на исследование нарочным. Упакован в пакет из плотной бумаги и опечатан печатью «Для пакетов» шестого отдела управления.

При вскрытии пакета обнаружен нож (см. прилагаемую фототаблицу, фото № 1.).

Перед экспертом поставлены следующие вопросы:

- 1) Соответствует ли представленный на исследование нож образцу № 255 «а» из коллекции управления?
- 2) Если не соответствует, то по каким параметрам?
- 3) Каким способом изготовлен данный нож?
- 4) Мог ли представленный нож быть изготовлен в СССР в период 1941–1945 гг.?

Представленный на исследование нож имеет общую длину 295 мм, длина клинка 175 мм, длина рукояти 120 мм.

Клинок изготовлен из магнитного металла по типу финских ножей, колющее острие расположено над средней линией клинка. Толщина клинка 5,5 мм, ширина у рукояти 25 мм, заточка двусторонняя. Клинок оксидирован, местами покрытие частично утрачено.

На клинке (см. прилагаемую фототаблицу, фото № 3) имеется надпись: «Уральский добровольческий танковый корпус». Надпись выполнена электрогравировальным (электроэрозионным) способом. Представленный для сравнения образец № 255 «а» таковой надписи не имеет.

Рукоять бочкообразной формы, из дерева. Максимальный диаметр рукояти в ее средней части — 32 мм. Крепление рукояти к клинку — рукоять надета на хвостовик клинка и зафиксирована на нем навершием. На хвостовике клинка, на участке длиной в 15 мм имеется резьба шагом 6х1,25. В навершии рукояти имеется аналогичная резьба.

Чистота обработки поверхностей, отсутствие видимых следов обработки клинка и рукояти, наличие термического оксидирования металла позволяют сделать вывод о том, что исследуемый нож изготовлен промышленным способом.

Для выяснения вопроса о месте изготовления ножа было произведено исследование металла в соответствующем подразделении НИИ-3 ФСБ. Заключение эксперта № 124 от ... октября 2006 г. прилагается.

Таким образом, в результате исследования установлено следующее:

- 1) исследуемый нож имеет внешнее сходство с представленным образцом № 255 «а», но отличается от него по своим характеристикам, размерам и способу крепления рукояти;
- 2) исследуемый нож имеет надписи, которые отсутствуют на представленном для сравнительного исследования образце;
- 3) исследуемый нож имеет большую длину клинка и ширину, иное крепление рукояти и не соответствует представленному образцу № 255 «а»;
- 4) представленный на исследование нож изготовлен по типу финских ножей промышленным способом;
- 5) химический состав металла, метод оксидирования позволяют сделать вывод о том, что исследуемый клинок не мог быть изготовлен в СССР в указанный период времени.

*Старший эксперт экспертного отдела Управления В-2
капитан Викторенко П. Я.*

Подпись

— Ну, вы, Александр Сергеевич, и даете! — генерал положил заключение эксперта на стол и посмотрел на меня. — Я много чего в жизни видел, но чтобы выменивать на водку ценнейший научный артефакт — впервые слышу.

— Не только на водку. Мы ему еще два ножа из Колькиной коллекции взамен дали.

— Ну, эту его потерю мы возместим! Ножей у наших оружейников выше крыши. Так что в накладе он не останется. Но как же все-таки так вышло, Александр Сергеевич? Это же все равно, что, пролетая над Сахарой, плюнуть за борт и попасть в единственный во всей пустыне кусочек льда!

— Да черт его знает, Виктор Петрович! Я на этот нож внимание обратил, когда бригадир им колбасу резал. Мы как раз к нему домой зашли, а у нас вся закуска кончилась. Нет, колбаса-то еще была, только куском. Вот

он и вынес ножик, чтобы отрезать чуток. А уж когда я описание ножа в бумагах прочитал — так и вспомнил про него.

— Марченко до сих пор в шоке пребывает. Его аппаратура ничего любопытного в этой деревне не засекала. А когда он данный нож в руки взял, так чуть дара речи не лишился.

Я только хмыкнул. С лица профессора в тот момент можно было писать иллюстрацию безграничного удивления. Он реально был потрясен до глубины души. Представляю, что с ним сделалось, когда он заключение эксперта прочитал.

— Да уж, профессор тогда настолько был потрясен, что даже и разговаривать не мог.

— Это-то все хорошо, — подал свой голос Травников. — В том смысле хорошо, что ножик вы этот нашли. А вот в остальном поводов для веселья нет. Аппаратура наша этот нож не зафиксировала, так что стоим мы по-прежнему в той же самой позиции, как и в начале всех поисков.

— А я вот думаю, Александр Яковлевич, — повернулся я к академику, — не так уж все и плохо.

— Это почему ж, позвольте?

— Вы говорите, аппаратура не зафиксировала нож. Так?

— Так.

— А согласно вашим же словам, кто или что может являться «якорем»?

— Человек. Точнее, его мозг.

— Ну, и каких мозгов вы ждете от железяки?

— Хм... Нет, вам точно в науку идти надо. Пожалуй, это и объясняет подобную ситуацию. Во всяком случае Марченко я этим точно обрадую. А то он совсем приуныл.

Поиски наши после обнаружения ножа были временно приостановлены. Нет, ребята еще катались по окрестностям, имитируя бурную деятельность. Но основные фигуранты экспедиции сейчас находились в Москве. Марченко ломал голову, пытаясь усовершенствовать поисковую аппаратуру. А мы с генералом занимались тем же самым, стараясь понять, откуда этот нож взялся именно в данной деревне. Всех жителей деревни уже опросили самыми разными способами, но ничего для нас полезного выяснить так и не удалось. Нож достался бригадиру от отца. А тому, в свою очередь, оставил его дед. Ни того, ни другого сейчас не было в живых, так что источник получения артефакта так и остался для нас неизвестен.

Мы просидели у генерала еще достаточно долго, но ни к какому

конкретному выводу так и не пришли. Уже под занавес я высказал-таки ему мысль, которая мучила меня все это время.

— Видите ли, Виктор Петрович, вот гложут меня некоторые сомнения...

— Какие же?

— Вот, смотрите. Все по отдельности вроде бы на месте стоит, так? И автомат такой был на вооружении, и нож похожий имелся. Только пистолет и гранаты чуток не в тему, но это сразу в глаза вроде бы и не бросается. Так?

— Ну, допустим, что так.

— А вот сложите все это в кучку. По отдельности каждая деталь вроде бы ничего особенного не значит, но вот все вместе... Наличие у одного человека стольких интересных вещей одновременно прямо-таки делает его очень заметной фигурой. Зачем это? Не дураки же там, у американцев, сидят? Они ж его палят, причем по полной! Сколько подобная личность сможет продержаться, пока его не захмутают? Как бы ни хаяли нынче СМЕРШ, но мы-то с вами знаем, что чего-чего, а работать эти ребята умеют.

— Да, пожалуй, что есть в ваших словах резон. А вы-то сами что думаете?

— Деза это, товарищ генерал-лейтенант. Не знаю, зачем все это американцам нужно, но нутром чую — не просто так это все заверчено!

— А вот и нет! — подал голос академик. — Есть один случай, в котором все эти ваши несостыковки замечены не будут. А если и будут, то внимания на них особенного не обратят. Вот подумайте, что это может быть за случай?

Мы с генералом переглянулись и одновременно покачали головами.

— Давайте уж, Александр Яковлевич, выкладывайте, что там у вас? — генерал выжидающе посмотрел на академика. — Я ж по вашему виду чувствую, что есть у вас какой-то сюрприз!

— Совершенно верно, есть! Вот подумайте оба, в каком случае к человеку, обладающему всеми обозначенными вами причиндалами, вопросов не возникнет ни у кого? Кто это такой должен быть?

— Ну, не генерал же это? — пожал плечами Яковлев. — Появление незнакомого генерала — нонсенс: фигура заметная. А всех прочих любой особист проверить может, полномочий достаточно.

— А кто будет проверять особиста?

Блин! А ведь точно академик подметил! Это же особист! Автомат у него вполне может быть старый да проверенный. И пистолет может быть

эксклюзивный. Нож тоже вполне имиджу соответствует — могли и подарить, да и свой такой мог иметь на законных основаниях. А задавать лишние вопросы энкаведешнику хоть в сорок втором, хоть в сорок пятом году — точно никто не станет.

Яковлев уважительно покачал головой.

— Признаю вашу правоту. Действительно, об этом я и не подумал. А ведь должен был! Точно говорят: за деревьями леса не видим.

— Да я и сам-то не сразу к этому выводу пришел. А, с другой стороны, именно особист наиболее органичным образом может освоиться в незнакомой местности и в непривычной обстановке. Любые вопросы его всегда мотивированны. Интерес к окружающим легко объясним.

— Это, Александр Яковлевич, до той поры, пока он со своими коллегами не столкнется. Вот тут вопросы уже у них возникнуть могут, — сказал я.

— А вы знаете, Александр Сергеевич, я и об этом подумал, — академик взял со стола чашку с чаем. — При современном развитии полиграфии не составляет никакого труда состряпать ему сколь угодно убедительный документ. Хоть за подписью Верховного. И кто ему будет задавать вопросы в этом случае?

— Хорошо, допустим, что так. Но ведь должна быть какая-то цель подобного «выхода»? Вы сами говорите, что шансов вернуться назад у него нет. Не могут же американцы этого не понимать! Тогда на что рассчитана эта операция? Да и человека такого найти тоже не так легко. Или они его втемную работают? Мол, не расстраивайся, выдернем мы тебя назад в любой момент. Может такое быть?

Академик пожал плечами.

— Да черт его знает! Бог весть, какие у них там отношения. Это уж к генералу вопрос, не ко мне.

— Нет, — отрицательно мотнул головой генерал, — втемную своего испытателя они работать не станут. Обстановка у них сейчас не та. Если бы они на пике достижений находились, им бы все, что угодно, простили. Как это ни странно звучит, но против них работают их же внутренние порядки. Если выяснится, что пообещали одно, а сделали другое, большой шум поднимется. Такие фокусы они могли себе позволять лет пятнадцать назад. Да и то особо этим не злоупотребляли. Их специалист подобного рода слишком дорого стоит, чтобы просто так зашвырнуть его в неизвестность. Их и так уже достаточно много погибло, и желающих рисковать башкой попусту, пусть даже и за хорошие деньги, не так уж и много. Тут другое что-то.

— А скажите, товарищ генерал-лейтенант, — крутившаяся в моей голове мысль наконец оформилась, — как часто нам удавалось получать столь подробные сведения об экспериментах отдела Д-5?

— Нечасто. Всякое случалось, но вот так подробно... ну, было пару раз...

— А в таком объеме?

— Ну... и так тоже было.

— А есть ли у нас список их... испытателей?

— Найдем. А если не секрет, зачем?

— Все ли они живы и здоровы?

Марченко положил на стол бумаги и обвел нас всех воспаленными глазами. Не зная я, что он безвылазно сидел в отделе все это время, можно было бы заподозрить его в беспробудном пьянстве.

— Вот такие у нас новости... Согласно всем расчетам, центром является монастырь. Именно вокруг него располагаются все выявленные нами аномальные поля и явления. Таковых мы сумели обнаружить всего пять. И все они располагаются на окружности радиусом в пятьдесят километров, центром которой является как раз этот монастырь.

— И что же такого интересного в этом монастыре? — Травников сделал какую-то пометку в своем блокноте.

— Не знаю, Александр Яковлевич. В самом монастыре ничего нами не выявлено. По моей просьбе наши аналитики проанализировали все архивные материалы, относящиеся к этому периоду истории.

— И каков результат?

— Ничего особенно интересного обнаружить не удалось. Там были обычные для того периода времени события. Немцы гонялись по лесам за остатками наших частей, те отбивались. Были стычки с местными партизанами. Словом, ничего особенно выдающегося не происходило.

— М-м-да... Придется еще раз вам выехать на место, Александр Сергеевич. Не может же быть, чтобы ничего совсем интересного там не нашлось.

— Да не вопрос, — пожал я плечами, — съездим, авось действительно что-нибудь да раскопаем.

— Вот и договорились, — удовлетворенно кивнул головою академик. — Константин Николаевич, вы готовы?

Марченко потер рукой воспаленные от недосыпа глаза.

— Ну, раз надо — значит, надо. Буду готов к завтрашнему утру.

— К завтрашнему — не надо. Отоспитесь сначала, на вас и так лица

нет.

— Так...

— Это — приказ! Привыкайте, уважаемый, вы теперь не у себя в институте, тут на износ работать не требуется.

— Но... для дела ведь...

— Для дела вы нам здоровым нужны! А не сонной тетерей!

— Вот тут где-то... — озадаченно почесал в затылке Виктор. — Во всяком случае, на карте эта точка обозначена. Только что тут смотреть? Лес, да и только!

— Но что-то же тут профессорская аппаратура отыскала?

На мой резонный вопрос он только пожал плечами. Собственно говоря, я его вполне понимал. Одна из обозначенных на карте аномальных зон приходилась именно на это место. Густой лес, росший по краю болота. Никаких признаков жилья, дорог и прочего.

— Момент! — настороженно поднял руку Антон. — Ну-ка...

Он прислушался.

— Слышите?

Где-то вдалеке раздавались звуки.

— Голоса?

Минут через тридцать мы поднялись на вершинку невысоко холмика.

Внизу кипела работа.

Какие-то люди раскапывали землю. Несколько человек, столпившись около одной из таких раскопок, что-то взволнованно обсуждали.

— Это что за раскопки такие?

— Хм-м... похоже, что поисковики...

— Подойдем?

При нашем приближении на нас обратили внимание. От группы обсуждающих отделились двое и не торопясь направились к нам.

— День добрый! — вежливо поздоровался Антон.

— Здравствуйте! Вы из какого отряда будете?

— Э-э-э... мы, собственно, не из отряда вовсе.

— А откуда? — сразу посерьезнел худощавый темноволосый парень. — Тут у нас работы... Мы все с местными властями согласовали, так что, если вы самостоятельностью заниматься будете... запросто на конфликт с ментами нарветесь. Шли бы вы уж себе...

— Да мы не по этой части! — успокоил его Колесников. — Мы геофизики, замеры тут делаем. Нам ямокопание без надобности.

Парень успокоился, и дальнейший наш разговор происходил уже на более дружелюбной ноте. Звали его Алексеем, и был он здесь за главного.

Это действительно оказались поисковики. Они стояли здесь уже около двух недель и успели внимательно обследовать окрестности.

— А что тут искать? — спросил я у него. — Разве здесь были большие бои?

— А то ж! Здесь вообще место своеобразное. В начале войны тут наших немцы по лесам гоняли, а после остатки немецких дивизий тут же и отсиживались, пока их не выкосили подчистую. Ну, а в промежутке между этим каратели с партизанами резались всерьез.

— И сильно резались?

— А вот, сам и посмотри! — ткнул он рукой на раскопки. — Мы даже и приблизительно сказать не можем, сколько тут и кого лежит. Здесь все вперемешку лежат, даже сразу и не разберешь.

— Отчего ж именно здесь? Тут же лес, дорог нет никаких.

— Там, — ткнул он рукой в сторону болота, — дорога есть. Единственная, по которой отсюда уйти можно.

— Как единственная? А мы откуда пришли?

— Оттуда и немцы пришли. А партизаны отступали через болото. Там до сих пор остатки гати есть. Вот немцы и попробовали их здесь прижать. Небось про гать не знали, думали, все тут лягут.

— И что же? Не вышло у них?

— Судя по всему, обломались тут фрицы. Что уж здесь конкретно получилось — черт его знает. Но легло их тут... — Алексей покачал головой. — Мы за две недели и посчитать всех не смогли. Наших, правда, тоже хватает, но все больше гражданские, с оружием мало.

— Ты же сам говоришь — партизаны. Откуда здесь солдатам быть?

— Солдаты тоже есть, в форме они. Но и женщины лежат тоже, даже дети есть.

— Да... Бывает...

— И не говори... Вон там фрицев вообще до фига легло, — показал он в сторону болота, — что уж они туда перли? Проще было назад отойти да по дороге срезать. Десяток верст — и вот вам та сторона гати. Никто и уйти бы никуда не успел.

— Как раз в той стороне и фонило у нашего профессора, — шепнул на ухо Виктор.

По нашей просьбе Алексей проводил нас к нужному месту. Лес тут уже вымахал в полную силу, и, что здесь было раньше, теперь уже невозможно было определить. С самого первого взгляда стало ясно, что

поиски легкими не будут. Никаких особенных ощущений я не испытал, но вот какое-то непонятное беспокойство все же ощутил...

Проходив по лесу несколько часов и ничего не отыскав, мы разбили палатки и устроили передых. Наша аппаратура тоже ничего не показала. Так что оставалось только гадать о том, что же привлекло внимание профессора именно к данному месту. Налазились мы тут всласть, я протопал ногами по всем тропкам и сколько-нибудь интересным местам. Чувство смутного беспокойства меня не покинуло, но и не усилилось. Что-то было в этом месте, но что? Я не ощущал ничего особенного, и ни к какому месту меня не тянуло. Так... какие-то непонятности. Взгляд, что ли, чужой? А кому тут смотреть? Поисковики остались на месте раскопок, за нами никто не пошел.

Встав лагерем и приготовив перекус, мы уселись на пеньках. Виктор подвесил над огнем кан с водой, чтобы приготовить чаю, и сел рядом со мною.

— Ну что, наука, опять облом?

— Черт его разберет, — почесал он в затылке, — вроде бы все на это место указывало...

— Интересно было бы знать — почему? Что тут вообще было во время войны? Монастырь этот — он чем примечателен был?

— Да ничем особенным он не отличался. Его еще в первые годы советской власти прикрыли. Так брошенным и стоял все это время. Когда тут наших окружили, какое-то время там штаб дивизии был. Потом их оттуда то ли выбили, то ли они сами ушли. Снова он пустой оказался. После этого уже немцы там какое-то время были. Тоже то ли ушли, то ли выбили их. Дальше уже совсем ничего про него не известно, похоже, так и простоял до нашего времени необитаемым.

— Сходить бы туда...

— Так и сходим, какие проблемы?

Хрустнули ветки. Мы оба повернули головы на звук. По лесу подходил Алексей, рядом с ним шла какая-то девушка.

— Присаживайтесь! — показал я им на бревно напротив. — У нас сейчас чай поспеет, как раз вовремя подоспели!

— Спасибо! — ответил Алексей. — Как успехи?

— Да какие тут успехи? Прошли, съемку сделали, переночуем и назад. Все как всегда. В монастырь еще заглянем, да и обратно на базу.

— А ищите вы тут что?

— Чего ж тут искать можно? Это в институте данные обобщат, карту

составят, тогда только и можно будет сказать, есть тут что-нибудь интересное или нет.

— Ну, вы же не первый день работаете? По вашим собственным ощущениям, тут как — что-то может быть?

— Что-то — это что же именно?

— Ну... — Алексей слегка растерялся. — Копать тут будут?

— А-а-а! Вот вы о чем! Ребята, даже если мы тут золото отыщем, так все равно раньше чем через несколько лет сюда никто и носу не покажет. Денег-то в стране на это нет! На экспедицию нарыли — и то хлеб! Знаете, сколько мы эту идею пробивали?

— У вас тоже с деньгами проблемы?

— Хотите сказать, что хоть у кого-то их нет?

— Попадаются такие... — грустно сказал Алексей. — Мы, когда спонсоров себе искали, пообщались тут с одним деятелем... Он в округе все уже, наверное, скупил. Все ему тут должны, и помногу. Вот мы и обратились к нему с просьбой помочь хоть чем-то.

— И как? Помог?

— Смеетесь? Спросил только — что лично он с этого поймет? После чего послал нас... по известному маршруту...

— Да... такие деятели и мне не раз встречались. Денег до фига, так и думает, что бога за бороду ухватил.

Мы просидели с ними еще долго. Дважды заваривали чай, угостили пришедших печеньем, которое отыскалось в загашнике у запасливого Мишки, ребята они оказались интересные, рассказали кое-что о своих поисках. Я неожиданно для себя узнал много нового, о чем раньше даже и не догадывался. Расставались мы на вполне дружеской ноте.

— Вот что, Алексей, — сказал я ему, провожая гостей к лагерю поисковиков. — Вообще-то нам большую помощь оказали военные. Без них и денег бы нам никто не дал. Может быть, и вам стоит к ним постучаться?

— Я догадался.

— Каким образом?

— Вы экипированы одинаково. Геологи или геофизики так не одеваются. Да и аппаратура у вас... не очень похожа на обычную, которую они используют. Мы же часто с ними сталкиваемся, так что глаз наметан на это.

А глазастый парень оказался!

— Ну да, мы и для них кое-что делаем. А как иначе-то быть? Сидеть и спонсора ждать?

— Да я что? Понимаю все. Для нас главное — чтобы нашим раскопкам не мешали.

— Знаешь что? — я написал на его сигаретной пачке телефон Яковлева. — Мало ли... Это дядька интересный и умный, не смотри, что в чинах высоких ходит. Будет тут у вас нечто интересное или необычное — позвони ему, хорошо? Мешать не будет, зуб даю! А вот помочь... помочь может, и очень основательно. У них тут тоже... какие-то интересы есть, только вот не знаю — какие именно? Копать они тут хотели, это я знаю. Но решили сначала нашими приборами местность просканировать.

— А что ж ищут-то?

— Да кабы знать-то! Может, оно прямо на поверхности лежит?

— Вряд ли, — покачал головой Алексей. — Почва тут мягкая, год-другой, все уже и засосало.

— А монастырь?

— Что монастырь? Мы-то его еще года три как обшарили. Нет там ничего. Десятка два погибших подняли, так и похоронили уже всех. Документов никаких там не находили, я бы знал. У нас такие новости сразу известны становятся.

— А там и кроме вас народ работал?

— Да. Из Москвы были, с других мест.

— А эти, как их... «черные», тоже тут шастают?

— Где ж их нет? — видно было, что эта тема Алексею неприятна. — Бывают... Но их больше оружие интересует, всерьез они не копают. Хотя, да, неприятности от них есть, это точно. Но именно тут они пока не появлялись. Дорога отсюда одна, быстро ноги сделать проблематично, могут и остановить, досмотреть. Оно им надо?

Про себя я заметочку сделал. Надо будет генералу подсказать — пусть потрясут этих «черных копателей». Может, то, что мы ищем, давно уже у кого-нибудь в записке лежит?

Увы, но ничего интересного в монастыре тоже не обнаружилось. Мы еще несколько дней походили по округе, но никаких любопытных вещей так и не отыскали. Пару раз я снова ощущал какое-то странное беспокойство, но ничего за этим не последовало. Виктор хмурился и постоянно возился со своей аппаратурой. Однако ничего больше нам обнаружить не удалось.

Вот мы несолоно хлебавши и возвращались восвояси. Дорогу снова развезло, и машины наши, ревя моторами, преодолевали ухабы на пути в деревню, где всех ожидал Марченко с остальной группой ученых.

Вывернувшись из-за поворота, мы узрели впереди нечто, для данных мест непривычное.

Посреди дороги раскорячились две машины. Шикарный «шестисотый» «Мерседес» и когда-то блестящий черный джип. Сейчас обе машины были перемазаны грязью по самую крышу. Что и неудивительно — распутица была самая та...

Увидев нас, от джипа заковылял здоровенный бугай. Весь колоритно забрызганный грязюкой, он представлял собою весьма интересное зрелище.

— Это какой же баран на «мерине» сюда полез? — удивленно хмыкнул Антон. — Совсем ума лишился, что ли? Тут и «уазик»-то еле ползет.

Бугай тем временем доковылял до наших машин. Мишка притормозил у обочины, и второй «уазик» приткнулся поблизости. Не выходя из машин, мы ждали гостя.

— Эта... — прохрипел подошедший бугай. — Мужики, вы это... не поможете нам?

— Чего сделать-то надобно? — высунул голову Мишка.

— Да вон... «Мерс» застрял, до деревни его дотащить бы надо.

— Да ты умом, дядя, двинулся? Проехали вы деревню, уж пару верст как мимо пролетели. Слева она была, там поворот есть.

— Б...! — сочно выматерился бугай. — Говорил же этому обормоту! А он мне — карта, карта...

— Так что максимум, что мы для вас сделать можем, это трактор оттуда прислать. «Уазиком» ваши танки из этого болота не вытащить — вес не тот. Не потянут наши машины. Даже если вместе впряжемся.

— А может, кого из наших ребят туда добросите? Мы в долгу не останемся...

— Да пускай вон во вторую машину лезет, там место есть, — пожал плечами Антон, предварительно посмотрев на меня. Я не возражал. Геофизики мы или кто? Вот и будем таковыми дальше прикидываться. Настоящие так бы и поступили.

Через двадцать минут «уазики», завывая моторами, выбрались-таки на твердый грунт и уже бодрее покатали к домам. В центре деревни мы высадили попутчика и направились дальше, к обителицу наших ученых. Они заняли как раз то самое помещение, которое и предоставил нам бывший бригадир в первый день приезда сюда. Надо отдать должное профессору, мужик он оказался компанейский и смекалистый. Только прибыв сюда, не постеснялся посидеть вечерок в тесной компании и мгновенно смекнул, каким образом завоевать доверие и расположение

местного населения. Поить их халявной водкой не стал, но уже через два дня областные электрики (должно быть, немало этому удивляясь) сменили старый трансформатор на новенький, специально для этого доставленный откуда-то издалека. Причину этого неожиданного подарка местные власти пояснить так и не смогли, поэтому, делая важную морду, смутно вещали что-то невнятное. Типа того, что они все видят и о чаяниях народных в курсе. Еще бы! Распоряжение поставить тут новый трансформатор пришло из аппарата губернатора. С какого вдруг бодуна — неизвестно, но на всякий случай примазаться к этому стоило.

Марченко только хмыкал в бороду. Его аппаратура жрала такую уйму энергии... Так что он сам в первую голову в таком подарке и нуждался. А дабы ретивые энергетики не отключили электричество, накопившиеся за долгое время долги по этой части были списаны. Какой уж предлог для этого отыскал Яковлев, я и предположить не мог. Однако его смекалкой лишний раз восхитился. Действительно, заплатить реальными деньгами за постой мы могли не напрягаясь. Хоть наличными, хоть по безналу, что было бы вполне объяснимо с нашей стороны — все же государственная экспедиция. Но со стопроцентной вероятностью деньги эти тут же списали в счет многочисленных долгов. И угроза отключения электричества никуда при этом не исчезала бы. Вот и был выбран такой нетривиальный ход.

Собственно говоря, ничего удивительного в этом не было. Столько лет прятать концы в воду, да еще и на глазах у всех... Управление вполне закономерно должно было достичь немалого опыта по части запудривания мозгов окружающим. И, естественно, достигло. Что мы все сейчас на практике и наблюдали.

Повыпрыгивав из машин, вся компания двинулась к дому. Время было самое обеденное, и, судя по запахам, доносившимся до наших носов, это знали не только мы. Научники управленческие тоже были мастера пожрать. Но умели они не только это, были среди них и мастера приготовить кое-что вкусненькое. Так что обед нас ждал весьма неплохой.

Так оно и оказалось.

Через час наша компания напоминала стайку котов, развалившихся на солнышке. Сытный обед этому в немалой степени способствовал.

— Глянь, ребята, — показал рукой Михаил, — местный босс чешет!

— Дядя Федор, что ли? — спросил я, не поворачивая головы. К бывшему бригадиру это прозвище припаялось уже намертво.

— Он самый. Припекло видать, вот и торопится.

— К нам?

— Так больше не к кому!

Действительно, кроме нас, тут никого не было. Приподнявшись на локтях, смотрю вдаль. Точно, бригадир. На лице написана озабоченность, видать, и впрямь припекло мужика.

— Присаживайся, Михалыч! — приглашающе машу ему рукой.

После развертывания внутри помещения аппаратуры профессора мы под различными предлогами старались не допускать туда никого. Ибо даже самому неискушенному зрителю тут же становилось ясно, что никакой геофизикой тут и не пахнет вовсе. Вот и проходили наши дружеские посиделки на открытом воздухе.

— Чего стряслось-то, дядя Федор? На тебе прямо лица нет.

— Да уж... — пробормотал он, присаживаясь рядом. — Тут не то что лицо — голову потерять недолго.

— Да в чем дело-то? Пришельцы высадились? Чечены напали?

— Да уж с этими-то, наверное, проще было бы...

— Да в чем дело-то?

— Комиссия прибыла, ликвидационная.

— И кого они ликвидировать собрались?

Малышкин рассказал.

Вот уж воистину ни одно доброе дело не остается безнаказанным! Пока бывший колхоз мирно загибался, это никого не чесало. Но стоило только наметиться хоть какому-то прогрессу в его делах (это когда долги по энергетике списали), как тотчас же всполошились кредиторы. Надо полагать, что восстановление производства никому было не нужно. Более того — нежелательно. Вот и прибыли визитеры, дабы в корне пресечь возможное восстановление хозяйства. Как ненужный и опасный прецедент.

— Нам так и заявили — мол, на свет деньги отыскали, а нам платить когда собираетесь? И никакие мои пояснения, что долги эти были ошибочно нам начислены, никого не устроили. Давай деньги — и все тут!

Ну, логику ликвидаторов я прекрасно понимал. Насмотрелся в свое время на таких субчиков. Эти последнюю рубашку снимут ради своей выгоды.

— Михалыч, а мы-то чем тебе помочь можем? Банка своего у нас нет... Печатный станок для денег — этот не помешал бы, так и его нету.

Он оттащил меня в сторонку.

— Сергеич, я ж не совсем слепой! Ну не простые вы геофизики, уж мне-то голову не морочь! Нешто не видал я, чего вы там к себе понатаскали? У каких-таких геофизиков подобные штуки могут быть? Да на половину этого вашего добра не то что нашу деревню — пол-округи скупить можно!

Да... тут Марченко маху дал...

— Чего тебе надобно, дядя Федор, ты уж прямо говори. Ну, работаем мы с парочкой серьезных контор. Так ни одна из них — ни разу не Госбанк! Иначе и мы бы тут не на «уазиках» разъезжали бы. Это им на технику денег не жаль, а вот на зарплату... очень даже денежки считать умеют.

— Да я уж и на все рукой было махнул! Знаю ведь, что половина, а то и больше, долгов этих только на бумаге и есть. Отчаялся уже, да и не я один. А тут — разобрались, да и списали долги-то! Значит, есть надежда еще! Я и написал бумагу прямо губернатору, мол, разберитесь, не все ж так хреново-то у нас! Да только, видать, попала та бумага кому надо... Вот и всполошились они... Как же, не мы одни такие тут. Не дай бог вылезем, так ведь и другие следом потянутся! По дешевке-то и не купишь уже...

— А что, охота подороже продать?

— Да за каким рожном?! Мы тут все выросли, куда ж уходить-то? Кому мы там на хрен сдались-то?

— Ладно, дядя Федор. Считай, что уговорил. Позвоню начальству, только уж сам понимаешь, я тут фигура не самая главная. Попросить могу, а уж что они там решат...

— Да нешто не понимаю?! Ты уж попробуй, а?

— Договорились. Только и ты мне помоги.

— А что сделать надо?

— Это каким же манером ты сумел рассмотреть, что такого наши умники внутрь понапихали?

Вопрос был далеко не праздным. Разгружались наши машины почти в темноте, аппаратуру таскали внутрь в чехлах. Монтаж вели только свои. Так что увидеть это никто посторонний просто не имел возможности. Даже окна мы заклеили пленкой, и с улицы помещения не просматривались.

Выслушав мои объяснения, Яковлев только хмыкнул. Связь была отличной, было слышно, как у него в кабинете работает кондиционер.

— Да... влезли вы в кашу... То, что вокруг этого места возня идет какая-то непонятная, это я и сам знаю. Тут, по уму, ОБЭП надо подключать.

— Да толку с этого, товарищ генерал-лейтенант? Будто сами не знаете?

— Знаю. Оттого и не предлагаю. Да и не остановит местный ОБЭП этих субчиков. Они все в Москве сидят, что с ними местные опера сделают?

— Так что же делать?

— Михайловскому позвоню. Пусть подымет весь компромат на местных чинуш. По москвичам этим покопает, может, и здесь чего

всплывет. Так-то мы им хвост эффективнее прижмем, не забалуют. Уж пару вагонов дерьма он точно нароет, так что разом притихнут. Не до вас им станет.

Ободрив дядю Федю на этот счет, я начал выпытывать интересующие меня подробности относительно его чрезмерной осведомленности о наших делах. После чего мне осталось только руками развести...

— Константин Николаевич, — вкрадчиво поинтересовался я у профессора, — как у вас дела обстоят?

— Чегой-то вы этим заинтересовались? — удивленно посмотрел на меня профессор. — Никогда не заглядывали — и вдруг?

— Да я-то не заглядывал...

— То есть?

— Профессор, вы, когда аппаратуру ставили, помещение внимательно осмотрели?

— Э-э-э... да вообще не смотрели... это и не мое дело вовсе...

— Антон, а из вас кто-нибудь смотрел?

Колесников смутился.

— Смотрели, Александр Сергеевич, а в чем дело?

— Как вы полагаете, со стороны можно рассмотреть, что тут у вас происходит?

— Окна снаружи не просматриваются, а других дверей, кроме входных, тут нет.

— Точно?

Оба моих собеседника озадаченно на меня уставились. Профессор удивленно, а Антон настороженно. Уж ему-то по должности полагалось знать все входы и выходы.

— Ну... мы тут все обшарили... других входов здесь нет.

Я поднялся с места и прошел в конец коридора. Марченко и Антон шли за мною следом.

— Вот тут у нас судья сидел, а вот тут — пристав. Так?

Профессор пожал плечами, а Колесников кивнул.

— Так. Именно здесь.

— А вот в этой комнате клетка была. В ней задержанные содержались.

— Ну да.

— Она в конце коридора. Как ты думаешь, Антон, задержанных вели мимо судьи, мимо всех, кто в коридоре сидел? А ведь тут и «чистая» публика бывала. Охота им была на таких людей любоваться?

— Ну... надо полагать, что не слишком.

— И я-то тоже хорош! И не подумал об этом вовсе! — согласно киваю

головой.

Мы остановились в конце коридора. Глухая стена, только один шкаф с бумагами, наполовину пустой.

— Проверяли его?

— Да, даже бумаги вытаскивали, — смотрит на меня с недоумением мой главный охранник.

— От стены отодвигали?

— Он гвоздями прибит.

— Пробовали отодрать?

— Зачем?

Наклоняюсь к полу и смотрю. Так... с той стороны это виднее было... ага! Вот!

Нажатие ногой на кусок плинтуса, и шкаф со скрипом провернулся на петлях.

— Дверь тут еще со времен незапамятных. Местные знали, но, судя по всему, давно ею не пользовались, ни к чему было. А с той стороны еще и глазок есть — вот он. Заходить к нам дядя Федя не заходил, ума хватило. Но видеть мог многое, вот и понял, что мы такие же геофизики, как он папа римский.

Ошарашенные такими новостями, мои собеседники молча взирали на происходящее. Антон что-то шипел сквозь зубы, видимо призывая кары небесные на головы неведомых строителей. Откровенно говоря, я ему сочувствовал. Как бы то ни было, но за соблюдение режима секретности в нашей экспедиции отвечал именно он. Мысленно представив себе написанный им рапорт, я аж поежился. Хорошо, что такой кирпич хотя бы на этот раз миновал мою голову.

Прошло еще несколько дней. Для нас они были наполнены обычной будничной работой. Пару раз мы смотались всей бригадой в монастырь и проверили там почти что каждую дыру. Никаких особенных результатов эти поиски не принесли, вследствие чего Марченко и вовсе загрузил.

Кстати говоря, Михайловский, судя по всему, нарыл-таки пару бочек всякой гадости на «ликвидаторов». В деревню прикатило аж две группы проверяющих. Местные, приехавшие из райцентра, свернули свою деятельность достаточно быстро. А вот вторая группа, прикатившая откуда-то из других краев, подобной прыти проявлять не собиралась. Дядя Федор таскал им документы бывшего колхоза целыми охапками. И пару раз уезжал с ними в райцентр. Судя по его довольной морде, какие-то положительные результаты имели место быть.

В итоге в одно прекрасное утро к нашему крыльцу подкатил отмытый от грязи джип, и вылезший из него хмурый мужик постучался в дверь.

Ее открыл Виктор, как раз была его очередь сидеть на воротах. Он хмуро уставился на визитера сонным взглядом. По его виду никак нельзя было сказать, что он добросовестно бдит на посту уже несколько часов.

— Чего надо?

Не говоря ни слова, визитер попытался отпихнуть его и пройти внутрь. С таким же успехом он мог попытаться своротить голландскую печку. Я всегда говорил, что внешность часто бывает обманчива, а уж в применении к Виктору это выражение можно было умножить на два. Сонный полуалкаш, каким он казался, имел два неслабых разряда по серьезным видам спорта и легко крестился по утрам двухпудовой гирей. Так что попытка визитера успехом не увенчалась. Осознав тщетность своих усилий, он отступил на шаг и нехотя буркнул:

— Пахана вашего позови.

— За каким таким рожном?

— Базар к нему есть. У шефа нашего.

— У него базар — пусть сам и идет! Наш старшой спит еще.

Ну, я, положим, не спал, а с интересом вслушивался в их разговор. Визитер молча кивнул, и джип порулил в обратном направлении. Окликнув Антона, я приказал ребятам быть на всякий случай наготове.

Не прошло и двадцати минут, как гости возвратились, причем в сильно увеличившемся составе. Из джипа на этот раз вылезло аж пятеро мордovorотов, а из прикатившего следом «мерина» вылезла щуплая невзрачная фигурка. Надо полагать, тот самый шеф.

От группы мордovorотов отделился давешний визитер и подошел к дому.

— Приехали мы. Где ваш старший?

— Сейчас выйдет...

Тянуть и в самом деле не стоило, и мы с Антоном вышли на крыльцо.

— С кем имею честь беседовать? — холодно осведомился я, глядя сверху вниз на приезжих.

— Ашот Генрихович, — представился невзрачный. — А вы, простите, кто будете?

— Александр Сергеевич я. Прямо как Пушкин, слышали про такого?

— Приходилось. В дом пригласите или здесь говорить будем?

Вот уж чего-чего, а приглашать его в лабораторию к профессору у меня и в мыслях не было.

— Вон там посидим, на лавочке, — показал я рукой направление. —

Утро ныне хорошее, чего ж его под крышей-то встречать!

— Как хотите, — буркнул Ашот и зашагал к лавочке.

Охрана его никуда с места не тронулась, оставшись около машин. И за мной никто из ребят не пошел, только Виктор уселся на крыльце, демонстративно положив на колени дробовик. На месте охранников я бы не хмыкал в усы, разглядывая его полусонную фигуру. Витьке ничего не стоило заземлить всю эту гопу менее чем в три секунды. Стрелок он вообще был классный, а уж с дробовика, да еще картечью...

— Слушаю вас, уважаемый, — повернулся я к невзрачному, когда мы поудобнее устроились на лавочках. — Что у вас за беда стряслась, что в такую рань прикатали?

— У нас, слава богу, ничего не стряслось, — ответил тот, сделав ударение на первых словах.

— Тогда... Видно, я чего-то не понимаю?

— Скорее всего. Вот я бы и хотел как можно скорее прояснить этот вопрос.

— В таком случае слушаю вас внимательно.

— У вас есть какие-то интересы в данной местности?

— Есть.

— Не секрет, какие же?

— Самые разнообразные, уважаемый, самые разнообразные.

— В том числе и финансовые?

— Возможно.

— Не буду скрывать, Александр Сергеевич, у нас они тоже имеются. И те, и другие, с вашего позволения. В связи с этим у меня к вам есть деловое предложение.

— Я весь внимание.

— Вы ведь недавно в этих краях?

— Совершенно верно.

— Ну, а мы здесь работаем уже не первый год. И до вашего здесь появления все события развивались должным образом. Дела шли как им положено, каждый делал свою работу. И если бы не ваше вмешательство, все было бы совсем хорошо. Поэтому я бы хотел предложить вам следующее: озвучьте сумму.

— Какую?

— Сумму вашей заинтересованности в этом месте.

— И что потом?

— Если эта сумма выглядит разумной и обоснованной, я готов выплатить ее вам в любом возможном виде. И каким угодно способом.

- А с чего вы взяли, что все вопросы решаю именно я?
- Не считайте меня за круглого идиота. Я тоже умею складывать два и два. Стержнем всей вашей деятельности здесь являетесь именно вы.
- У меня тоже есть свое руководство, и оно может не одобрить ваше предложение.
- Скажите мне, к кому я должен обратиться в Москве, и этот человек подпишет любой документ, о котором мы с вами договоримся.
- Вы так уверены в своих возможностях? Что же вы их раньше-то не задействовали?
- Щека у Ашота дернулась. Видимо, результат задействования его возможностей оказался совсем не таким, на который он рассчитывал.
- В данном случае я разговариваю с вами, и мне проще решить вопрос на месте. Мой отъезд в Москву — это потеря времени и, как следствие, потеря денег.
- Хорошо, уважаемый Ашот Генрихович, я доложу своему руководству. Посмотрим, что они на это скажут.
- Будем надеяться, что они правильно поймут ситуацию...

На этой ноте мы и расстались.

Хотя, откровенно говоря, сложилось у меня ощущение, что не только поговорить приехал криминальный банкир. То, что это был именно Егидзе, я понял сразу, только взглянув на подъехавший «Мерседес». Бизнес, деньги — все это было понятно и лежало прямо наверху. Но чувствовалась тут какая-то зацепка, никак не дававшая мне покоя...

Своими сомнениями я поделился с генералом, докладывая ему по телефону о происшествии.

- Крышу вашу, стало быть, пробивает товарищ...
- Так точно, Виктор Петрович, ищет наших покровителей.
- Ну, его московским друзьям тут основательно вломили, так что спеси у него должно поубавиться.
- Не сказал бы. Держится он вполне уверенно, хотя и не так нагло, как я ожидал.
- Да? Значит, надобно ему еще разок хвост прищемить.

Вечером меня поймал Марченко. Выглядел он взволнованно и был возбужден больше обычного.

- Вот что, Александр Сергеевич, родилась тут у меня одна идея...
- Колитесь, профессор, хотя от такого вступления у меня уже мурашки по коже бегать начинают.

— Какие мурашки? — удивленно вскинул брови Марченко.
— Здоровенные, с воробья.
— Шутите? Я серьезно говорю!
— Какие уж тут с вами шутки!
— Вот, смотрите, — потянул он меня за руку к своему столу, — я тут прикинул кое-что... В общем, не вдаваясь в детали, могу сказать, что у нас появилась возможность проверить на практике некоторые наши предположения.
— Какие именно?
— Мы можем попробовать взглянуть на эти места, так сказать, глазами.
— Не понял... А сейчас мы чем смотрим?
— Ох! Извините, это я оговорился. Мы можем, так сказать, заглянуть в прошлое.
— Это как?
— Долго объяснять... Да и не поймете всего. В общем, это сможете сделать только вы или кто-то из тех, кто уже совершал такие вот...
— «Выходы»?
— Ну да!
— Так разве здесь это возможно? Тут и аппаратуры соответствующей нет, и медиков...
— Вот как раз аппаратуры тут более чем достаточно! А медики? Зачем? Я ж ваше сознание никуда не отправляю? Вы здесь остаетесь, мы только чуть-чуть, через булавочный прокол буквально, вашими глазами туда заглянем.
— И что ж вы тут увидеть хотите?
— Но ведь вы же чувствуете тут что-то необычное? Вот и постараемся понять, что же именно...

Телефонный разговор.

— Господин Свиридов?
— Да.
— Это Егидзе говорит. Добрый день, Николай Валентинович.
— А Ашот! Здравствуй, дорогой! Как дела?
— Нормально все, Николай Валентинович. Вот на месте разбираемся.
— А... это в этой, как ее... ну в деревнях этих ваших...
— Ну, пока еще не совсем в наших, но это всего лишь вопрос времени. Тут некоторые сложности образовались... но мы их решаем.
— Да? Ну, вы уж там поторопитесь, а то время-то тикает. Сами

понимаете, я не могу слишком долго тянуть с началом тендера. Строительство дороги должно быть начато в срок, все-таки государственная программа...

Еще один телефонный звонок.

— Арвид! Это Григорий говорит. Слышишь меня?

— Да, Григорий, добрый день. Как дела, дорогой?

— Да нормально все. Я тебе вот что сказать хочу: видел я этого мужика.

— Которого?

— Ну, помнишь, ты мне фото показывал? Он еще в камуфляже там был. Так вот, это он самый и есть. Только одет по-другому. И лет ему немного побольше.

— Ты точно в этом уверен?

— Я в десяти метрах от него стоял и видел его хорошо. Так что с тебя причитается!

— О чем базар! Ты же знаешь: я в долгу никогда не оставался.

«Объект обнаружен в указанном месте. По нашим предположениям, там проводятся работы по предполагаемой тематике. Группа находится на месте. Ждем дальнейших указаний».

Сегодня с утра профессор был возбужден и не находил себе места. Даже за завтраком он ел как-то невнимательно, постоянно о чем-то задумывался. Не допив кофе, он сорвался с места и заторопился к своей аппаратуре. Вчера весь вечер он со своими помощниками колдовал над настройками, что-то высчитывал и проверял. Еще перед завтраком он подошел ко мне.

— Ну, что, Александр Сергеевич, как ваше настроение?

— Да у меня-то в порядке все, это от вас теперь все зависит.

— Ну, со своей-то стороны я уже два раза все проверил. Но ведь эксперимент такой в первый раз делаем. Тут и ваше поведение влияет очень на многое.

— А от меня-то что требуется?

— Не скажите, Александр Сергеевич! Вот я на вашем месте ничего такого повторить бы не сумел. Дело в том, что наша аппаратура здесь выполняет роль обычного усилителя, а основная работа ложится на ваши плечи. Мы просто постараемся до предела утончить грань, разделяющую

прошлое и настоящее. А уж от вас зависит, сможете вы туда заглянуть или нет.

— Ну, что ж, попробуем. Если пару раз вышло, отчего бы и еще не рискнуть. Тем более что на этот раз никуда отправляться не требуется. Чего смотреть-то будем?

— Для начала на деревню эту поглядим, потом сместимся к монастырю. На то место, где вы поисковиков нашли, тоже глянем. Я не жду каких-то неожиданных открытий. В данном случае гораздо важнее проверить саму возможность подобных действий.

— А с академиком вы это согласовали?

— А то ж! Он сам подъехать собирался. Как он сказал, наша попытка в силу ряда обстоятельств может оказаться неожиданно эффективной.

— Это он опять про свою теорию «якорей»?

— Ну да. Тем паче что подтверждения у него все-таки есть.

«По имеющимся данным ожидается прибытие руководства из Москвы. Охрана объекта начала подготовку к этому визиту».

«Санкционирую проведение операции по прибытию руководства. Примите все меры по ликвидации любых следов вашей деятельности».

Травников не приехал. Вместо него прикатил его зам по науке, неразговорчивый хмурый дядька. С профессором Горчаковым мне приходилось сталкиваться и раньше, и впечатления остались противоречивыми. Как специалист он, безусловно, был на своем месте, голова у него работала. Но как человека я его так и не понял. Весь он был какой-то зашоренный и необщительный. Вместе с ним приехали еще пара человек из его отдела. Они должны были осуществлять дополнительный контроль за ходом эксперимента. Для этой цели был оборудован резервный пульт управления аппаратурой. Техника эта была смонтирована в микроавтобусе, который и прибыл вместе с гостями. Внешне он мне напомнил такой же фургончик, в котором медики в свое время возили Травникова. Машина эта встала на стоянку в ста метрах от домика, и от нее проложили толстый кабель, который подключили к аппаратуре Марченко. К эксперименту все было готово.

Скрипнув тормозами, грузовик притормозил у обочины. Водитель заглушил двигатель, но из кабины выходить не стал. Зато из кузова вылез

невысокий парень и быстро выгрузил оттуда несколько свертков. Утащив их в кусты, он снова залез назад и через минуту спрыгнул на дорогу, держа в руках что-то завернутое в брезент. Вскинув свою ношу на плечо, он зашагал по дороге и вскоре скрылся за поворотом. Прошло еще минут десять, послышался звук мотора, и из-за поворота появился черный джип. Он остановился в нескольких метрах от грузовика, и оттуда не торопясь вылез крепкий парень. Сплюнув на дорогу, он подошел к грузовику.

— Загораешь?

— Товарища жду.

— Что ж, опаздывает он?

— Да что-то задерживается.

— Так, может, я вместо него?

— Может, и ты, если покажешь что-нибудь интересное.

Водитель джипа осмотрелся по сторонам и вытащил из-за пазухи половинку визитной карточки. Протянул ее в окошко кабины грузовика.

— Это подойдет?

Сидевший в грузовике человек вытащил из-под приборного щитка еще одну половинку визитной карточки и сложил их вместе. Посередине образовалась дырка.

— А что ж в середине-то ничего нету?

— Так и должности такой у него больше нет...

— Добро. По дороге вперед проедете, там метров через двести притормозите, к машине человек подойдет, передаст вам кое-что...

Джип сорвался с места и исчез за поворотом.

Водитель грузовика проводил его взглядом и достал из-под сиденья мобильный телефон. Включил, подождал, пока аппарат поймает сеть, и набрал номер.

— Леха? Добрый день, родной! Как дела? Я тут вам подарков привез. Ну, ты знаешь, от кого...

— Рад тебя слышать. За подарки отдельное спасибо.

— Место помнишь, где я вас высаживал?

— Помню.

— Километром дальше с левой стороны в кустах поищи. Там на обочине колесо старое лежать будет. Найдешь?

— Попытаюсь, чай, невелика задача.

— Бывай тогда.

— И тебе не хворать.

Водитель выключил телефон, перевернул аппарат и, разобрав его, вытащил сим-карту. Сломал ее двумя пальцами, он вышел из кабины и

подложил телефон под заднее колесо грузовика.

Затрещали кусты, и на дорогу вышел его попутчик. На вопросительный взгляд водителя он молча кивнул головой и полез в кузов. Водитель осмотрелся по сторонам, залез в кабину и хлопнул дверцей. Взревел мотор, и грузовик тронулся вперед. Чуть слышно хрупнул пластик мобильного телефона под его задним колесом.

Уже к вечеру ребята профессора совместно с прибывшими специалистами закончили последнюю проверку аппаратуры. Все было в норме, все приборы работали в штатном режиме. Заметно волнующийся Марченко стукнулся к нам в комнату.

— Ну, все, Александр Сергеевич, мы готовы.

— Что-то вы долго, профессор! Я думал, мы днем все это сделаем.

— Горчакову спасибо скажите. Это он настоял на дополнительной проверке. Как будто тут все первоклассники, а он один специалист.

— Ну, это уж вы персонально с ним разбирайтесь, я в ваши научные дела не лезу. Зато хоть выспаться успел.

Мы вышли из комнаты и направились к помещению, где была смонтирована экспериментальная установка.

— Присаживайтесь в кресло, Александр Сергеевич.

Я уселся, и ассистенты профессора стали обклеивать меня различными датчиками.

— Еще раз повторяю вам условия эксперимента, — Марченко прошелся по комнате, взволнованно потирая руки. — Здесь вы заснете. В процессе этого будет произведен «прокол». И мы постараемся обеспечить вам возможность увидеть своими глазами обстановку в этом месте такой, какой она была в 1943 году. Весь эксперимент продлится не более получаса, после чего мы свернем «прокол» и разбудим вас. Внимательно запоминайте все ваши ощущения. Это очень важно, ибо, собственно говоря, наводка на цель, выражаясь военным языком, осуществляется именно вами. То есть вашим мозгом, Александр Сергеевич. Мы просто способствуем вам в этом процессе, усиливая ваши мысли до необходимой величины. Поэтому попытайтесь себе представить именно это место. Со слов дяди Феди, оно мало изменилось за прошедшее с сорок третьего года время, что позволяет нам с вами осуществить более точное... м-м-м... прицеливание. Вы готовы?

— Готов, — киваю я головой. — Давайте уж начинайте, чего тянуть-то?

«Объект на месте. Опознан его автомобиль. Приступаю к началу операции».

— Слышь, Вован! А за каким таким хреном нам этот трансформатор сдался? Толку-то с него, а?

— Засохни, Колян! Сказано тебе: надо местным урок преподать.

— Ну, так начистили бы кому-нибудь харю, тачку спалили бы, а эту хреновину чего портить? Самим пригодится!

— Ты умом двинулся? Какие тут тачки? У кого? Трактор ты, что ли, подожжешь? А харю начистить — так иди и начисть! Тут те не Подмоскovie, народ злой да зубастый. У всех, поди, по домам стволы заныканные лежат. Тут их в лесу как грибов по осени. А железяка эта нам на хрен не свалилась. Ты что, здесь строить собрался чего али жить? Какая тебе разница — будет тут электричество или нет? Нам все эти пейзажные хозяйства без надобности. Что они есть, что их нет. Только делу мешают. Давай бери трубу и топай вперед. Я тебя отсюда подстрахую, на случай если промажешь. И смотри у меня — не жажни без команды!

Говоривший вскинул на плечо тубус гранатомета и присел около дерева. Его напарник выплюнул на землю окурок сигареты и, перехватив поудобнее свой гранатомет, двинулся вперед.

— Радуга — Шестому! Доложи обстановку!

— Шестой на связи! На позиции, готов к работе.

— Второй, Третий — Шестому.

— Второй — на месте, готов.

— Третий — на месте, готов.

— Минутная готовность. Работаем по моей команде.

— Антон! Отмечаю активность в диапазоне 455 мегагерц! Переговоры на закрытой частоте, не менее четырех корреспондентов. Удаление порядка пятисот метров.

— Всем в ружье! Срочное сообщение в Москву! Предупредить охрану у автомобилей!

Негромко зажужжал мобильник.

— Да.

— Вова?

— Вы как там, готовы?

— Да, на месте уже.

— Тогда начинайте. Расшибайте эту хреновину и в темпе валите оттуда.

— Радуга — всем! Начали!

Щелкнули раздвигаемые трубы гранатометов.

Лязгнули затворы, досылая патроны в пулеметные стволы.

Хлопок, и первая граната ударила точно в бок стоявшего на отшибе «Шевроле»-фургона. Почти сразу же взорвался бензин в бензобаке. Машина подпрыгнула на месте и опрокинулась на бок.

Еще две гранаты ударили по затемненным окнам бывшего правления колхоза. Что-то рвануло внутри помещения. Разом погас свет во всех окнах.

Первый гранатометчик промахнулся. Выпущенная им граната просвистела мимо трансформатора и бесполезно хлопнула в лесу. Зато второй оказался точнее. Трансформатор окутался дымом, брызнули искры, и зашипело заливающееся из системы охлаждения масло.

— Радуга — всем! Вперед!

Темные фигуры скользнули к окутанному дымом зданию правления. Их передвижение было беспрепятственным, дом молчал. Преодолев отделяющее от дома расстояние, фигуры прижались к стене около входа. Взмах руки — и на двери повис вышибной заряд.

— Бабах!

Выбитая взрывом дверь закачалась на одной петле. Еще один жест — и темные фигуры скользнули внутрь. Некоторое время все было тихо. Потом в глубине здания тихо хлопнул выстрел, еще один... приглушенные глушителями хлопки были почти неразличимы.

— Радуга — всем! Доложить обстановку!

— Здесь Второй. На позиции, контролирую обстановку снаружи. Движения в районе объектов не наблюдаю.

— Третий, Шестой — ответьте «Радуге»! Динамик молчал...

*Начальнику Управления В-2 генерал-лейтенанту тов.
Яковлеву В. П.*

РАПОРТ

Докладываю Вам, что 14 сентября 2005 года во время проведения эксперимента по программе «Око» испытательная группа управления была атакована хорошо подготовленным и оснащенным специально для этого нападения подразделением специального назначения вооруженных сил армии одного из прибалтийских государств.

Во время проведения эксперимента охраной был своевременно обнаружен и локализован интенсивный радиообмен на закрытой частоте. Согласно инструкции, весь научный персонал, находившийся в здании, был экстренно эвакуирован в соседнее помещение и в подвал. Перед этим была дана команда на срочное прерывание эксперимента. Однако в это время произошло внезапное отключение электроэнергии, что не позволило штатно завершить эксперимент. Аппаратура продолжила работу на резервных источниках энергии. Немедленно были задействованы резервные генераторы, но в это время здание подверглось обстрелу из гранатометов. Генераторы и источники бесперебойного питания были уничтожены. Одновременно был обстрелян резервный пульт управления экспериментом, расположенный в фургоне-лаборатории. Сразу же после обстрела из леса выдвинулась группа для зачистки здания и захвата документации. Ими была взорвана входная дверь, после чего нападавшие проникли в здание. Здесь они были встречены охраной. В завязавшейся схватке двое из нападавших были убиты, оставшиеся два человека были захвачены живыми, причем один из них получил ранение в ходе перестрелки.

Потеряв связь с атакующими группами, оставшийся на удаленной позиции командир нападающих продолжил свои попытки выйти с ними на контакт. В результате этого он не смог вовремя отойти и был захвачен группой резерва, которая, получив аварийный сигнал, подошла к месту боя. Охрана командира попыталась оказать сопротивление и была уничтожена. Командир был взят живым. Им оказался капитан Арвид Меер, командир группы специального назначения, сотрудник департамента государственной безопасности Республики Эстония.

Потери нападавших составили четверо человек убитыми,

один ранен, три человека захвачены в плен.

С нашей стороны погибло четверо сотрудников охраны: капитан Вяльцев Михаил Николаевич, старший лейтенант Гония Анзор Никитович, старший лейтенант Пискунов Игорь Павлович, водитель-охранник лейтенант Рощин Павел Петрович.

Получили ранения два сотрудника охраны: капитан Крылов Виктор Михайлович и лейтенант Озеров Игорь Николаевич.

Имеются потери среди сотрудников научного подразделения, погибли два человека: профессор Горчаков Андрей Андреевич и доцент Горохов Леонид Викторович.

Легкие ранения получили еще четверо сотрудников научного отдела. Помощь им была оказана на месте.

Без вести пропал подполковник Котов Александр Сергеевич. По условиям проведения эксперимента он находился в бессознательном состоянии и не мог быть перемещен в другое место, это могло привести к летальному исходу. Поэтому доцент Горохов остался в этом помещении, чтобы попытаться штатно завершить процедуру выхода. Именно в данную комнату и попала одна из двух гранат, вызвавшая пожар и последовавшее за ним разрушение аппаратуры. Посильную помощь попытался ему оказать также и профессор Горчаков. Он, находясь у дублирующего пульта управления, принял участие в завершении процедуры. В результате попадания гранаты в фургон, профессор, отказавшийся покинуть свое рабочее место, был тяжело ранен и скончался, не приходя в сознание.

*Старший инспектор отдела охраны Управления В-2
капитан Колесников А. П.*

Генерал отложил рапорт и поднял глаза на стоявшего напротив Колесникова. Тот молча стоял перед его столом. Только на лбу выступили капельки пота.

— Садись, Антон.

— Спасибо, товарищ генерал-лейтенант.

— Почему про себя ничего не написал? Почему о том, что тебя контузило разрывом, я должен узнавать из рапорта начальника медслужбы?

— Виноват, товарищ генерал-лейтенант! Там и посерьезнее меня люди пострадали, чего уж там...

— А то, что один из задержанных — твоя заслуга? Об этом твои

подчиненные мне докладывать должны? Или все-таки это входит в твои непосредственные обязанности?

— Виноват! Только чем тут хвастаться, товарищ генерал-лейтенант? Такие потери... я даже спать не могу последнее время... чего уж тут... хвостами меряться?

— Вины с тебя никто не снимает. Но и про заслуги упомянуть тоже следует. Хорош я буду, если только виноватых буду отыскивать! То, что произошло — это наша общая недоработка! Тут на орехи всем достанется, и я тоже не исключение! Сейчас всем по башке настучим, с кем работать мне прикажешь?

Колесников промолчал.

— То-то! Не расстраивайся, нам тут всем по маковке прилетит, мало не покажется. Давай-ка выкладывай мне свои соображения, ты же ведь не все в рапорте написать успел.

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант, не все. Кое-что уже по дороге к вам додумал.

— Ну, вот это мне сейчас и расскажешь.

— Сразу после того, как мы этого эстонца заломали, ребята из внешнего прикрытия разделились на две группы. Одна из них рванула к трансформатору. В той стороне бухало чего-то, вот мы и решили заодно проверить. И чутье нас не подвело. В него вклепили гранату. Точно так же, как и нам в окно. Мы даже тубусы отстрелянные нашли. И вот что интересно, товарищ генерал-лейтенант, оказались они из той же партии, что и в нашем случае.

— Так... Интересно, продолжай.

— А вторая группа кинулась дороги перекрывать. И буквально в двух километрах от нас натолкнулись ребята на брошенный джип. Заглох он. Стали его осматривать и нашли в багажнике еще один гранатомет, только на этот раз целый. Тут другой бы остановился да от радости заплясал.

— Это еще почему?

— А джип знакомый оказался. Это из ашотовской охраны. Я им приказал повнимательнее посмотреть: от чего такого джип заглохнуть мог?

— Ну и что вышло?

— Сахар. В бензобак им сахара насыпали!

— Это кто ж так постарался? Местные недоброжелатели?

— Сначала и я так подумал. А поразмыслив, пришел к неожиданному выводу. Вот представьте себе, товарищ генерал-лейтенант, удалось бы нашим злодеям всю свою операцию повернуть безукоризненно. Рванули бы они дом, перебили бы уцелевших да и скрылись бы себе в лесах. Им для

этого даже уходить бы никуда не потребовалось.

— Поясни.

— А они тут уже полтора месяца шарятся. Вернее, шарились. Их Алексей опознал, поисковик. С его слов, он их уже не первый раз видит. Это «черные» копатели. Они сюда задолго до нас приехали. И спокойно ждали нашего появления. Документы у них у всех были безукоризненными. Их и милиция проверяла, но поскольку ничего противозаконного за ними замечено не было, так и не трогал их никто. И если бы командиру их прямо на месте захвата не пообещали мужские причиндалы к сосне прибить, мы до сих пор не догадались бы, что он не наш. Конечно, со временем это бы раскопали. Но когда?! Тут уж мы за остальных пленных взялись, наплевав на все конвенции. Один тоже эстонцем оказался, а второй — литовец. Все бывшие служащие подразделений специального назначения. Интересная компания пенсионеров подобралась. Оттого я и в рапорте так обтекаемо написал. Не мог же я все подробности допроса излагать, это же официальный документ все-таки...

— Веселый у тебя получается компот.

— Дальше еще веселее будет. Вот представим себе, что скрылись они в лесах, следов никаких за собой не оставив. Это бы им запросто удалось, поскольку химией соответствующей обладали. Неизбежно стали бы округу прочесывать. И нашли бы тубусы отстрелянные да джип брошенный. А в нем целый гранатомет. И стали бы мы ашотовскую бригаду на составляющие разбирать. А истинные виновники через некоторое время спокойно бы рассосались в окружающей природе.

— С двойным дном у нас шкатулочка выходит.

— Как бы и не с тройным, товарищ генерал-лейтенант. Для нападения было использовано старое, наше и немецкое, вооружение. Даже патроны подобрали с того времени. Кстати, один пулемет оттого и заклинило. Рано или поздно этим фактом кто-нибудь заинтересовался бы. И стали бы трясти тех самых «черных». А кроме наших «пенсионеров» там еще парочка таких бригад бродит. И в отличие от прибалтов, те как раз замечались за всякими околонуловными шалостями. Вот их и стали бы трясти.

— Как думаешь, Антон, кто был главной целью нападавших?

— Я полагаю, товарищ генерал-лейтенант, что основной целью был академик Травников.

— Вот как? Поясни свою догадку.

— Командир сказал, что команда на акцию была дана только после того, как они зафиксировали прибытие «Шевроле»-фургона. А у нас таких два, только об этом мало кто знает. И один из них возит академика...

— Присаживайтесь, Александр Яковлевич. Как самочувствие?

— Хреново, Виктор Петрович, хреново. Горчаков погиб, я прямо как осиротел после этого. Он хоть и мало где светился, но человек был кристальной души. А уж ученый...

— Да... По мозгам нам дали основательно. Таких потерь, как за последний год, я со времен войны не помню. Как, кстати, там Марченко себя чувствует? Его же контузило.

— Злой он, Виктор Петрович! Сгоряча попросил меня отпустить его.

— Куда отпустить?

— В РВСН. Обещает им написать такую программу, чтобы ракеты прямо в форточки влетали.

— Эх он у вас развоевался-то! Успокойте его, свою ракету он от нас запустить сумеет. Когда он к работе готов будет?

— Ну, уж неделю я его из санатория просто не выпущу. А там посмотрим.

— Договорились.

Генерал поднялся из-за стола и подошел к шкафу. Открыл дверцу, вытащил бутылку коньяка и пару стопок. Вернулся к столу, поставил стопки и разлил коньяк.

— Помянем ребят!

Собеседники, не чокаясь, выпили.

— Я вам вот что скажу, Александр Яковлевич. Помните наш последний разговор с Котовым?

— Помню.

— Он сказал тогда еще, что не укладываются все эти несуразности со снаряжением в единую картину.

— Да, говорил он такое.

— Так вот, Александр Яковлевич, прав он был — это подстава!

— В чем же именно?

— Основной целью всей этой операции было выманить вас под удар.

— Меня?

— Вас в любом случае. А если получилось бы при этом и еще кого-то прихлопнуть, так и вовсе хорошо. Операцию начали только тогда, когда ваш фургон прибыл в деревню. Если бы целью нападавших была группа Котова, так они могли это сделать гораздо раньше. К тому моменту, когда наши ребята там появились, эти субчики уже почти месяц бегали по окрестным лесам.

— Так вы считаете, Виктор Петрович, что вся эта история с заброской

просто грандиозная провокация? И вся она придумана только для того, чтобы вывести меня под гранатометный выстрел?

— Думаю, да. Как бы то ни было, но всю правду мы теперь уже вряд ли узнаем...

Из сообщений информационных агентств.

«Вчера днем полицейским автопатрулем на шоссе № 48 был обнаружен обгоревший автомобиль. Судя по всему, водитель не справился с управлением, машина съехала с дороги и врезалась в скалу. После удара автомобиль перевернулся и загорелся. Водитель и пассажир не сумели выбраться из автомобиля и погибли. По сохранившимся в салоне автомобиля документам за рулем автомобиля находился сержант корпуса морской пехоты США Уильям Макферсон. В пассажире автомобиля был опознан бригадный генерал ВВС США Джефф Райли».

«Сегодня утром в своем доме обнаружено тело профессора Герберта Макферлейна. Судя по заключению специалистов, смерть профессора наступила в результате несчастного случая, произошедшего в процессе ремонта им электропроводки собственного дома».

Что-то кружит перед глазами...

Если это я так видеть буду — грош цена всем профессорским усилиям. Стоило ли огород городить, чтобы увидеть перед глазами эдакую муть? Да еще и сопровождающуюся такими болевыми ощущениями? Как там, в мультике, Шарик писал? «Лапы ноют, и хвост отваливается»? Не знаю, как там насчет хвоста, но вот лапы... ноют — так это еще мягко сказано!

Хренак!

Ох, и мать же твою!

Как он сказал? Через булавоочный прокол? Заглянуть одним глазком? Или меня всего через него просунуть?! Потому что, судя по ощущениям, именно это сейчас и происходит. Тело только что в трубочку не сворачивает. И ведь не могу сделать ничего, руки как свинцовые, про голову лучше и не вспоминать вовсе.

Отрубиться бы сейчас и ничего не чувствовать...

Блин... больно-то как!

Чернота... уже ничего не вижу...

Муть исчезла, стоило только мне приоткрыть глаза.

Так...

Зрение?

Двоится, будто после пары стаканов. А сфокусировать? Попробуем...
уже лучше, что тут у нас?

Лес у нас имеется.

Ни хрена ж себе пельмень!

И как я тут оказался? Ребята выволокли, чтобы в себя пришел?
Сомнительно. Уж хотя бы и потому, что голышом бы не поволокли. Хоть куртку, да накинули бы.

А тут вообще — голышом лежу. Холодно, между прочим! Вообще-то в том, кто тут виноват, можно и опосля разобраться. Какой бы я тут сейчас не находился, а ОРЗ никто еще не отменял.

Какой вывод?

Вставать надо. Искать какую-нибудь одежду и топать назад в деревню.
Ох, и выскажу я нашим ученым-умникам несколько ласковых слов! Или даже предложений...

Встаем.

Ну, точно, как с бодуна.

Повело в сторону. Опа!

Счастливо удалось избежать столкновения со здоровенным пеньком.
Как выяснилось, ноги тоже работают плохо.

Сидим, восстанавливаем силы. Спине теперь не так холодно, зато мерзнет то, на чем сижу. И неудивительно, тут прохладно, стало быть, и земля жаром не пышет. Ладно, сядем на пенек.

Оп!

Удалось, тело понемногу приходит в норму.

Кстати, ну-ка...

Шрам на левой руке. Шрам на левом большом пальце руки в виде цифры 1.

Так, все в порядке — тело свое собственное.

Встаем.

Ноги еще гудят, но в целом нормально.

Руки-ноги?

На месте.

Голова?

А думаю я чем?

На месте и голова.

Все прочее, насколько я могу видеть, тоже присутствует.

Вопрос номер раз — где я?

Вопрос номер два — куда идти?

Место напрочь незнакомое, лес, пригорки — словом, у черта на рогах. Просветов никаких не вижу, звуков не слышу. Куда идти — неизвестно, стало быть, вопрос номер два отпадает.

По вышеуказанным причинам отпал и вопрос номер один — никаких ориентиров, способных четко локализовать мое местоположение, поблизости не имеется.

Снова вспоминаем классику: если тебе все равно, куда идти, то не все ли равно, куда ведет эта дорога? Осталось дело за небольшим — найти дорогу.

Встаю с места, попутно подбирая с земли крепкий и относительно прямой сучок. Оружием его назвать еще нельзя, но на подручное средство вполне тянет. Описывая свое состояние, я несколько поторопился обозвать себя раздетым и разутым. По крайней мере плавки на мне имелись, а вот с обувью было хуже. Приходилось ступать на землю осторожно, дабы не пропороть ступню об острый сучок. В связи с этим скорость моего передвижения была и вовсе смехотворной: уж чего-чего, а всякого мусора на земле хватало. Спустившись в ложбинку и пройдя по ней, поднимаюсь на небольшой холмик. Лес тут не такой густой, и я могу хотя бы оглядеться по сторонам. А вот если на дерево залезть? Вон, как раз чуть в стороне и елочка растет подходящая.

Раздвигаю руками кусты и ветки и осматриваюсь по сторонам. Спереди лес, справа — тоже лес. Налево смотреть не могу, мешают ветки. Сзади — ствол дерева. Перелезаю через пару ветвей, здесь уже обзор получше.

Снова лес, один лес вокруг. Стоп! А вот это что? Вдали виднеются какие-то непонятные сооружения: то ли стены, то ли башни. На фоне окружающего леса они смотрятся как-то мрачно — почти черные, без каких-либо особенностей. Отсюда не разобрать. Во всяком случае, какая-то цель появилась. Надо идти туда. Кто-то же построил эти сооружения! Значит, люди или как минимум дорога должны там присутствовать. Подтягиваюсь на ветках, чтобы спуститься вниз. И в этот момент пробившийся сквозь облака солнечный луч ярко вспыхивает на одной из башен, освещая казавшийся до этого черным купол.

Точно, это же купол! Церковный купол! Стало быть, все эти башни — церковь, а точнее — монастырь. Слишком уж много там строений для обычного сельского храма, да и стены вокруг него вообще ни к чему.

Спускаюсь на землю. Направление движения теперь более или менее понятно. Идти еще километров семь-восемь. Такими темпами раньше чем к

завтрашнему дню я туда не поспею. Добывать огонь трением я не обучен, стало быть, перспектива холодной ночевки в неприветливом лесу становилась более чем вероятной.

Делать, однако, тут было нечего, и я потопал через лес в сторону монастыря. На мое счастье, выглянувшее солнышко, по-видимому, не собиралось больше прятаться за тучки, и его лучи, проходя сквозь крону деревьев, хоть как-то, но согревали. В лесу более-менее потеплело, и настроение слегка повысилось.

Протопав таким образом пару километров, я присел на упавший ствол, с тем чтобы чуток передохнуть. Сижу, прислушиваюсь, посматриваю по сторонам. Тихо. Только какие-то птички чирикают, звуки обычные лесные. Нормальная лесная жизнь. Уже собираясь вставать, я последний раз огляделся по сторонам, и тут что-то зацепило мой взгляд.

Стоп...

Что-то я увидел... Снова кручу головой по сторонам. Ветки, стволы поваленные... Все не то... Но ведь было же что-то? Еще раз, только медленнее. Снова смотрим: ветки, стволы... Стоп! На дереве виднеется поперечная полоса содранной коры. Или я первоклашка, или это след от пули. Подхожу ближе и рассматриваю ссадину. Точно! Это пулевой след. Прикладываю к нему палку и смотрю вдоль нее.

В десяти метрах спереди палка указывает на здоровенную ель.

Топаю туда и после недолгих поисков обнаруживаю след от пули. Небольшая дырочка, на первый взгляд миллиметров пять. Значит, в реальности калибр не менее 7,62.

Присядем и подумаем. Что мы имеем?

Имеем мы дырку от пули калибра 7,62 в дереве. Притом что лес достаточно глухой. Какова вероятность на третьем часу гуляния по лесу обнаружить в дереве недавно выпущенную пулю? Для непосвященных отвечу: такая вероятность стремится к нулю. Особенно в наше время, когда не так много людей с нарезными стволами бегают по лесу.

Вывод?

Или тут полно отморожков со стволами, или это не современный мне лес. И то и другое радости не доставляет никакой.

Идем в другую сторону. Туда, откуда эта пуля прилетела. Даже если там бродит на всю голову отмороженный браконьер с нелегальным огнестрелом, палить в полуголого мужика он не станет, поскольку опасности от него не почувствует. По крайней мере сразу этого делать не будет. А дальше уж я постараюсь его такой возможности лишить. Еще раз прикладываю к дереву палку и смотрю в ту сторону, откуда

предположительно прилетела пуля. Лес как лес, ничего особенного. Намечаю себе ориентир и осторожно двигаюсь в ту сторону. Не то чтобы я от кого-то прятался, просто лес тут достаточно густой, и валежника на земле хватает. Прохожу еще метров сто и спускаюсь в маленькую ложбинку. Начинаю подниматься на склон и вдруг останавливаюсь. Прямо передо мной на земле лежит обычная красноармейская пилотка. Не новая, достаточно затасканная. Она краем зацепилась за траву, а та ее сторона, что со звездочкой, лежит на земле. Осторожно приподымаю ее кончиком палки. Пилотка как пилотка, ничего необычного. Я таких видел великое множество. За одним небольшим исключением: все они были *там*, в далеком сорок первом или в не менее далеком сорок втором году. Вероятность же встретить такой раритет в современном лесу была не просто нулевой, она была скорее отрицательной.

Значит — что?

Опять за рыбу гроши?

Это что ж получается, опять меня вынесло куда-то в невообразимое прошлое?! Тоже мне, профессор! Нечего сказать, удружил! Взглянули в булавочную дырочку. Да так хорошо взглянули, что аж в нее и вывалились.

Хозяин пилотки отыскался через пару шагов.

Здоровый парень, совсем молодой, лет девятнадцать.

Он лежал ничком, выброшенная вперед рука сжимала флягу в матерчатом чехле. Пуля попала ему в голову, видимо, при этом пилотка и улетела вперед.

Я прислушался.

Тихо.

Ни шума шагов, ни голосов.

Судя по тому, что ссадина на дереве уже чуток заплыла смолой, стреляли здесь не сегодня. Как минимум день уже прошел. Навряд ли неведомый стрелок все это время сидел тут в засаде. Стало быть — подходим.

Форма обыкновенная, старого еще образца. Неудивительно. Встретить здесь солдата из Кремлевского полка я и не рассчитывал.

Сапоги.

Не чищенные уже достаточно давно, подошвы стоптанные — давно их таскает. Вернее — таскал. Размер? На первый взгляд — вполне подходящий. Но в моем положении выбирать не приходится, и это сойдет.

Так, форма налезла, интересно, на кого я сейчас похож? Хорошо, хоть побриться утром успел. А, кстати говоря, это даже в минус тут пойти может. Парень-то небритый! Щетина у него — как минимум недельной

давности. Ладно, с этим после разберусь.

Что у нас еще есть?

Спички в жестяном коробке, сбоку вставлен черкаш. Полкоробка, это плюс, холодная ночевка уже не грозит. Нож. Складной, несерьезный какой-то. Хрен с ним, на первое время обойдусь. Тряпочка какая-то — зачем? Черт его знает. Полкармана набито махоркой, отчего так?

Ремень. Хороший ремень, кожаный. На нем два подсумка. В одном одиноко болтается обойма патронов к трехлинейке. Хм, а сама винтовка где? Мне она точно бы не помешала.

Однако поиски мои ни к чему не привели, винтовку я не нашел. Да была ли она вообще? Может, парень бросил ее еще раньше? Чтобы легче бежать было. Это, по правде сказать, ему не очень помогло. Судя по следам, бежал он издалека, вон они еще видны на земле. Он именно бежал, шаги длинные. А вот тут он устал, хотел воды глотнуть, снял с пояса флягу и... И не успел. Стрелок подошел, перевернул тело и забрал документы — карман на гимнастерке расстегнут и пуст. Может быть, и оружие он унес.

Кстати...

Несколько минут поисков увенчались-таки успехом — на земле отыскался след сапога. На след сапога погибшего он походил весьма слабо, а вот на след немецкого сапога — в самый раз.

Значит, что?

Сызнова фрицы?

Костер и теплая ночевка отменяются.

Зато во весь рост встает задача номер раз.

Мне нужно оружие.

И как можно скорее.

Отыскав на земле подходящую ямку, кладу туда парня и накрываю ветками. Сверху придавливаю ветки здоровенным булыжником. Авось не доберется до него лесное зверье. Выкопать для него могилу мне нечем. Нету даже карандаша, чтобы хоть что-то написать на надгробном камне.

Топаю по следам беглеца, благо что они видны неплохо. А крепкий парень был! Метров пятьсот он по лесу ломился, что твой лось! Интересно, откуда он бежал?

Ответ на этот вопрос отыскался достаточно быстро.

Поднявшись на очередной холмик, я увидел впереди проплешину костра. Он давно уже потух, над почерневшими головнями не виднелось ни одного дымка.

Вот откуда он бежал...

Около костра я отыскал еще троих. Гимнастерки порваны, по-

видимому, они погибли от разрыва гранаты — вон след от этого разрыва виден около костра. А мой беглец, надо полагать, при этом уцелел и кинулся бежать. Но, несмотря на всю молодость и прыть, сделать это так и не сумел. Вопрос о том, кто были нападавшие, передо мной даже не стоял. На земле было полно следов от немецких сапог. Скорее всего, они пришли сюда утром на огонек костра или на дым. Сейчас уже сказать невозможно. Подошли поближе и кинули гранату. Ребята у костра, скорее всего, спали или дремали. Среагировать на хлопок запыла никто не успел.

Покопавшись в золе, нахожу несколько уцелевших, пусть и полуобугленных, картофелин. В моем положении — вообще деликатес. В висащем на дереве вещмешке нашлось немного соли и свернутая плащ-палатка. Больше еды никакой нет, зато в траве подбираю пустой котелок. Будет в чем воды согреть. Заодно и сапоги заменил на более подходящие и менее затасканные.

Оружия не нашлось и здесь. Единственное, в чем мне повезло, — удалось разжиться патронами к винтовке. Их нашлось еще восемнадцать штук. На поясе одного из убитых висел плоский штык-нож от СВТ. Около костра нашлась также малая саперная лопатка в брезентовом чехле.

Ну, что ж, по крайней мере хоть этих ребят смогу похоронить. Перетаскиваю тела в ложбинку и, подрубив лопаткой склон, засыпаю их землей. Штык-ножом срезаю кору на куске дерева и вырезаю надпись: «Трое неизвестных бойцов». Вот и все, что я могу для них сейчас сделать. Документов у них никаких нет. Надо полагать, и здесь немцы постарались.

Кстати говоря, откуда они вообще тут взялись? Я имею в виду, конечно же, немцев. Пришли они, скорее всего, под утро. Земля была еще влажной, и следы их сапог именно поэтому хорошо на ней отпечатались. А откуда могли прийти немцы поутру? Они тоже поспать любят. Значит, одно из двух: либо это поисковая группа, либо рядом населенка или дорога. Скорее всего, именно дорога. Ехали мимо, увидели костер и пришли. Ну, что ж, пойдем и мы по немецким следам.

Предположение мое оказалось, в общем, правильным. Метрах в пятистах отыскалась дорога. Не бог весть что, обычный проселок. Но, судя по следам от шин, им время от времени пользовались. Я присел на поваленное бревно и призадумался. От своего первоначального маршрута я уже отклонился достаточно серьезно. И пилить сейчас через лес смысла не было ни малейшего. С другой стороны, передо мной лежала дорога. Совершенно очевидно, что вела она к какому-нибудь жилью. В этом были как свои плюсы, так и весьма значительные минусы. Немцы пришли от

дороги. Значит, они по ним ездят свободно и никого особенно не опасаются. Стало быть, и в населенке меня встретят, скорее всего, они. Печально... Не скоро я еще в тепле посплю. Присмотревшись к следам, я понял направление движения машин. Все они двигались от монастыря куда-то в неизвестном мне направлении. Хотя почему в неизвестном? Если монастырь стоит в лесу, то ехать от него можно было как раз к более обжитым местам.

Прикинем свои шансы.

Идти к немцам я, разумеется, не хочу. Ничего хорошего меня там не ждет. Ясен пень, что лучше идти к своим. Хотя и тут есть свои минусы. Во-первых, я не знаю, куда идти и где их искать. Во-вторых, у меня нет никаких документов, и я совершенно не ориентируюсь в окружающей обстановке. И вот это плохо. Объяснить все контузией или амнезией? Может и прокатить. А может, и нет. И буду я иметь бледный вид. Лежа у ближайшей сосны с пулей в башке...

Решено, иду к монастырю. А там... там будет видно.

До монастыря я не дошел. Просто не успел до темноты. Поняв, что не успеваю, свернул с дороги в лес и начал искать место для ночлега. Таковое вскорости и отыскалось — глубокая лощина, по дну которой тек ручеек.

Выкопав ямку, развожу в ней небольшой костерок. Предварительно натягиваю сверху и чуть наискось плащ-палатку, чтобы отблеск от огня не был бы виден со стороны. По лощине в сторону от дороги тянет сквознячок, так что дым на ней не учуют. Ну, и спать придется вполуха, так что незаметно ко мне не подойдут.

Сон вышел тревожным, в голову лезла всякая чертовщина. Согласно кинематографическим канонам, мне полагалось сейчас истерически вопить и рвать волосы на всех участках тела. Впервые я ухнул неведомо куда в собственном теле и с совершенно неясными перспективами на обратный путь. И если во второй раз у меня были основания надеяться на помощь своих, то в данном случае таковая виделась мне сомнительной. Как там академик говорил: «Билет в один конец»? Совсем не радужная перспектива. Тем не менее следовать голливудским штампам я не собирался. Руки-ноги на месте? Имеются. Голова с ее содержимым? Тоже присутствует. Силы пока есть. Одет, обут, даже кое-какое оружие в наличии. Еды нет, так в лесу что-нибудь да отыщу. Кроме того, маленькая зацепочка у меня все-таки была. В будущем о таком вот персонаже из новгородских лесов ничего известно не было. А значит, шанс на возврат все-таки есть. Обсуждать гипотезу о том, что известий могло не быть в связи со смертью персонажа, как-то не тянуло...

С утра настроение не улучшилось. Было прохладновато, костерок мой уже потух, так что на мир я смотрел глазами сердитыми. Сожрав последнюю картофелину, сворачиваю плащ-палатку и топаю к дороге. Ночью тут никто не ездил и не ходил — наклоненная вчера поперек дороги ветка так и осталась в своем прежнем положении. Пешеход, а уж тем более машина неминуемо своротили бы ее вбок. Ладно, значит, я тут не один любитель поспать. Выхожу на дорогу и топаю дальше.

Прошагав пару километров, согреваюсь, а вместе с этим появляется и бодрость духа. Да тут еще и солнце снова выглянуло из-за тучек, и в душе потеплело.

Ках...

Это еще что?

Ках... ках...

Выстрелы!

Только где-то далеко.

Немцы?

А не один ли хрен?

Кто бы это ни был, у него есть оружие. Возможно, что есть и еда, и уж во всяком случае — информация. Вот пускай и поделится.

Чем?

А вот там и посмотрим...

В темпе несусь на выстрелы. Они не затихают, хотя и на бой это не похоже. Опять по лесам немцы кого-то гоняют? Весьма вероятно. До них еще километра полтора, если не больше. Еще чуток, и надо будет уже осторожнее топать. Не ровен час... Превращаться в дичь мне совсем не хотелось. Хватит. Набегался уже в свое время.

Деревья стали редеть, близко опушка леса. Так, тут уже осторожнее ползем... Да и выстрелы зазвучали совсем уж явственно.

Бах!

Ух ты!

А это вообще рядом.

Ляжем на землю... от греха подальше.

Где тут стрелок сидит?

Выстрел слева был. Куда же он стрелял?

По мне?

Вряд ли, я уже тихо шел. А вдруг у него слух, как у летучей мыши?

Загнуть левее? Пожалуй... хуже от этого уж точно не станет.

Как это в известном фильме было? «Ползет, ползет, ползет...»

Вот и я ползу.

Запах!

Сигаретный дым.

А табак, между прочим, неплохой, как бы и не ароматизированный. Да нет, не было в то время таких табаков. Просто хороший, вот и все. Интересно, а был такой табак в СССР? Ну, кое у кого был. Только вот представить себе его в этом лесу я мог с большой натяжкой.

Ладно, берем за основу, что это немец. И ползем дальше.

Бах!

Черт, почти над головой!

Где он?

Да вот же, на дереве устроился.

Там, среди ветвей есть развилка, и в ней сейчас расположился немец. Знакомая форма, сапоги — сомнений нет. Перед ним в развилке сучьев лежит винтовка с оптическим прицелом. Немец курит, в его руке зажата сигара. Вот откуда и запах...

— Отто! — не поворачивая головы, орет немец. — Еще одного запиши!

— Того, что к мосту ближе? Так ты снял его раньше.

— Нет, этот лежит метров на пятьдесят ближе к нам. Я его, похоже, зацепил раньше, на перебежке, а вот сейчас добил уже окончательно.

— У меня он помечен как раненый.

— Ну, так исправь. Не будь таким педантом.

— Сделаю...

Так это снайперская пара в засаде!

Для них это развлечение. Впереди я вижу поле, и где-то там лежат красноармейцы, которых прижала огнем эта парочка.

И я ничем не могу им помешать. Немец на дереве для меня недосягаем. Пока долезу, он пять раз меня продырявить успеет.

Но ведь есть еще и второй? Или он тоже на дереве сидит? А пишет он тогда как? Тоже на сучок журнал положил?

Осторожно смещаюсь в сторону. Теперь надо прятаться еще и от взгляда сверху. А это уже сложнее...

Вот и второй.

В небольшой ложбинке стоит мотоцикл, а чуть выше сидит на пеньке еще один немец. Перед ним на подставке-треноге укреплен стереотруба. Около нее стоит небольшой складной столик. На столике лежит раскрытая тетрадь. Немец время от времени смотрит в окуляры стереотрубы и что-то записывает. Бухгалтерию ведет? Ну да, у них с этим строго. А оружие у него где? На поясе пистолет, все, что ли?

Нет, вон и автомат имеется. Лежит у него на коленях.

А еще есть кто-нибудь? Не вдвоем же они сюда прикатили?

Почему бы и нет, кстати говоря? Это, надо полагать, их тыл, вот и ведут они себя достаточно раскованно. Вон, снайпер даже курит на позиции.

Ладно, парни, сейчас я вам обедню-то попорчу...

Осторожно тащу из чехла лопатку. Как всегда, в такой момент она за что-то цепляется, лезет криво. Дернул же меня черт ее на пояс повесить, сунул бы за ремень, надежнее было бы! Я весь покрываюсь холодным потом, не ровен час немцы вздумают обернуться. Тогда все — амба! Добежать до сидящего могу уже и не успеть — у него автомат на коленях, только руку протянуть.

Все, успел... Лопатка в руке. Еще бы метр проползти... кусты уже закончились.

Немец приник к стереотрубе.

— Иоганн!

— Чего тебе?

— Вижу еще двоих! Вон там, в воронке, правее ориентира номер три!

— Сейчас посмотрю...

Тянуть больше нельзя, такого момента может уже и не представиться. Я и так уже выполз за время этого разговора из кустов, назад могу и не успеть.

Что под ногами? Камешков никаких скользких нет, сучков ненадежных? Валежник... далеко, не на пути. Коряга — ее обойти надо, может провернуться под ногой.

Вскакиваю на ноги! Прыжок, миную корягу, налево... Немец за столиком что-то почуял, голову поворачивает...

Поздно!

Удар лопаткой!

С хрустом ломается черенок в моей руке. Но дело сделано, фриц уже заваливается назад, голова его почти срублена. Отталкиваю в сторону безвольное тело и подхватываю у него автомат. Взвожу затвор и кубарем откатываюсь назад. Немец на дереве, надо полагать, услышал внизу какую-то возню. Во всяком случае, он настороже, винтовка в руках. Только вот назад ему поворачиваться неудобно, ствол дерева мешает.

— Иоганн! Жить хочешь?

Так, мой немецкий язык меня не покинул. Немец дернулся. Понял, значит.

— Хочу...

— Тогда медленно вешай винтовку на сучок и слезай с дерева. И без фокусов. А не то я наверчу в тебе столько лишних дырок, что мать-природа побелеет от зависти.

Говоря это, осторожно смещаюсь в сторону, в ложбинку. По крайней мере там я почти по пояс укрыт. И если у немцев есть кто-то третий, попасть ему в меня будет затруднительно.

Снайпер вешает винтовку на сучок и осторожно слезает с дерева.

— Повернись лицом ко мне. Руки за голову и садись на землю по-турецки.

Немец молча выполняет приказания. Это уже немолодой мужик, лет тридцать как минимум. Страх в его лице нет, держится он спокойно.

— Что вы сделали с Отто?

— Это с вашим вторым номером? Можете посмотреть направо, там лежит его голова.

— Вы ее срубили?

— Оторвал. Мне кажется, что в данной ситуации вам уместнее подумать о своей.

— Жаль. Это уже мой третий второй номер. Не везет ребятам.

— А вам, стало быть, везет?

Немец кивает головой. Он совершенно невозмутим.

— За двадцать лет сменить троих напарников — не так уж и много. Что вы от меня хотите?

— Я не буду спрашивать вас от том, что вы делали здесь, это и так понятно. Меня интересует оперативная обстановка на сегодняшний день.

— На мотоцикле лежит планшет, в нем карта. Там вся оперативная обстановка по состоянию на вчерашний день.

Показалось мне или в кустах за спиной кто-то есть? Я явственно слышал какое-то движение. Чуть смещаюсь вбок. Теперь у меня за спиной еще и мотоцикл. Немец смотрит спокойно и даже с интересом.

— На что вы рассчитываете? — спрашивает он меня. — Фронт давно ушел вперед, остатки ваших разбитых частей сейчас вылавливают повсюду. У вас нет еды и боеприпасов, медикаментов. У вас нет ни одного шанса.

Правая рука немца медленно опускается назад. Это, интересно, за каким рожном? Знаем мы эти фокусы. Приходилось видеть, как люди таким макаром ножик носят. На ниндзю немец не похож. Но если верить его словам, он уже двадцать лет на войне. Как-то выжил же!

— Сколько вам лет?

— Тридцать восемь, а что?

Шорох со спины стал явственнее. Точно, кто-то третий тут есть.

Немцу тридцать восемь лет, явно офицер. Скорее всего, заслуженный. Такого без охраны не отпустят, второй номер — это не охрана, это помощь на позиции. Смещаюсь еще вбок. Ага, а немцу это не нравится. Теперь он сидит ко мне вполоборота. И я вижу его правую руку. Ее пальцы уже касаются воротника куртки.

— Положите руки на колени. А то они у вас затекут.

Немец молча выполняет команду.

— Сколько вас тут?

Он медлит, оглядывает взглядом поляну. А возьмем-ка мы его на понт...

— Голову своего второго номера вы уже видели, еще один ваш солдат лежит вон там, — киваю головой назад.

Лицо немца резко меняется, и, не вставая с места, длинным плавным движением он уходит перекатом в сторону кустов. В его руке непонятно откуда появляется пистолет. Практически одновременно за моей спиной трещат кусты. Кто-то ломится на поляну. Ну, да, все правильно. Тот, кто в кустах, меня не видит, говорю я тихо, и, кроме снайпера, моих слов никто не разбирает. А вот падение его тела на землю слышно очень даже хорошо. Что может подумать тот, кто в кустах? Что у нас началась драка, вот что. И рвануть на помощь. Ну-ну, флаг тебе в руки...

Стреляю в снайпера, падаю на спину и высаживаю остаток магазина по кустам. Там что-то с грохотом рушится на землю. Надо полагать, незадачливый помощник. Бросаю на землю пустой автомат, выдергиваю из ножен штык и несусь в кусты.

Точно, был третий. Вот он, бьется на земле. Моя очередь угодила ему куда-то в бедро. Да так основательно, что он теперь света белого от боли не видит. Теперь уже и не увидит. Взмах штыком — приплыл, родной. Подхватываю с земли его автомат и бегу назад на полянку. Снайпер тоже еще жив. Но при первом же взгляде на него понятно: это ненадолго. У него пулями разворочено все брюхо. Подбираю с земли его пистолет. Хорошая и эффективная машинка — «маузер HSC». Вот интересно, где он его прятал. Ладно, потом посмотрю. Бегу к дереву и снимаю оттуда винтовку. Хорошо ухоженный «маузер 98К». Оптика — вообще класс! Я и в наше время такую нечасто встречал. Правда, и попадалась мне больше армейская, а ее к высокопрофессиональной отнести трудно. Видать, немец и впрямь мастер своего дела. Хрип сзади... Был. Там же, на дереве, снимаю с сучка сумку с патронами. Всяко лучше будет использовать эти, нежели стандартные. Бегу к мотоциклу, по пути осматриваю снайпера. Документы — в карман. Пистолет он таскал в подмышечной кобуре. Снимаю ее и забираю с собой.

Две обоймы патронов к пистолету распихиваю по карманам.

В мотоцикле тоже нашлось много интересного. Но это пока подождет. Лезу на место немца и осматриваю в прицел поле. На нем не видно никакого движения. Но ведь были же еще живые! Выбегаю на опушку леса и поднимаю винтовку над головой.

— Давайте, ребята, пошевеливайтесь! — идущий впереди старшина обернулся в нашу сторону. Мы с кряканьем навалились на мотоцикл и выпихнули его из очередной колдобины. Трофейная техника обрадованно фыркнула глушителем и покатила по дороге вперед.

Моя встреча со своими произошла до обыденности буднично.

На мой взмах винтовкой спустя минуту с поля поднялось несколько фигур. Одна из них призывно махнула мне рукой. Отрицательно помотав головой, я повторил тот же приглашающий жест. Двое из бойцов направились в мою сторону. Подойдя ближе, один из них крикнул мне:

— Ты что — ранен? Идти не можешь?

— Цел я. У меня здесь мотоцикл трофейный и хабар фрицевский. Одному не унести.

Втроем мы быстро обшмонали мертвых немцев. Себе я забрал снайперку, автоматы взяли ребята. Погрузив все это добро в мотоцикл, мы с ветерком доехали до моста через речушку, где нас уже поджидали остальные. Командовал ими пожилой седоватый старшина. Подойдя к нему, я козырнул и представился:

— Боец Котов. Прибыл в ваше распоряжение.

— Старшина Онищенко. Спасибо за помощь, боец. Без тебя бы нас тут как зайцев перещелкали. Ловко ты их. Один — и троих завалил!

— Спасибо, товарищ старшина. Приходилось в переделках бывать. Вот и здесь смекалка выручила.

Старшина кивнул головой на снайперскую винтовку.

— Умеешь?

— Да уж как-нибудь... С той опушки кого угодно снесу первым выстрелом.

— Это добре, а то у нас ни одного снайпера нет. Этот-то подлюка какой раз наших ребят зажимает. Положит в поле и ждет, пока подмога не подоспеет. Так что и сейчас надо ноги делать. Того и гляди прикатят.

Как выяснилось, бойцы вместе со старшиной ходили за продуктами в ближайшую деревню. Задача это была не из легких, все подходы к деревням немцы контролировали. Уже несколько групп погибли или

пропали без вести. Да и эту группу ничего хорошего не ожидало. Четверо бойцов уже были убиты и один ранен. Погрузив раненого в коляску мотоцикла, мы сложили туда немногочисленное продовольствие. После чего двинулись к лесу.

Чем глубже мы уходили в лес, тем хуже становилась дорога. Идя рядом с бойцами, я переговаривался с ними, попутно выясняя интересующие меня вопросы. Облегчало мое положение то, что почти все бойцы старшины были из разных подразделений и почти никто из них друг друга раньше не знал. Здесь, в лесу, собрались остатки разбитых частей. Общего командования пока не было, хотя какие-то попытки уже предпринимались. Немцы окружили лес плотным кольцом, перекрыв все возможные пути отхода. Частенько налетала и авиация. Но капитальных попыток очистить лес противник пока не предпринимал. Отряд, в который входила группа старшины, был сформирован из остатков разбитого артиллерийского полка и насчитывал почти триста человек, из которых человек пятьдесят были ранены. Оружия было мало, боеприпасов — кот наплакал. С продовольствием и того хуже.

По прибытии в отряд мы сдали продовольствие заместителю командира по хозяйству. Им был старший лейтенант со смешной фамилией Штангель. Я про себя добавил: «Штангенциркуль». Сокрушенно покачивая головой, старший лейтенант грустно спросил у старшины:

— Это все?

— Все, Яков Самуилович. Больше ничего достать не удалось.

— И чем я буду вас кормить завтра?

Вопрос этот был, скорее, риторическим, поскольку ответа Штангель ждать не стал. Отправив бойцов отдыхать, старшина кивнул мне:

— Пойдем, командиру доложишься.

Идти оказалось недалеко, командир располагался метрах в ста от поляны в свежевырытой землянке. Подойдя к ней, старшина деликатно постучал по бревну.

— Разрешите, товарищ капитан?

— А, Онищенко, это ты! Заходи.

В землянке было полутемно, и я не сразу разглядел ее обитателей. Их было двое: ответивший старшине капитан и немолодой уже старший лейтенант. Он молча сидел на нарах и в разговоре участия не принимал. Старшина коротко доложил капитану о произошедшем, всячески расписав мои подвиги. Кивнув головой, капитан повернулся ко мне.

— Благодарю за службу, боец!

— Служу трудовому народу, товарищ капитан!

— Документы имеются?

— Никак нет, товарищ капитан. Вот, посмотрите, — и я показал ему полуоторванный карман гимнастерки, — тут все было. Видать, в драке немец рванул. Мы там с ребятами искали, но времени мало было. Они и говорят мне: «Быстрее пошли!» Может, я назад схожу, поищу?

— Какое там! — махнул рукой капитан. — Тут таких, как ты, половина. Если я сейчас каждого документы искать отпущу, неизвестно, кто назад придет. За тебя твои дела сказали. Старшина!

— Я, товарищ капитан.

— Бери этого бойца к себе. У тебя сегодня четверо погибли, а подкреплений мне взять негде.

Так я и попал в группу старшины Онищенко. Он со своими бойцами занимался поисками продовольствия и боеприпасов. К моему удивлению, в отряде оказалась даже артиллерия. Шесть пушек! Правда, снарядов для них было — совсем мизер.

— Тут где-то склады должны быть, — сказал мне старшина вечером, когда мы устраивались на ночлег.

— И где же?

— Знать бы... С нами в лес уходил один лейтенант из службы тыла, так он знал. Еще в первый день взял десяток бойцов и ушел.

— И что?

— И ничего. Как в воду канули. Здесь в лесах остатки штаба дивизии есть, от них к нам посыльный приходил вчера. Они тоже про эти склады знают. Не знают только, где именно.

— Так что ж тут сложного такого? Кто-то ж туда снаряжение завозил, оттуда забирал. Не может быть, чтобы не было никого.

— Может. Эти склады еще до войны делались. Никто из нас ничего оттуда никогда не забирал. И туда не отвозил. Не для нас все это строилось.

— А для кого же?

— Кто ж его теперь знает...

Утром нас подняли рано. Выпив чаю без сахара и получив по полкружки овсяной каши, мы начали готовиться к очередному выходу. На этот раз целью нашего задания была проверка одного из участков леса. По данным капитана, там пару дней назад был бой. Кто и с кем сражался, нетрудно было предположить. Мы должны были найти это место и проверить его на предмет наличия боеприпасов и снаряжения.

— Сам видишь, нам тут невесело живется, — поведал мне старшина,

пока мы шли к нашей цели. Снарядов всего восемнадцать штук, патронов по две-три обоймы на винтовку. Да и винтовок самих сотни полторы — и все. Тут же в основном тыловые части да артиллеристы, чистой пехоты всего человек тридцать. Но зато музвзвод в полном составе есть. Даже пекарня полевая имеется, только печь в ней нечего.

Еще вечером, прямо перед самым отбоем, к нам подошел тот самый старший лейтенант, что сидел в землянке у капитана.

Отозвав меня в сторону, он указал мне на пенек.

— Присаживайтесь, товарищ боец. Я уполномоченный особого отдела, старший лейтенант Хворостинин. Расскажите-ка мне поподробнее о себе, о бое этом. Как давно вы на фронте и в какой части воевали?

Подробную легенду я продумал еще раньше и не стесняясь вывалил ее особисту.

— В армии я давно, воевал еще в финскую. Снайпером. С их «кукушками» по лесам гонялись друг за другом. Там меня и ранили, — с этими словами я задрал гимнастерку и показал шрам от ранения. — Пролежал в госпитале долго, из армии списали подчистую. Работал на геологов, ходили по Колыме, искали золото.

— Это у Берзина, что ли? — проявил внезапную осведомленность особист.

— Сначала у него, потом у Раковского. Война началась — начал на фронт проситься. Долго не отпускали. Мол, на Дальстрое тоже рабочие руки нужны. Тут тоже фронт. Да и со здоровьем у меня не шибко. Наконец, удалось уговорить. Попал в учебный полк, оттуда в маршевую роту. Привезли нас в Неболчи. Выгрузили, и пошли мы своим ходом к фронту. Только никуда мы не дошли. Налетела авиация, командира сразу убило, остальные разбежались кто куда. А тут и немцы появились. Я и ушел в лес. Оружия-то не было. Сказали, на передовой получим.

— Один ушел?

— Один. Там, в роте, больше городские были. Они леса не знают, боятся его. А мне он как дом родной. Столько лет по нему проходил.

Я рассказал особисту про найденных мною в лесу бойцов. Неожиданно этот рассказ его заинтересовал. Он попросил меня подробно описать всех четверых. Почесав в затылке, я постарался это сделать как можно более точно. Старший лейтенант кивнул головой.

— Знаю их. Это группа сержанта Самойлова. Они от нас несколько дней как ушли. С заданием. Вот куда их занесло... На карте это место показать можешь? Ты же геолог, в картах разбираться должен.

Повертев выданную мне карту, я поставил карандашом галочку.

— Вот тут их костер был. Отсюда с дороги немцы подошли.

— Ничего у них там не было?

— Если что и было, так немцы унесли. Вот, штык остался. И вещмешок я подобрал. Мой-то осколком распорол.

Взяв у меня штык и вещмешок, особист внимательно их рассмотрел. Вывернув вещмешок наизнанку, показал мне надпись чернильным карандашом.

— Носенко. Это фамилия одного из бойцов, что с сержантом ушли. Я их сам снаряжал, поэтому все их снаряжение помню. Штык этот сержанта. Только у него СВТ была. Ладно, спасибо тебе, боец. Хотя ничем ты меня не обрадовал.

Итогом этого разговора стало то, что старшина, который, как оказалось, слышал кое-какие его отрывки, приписал меня в пехоту. Против чего я нисколько не возражал. Место мое здесь пока что было неясно и мне самому. Называть себя командиром и строить бойцов по своему разумению? Не поверят. Да и не выйдет ничего. Народ устал, люди на пределе. Похоже, что капитан это понимает. Только старшина, да еще пара подобных групп еще сохраняют какую-то боеспособность. Есть своя группа и у особиста. Только никому не известно, что они там делают. Все прочие... мягко говоря, вояки еще те...

Протопав по лесу около десятка километров, мы остановились. Повертев головой по сторонам, старшина отправил четверых бойцов на разведку.

— Тут где-то... Пройдитесь туда-сюда.

Разведка скрылась в кустах, остальным скомандовали отдых. Выставив часового, мы завалились под куст. Однако отдых наш был недолгим. Топоча, как загнанная лошадь, из кустов вылетел один из разведчиков.

— Что? — вскочил на ноги старшина. — Нашли?

— Да...

Радости это нам, однако, не прибавило.

Ибо еще раньше нас это место нашли немцы...

— Черт! — ударил кулаком по земле старшина. — Что я командиру скажу?

На небольшой поляне перед нами работали немецкие трофейщики. Некоторое время назад тут был бой. Жаркий и скоротечный. По этой дороге отходила небольшая колонна наших войск. Во главе колонны шел легкий броневичок, чьи остатки виднелись теперь около леса. Его погубитель —

легкий немецкий танк, тоже далеко не ушел и закопченной грудой металла перекрывал дорогу дальше. Около него в траве лежало несколько тел погибших красноармейцев.

Судя по всему, немцы заранее устроили тут засаду. Уйти из которой никому было не суждено. Два разбитых грузовика и несколько телег подтверждали это.

Теперь немцы деловито сновали между ними, собирая снаряжение и укладывая его в три больших грузовика.

— Может, напасть? А? Ты как думаешь, Котов?

Смотрю в оптику.

Немцев около двух десятков. В принципе — немного. Но помимо трофейщиков тут присутствуют еще и два мотоцикла с пулеметами. А это уже не тыловики, судя по их виду — солдаты обстрелянные.

Оборачиваюсь назад.

Нас всех тут около полутора десятков человек. Вооружение самое разномастное. В основном винтовки. Есть еще два автомата. Те, которые забрали вчера у снайперов. Гранат не вижу ни у кого. Спрашиваю об этом у старшины.

— Есть парочка, — кивает он головой. — У меня в вещмешке лежат.

— Значит, так. Немцам тут работы еще на пару часов, не меньше. Давай отправляй одного бойца к капитану, пусть высылают сюда людей. Мы все эти трофеи одни не утащим.

— Добро, — соглашается Онищенко. — Вышлю я человека. Дальше-то что?

— Смотри сам. Через два часа они закончат сбор трофеев, погрузят их в машины. Куда они поедут?

— Да тут одна дорога. Второй выезд танк перекрыл. Слева ручей, справа — болото. Только назад и можно ехать.

— Вот там их и подождем. Сажай обоих автоматчиков так, чтобы они могли бить по замыкающему мотоциклу. У немцев и у финнов тактика похожая: один мотоцикл спереди идет, второй — колонну замыкает. Переднего мотоциклиста я сам уработаю, а вот задним пусть автоматчики занимаются. Все прочие пусть долбят по кузовам, не выпускают немцев на дорогу. Ежели они по кюветам разлягутся, то амбец, не выкурим мы их сразу. Не дай бог, еще кто стрельбу услышит, прикатят сюда — никому мало не покажется.

— Ладно, — соглашается старшина. — Сделаем, как ты говоришь.

Он тут же приступает к делу. Отправляет посыльного, проверяет у всех оружие и быстрым шагом ведет бойцов за мной. К этому времени я уже

оторвался от основной группы метров на двести и осторожно топаю параллельно дороге. Делаю крюк через лес и снова выхожу на нее.

Дорога идет по небольшому возвышению, справа и слева заболоченная местность, поэтому кюветов здесь нет. Хотя и за полотном дороги тут тоже можно оборону держать достаточно успешно. Если не окажется никого за спиной... А вот тут вся надежда на старшину. Объясняя ему план засады, именно этот момент я как-то упустил. Привык уже со своими ребятами работать, они такие вещи назубок знают. Ну, да будем надеяться, что Онищенко тоже не лыком шит.

Вот, кстати, и они. Тонкая цепочка бойцов показалась из подлеска. Встаю в рост и жестами пытаюсь объяснить старшине диспозицию. Не знаю, как он меня понял, но бойцы сноровисто рассыпались по кустам и исчезли из виду. Вроде бы пара человек перебежала и через дорогу. Точно не скажу, от меня этот участок кустами прикрыт.

Так, теперь готовлюсь сам.

Откуда стрелять будем? Вот здесь есть позиция подходящая, отсюда вся дорога как на ладони. А запасную позицию где сделаем? Вон там, чуток сбоку. Очень даже кстати, если под огнем отходить, так меня этот пригорок и прикроет.

Расстилаю плащ-палатку перед собой, чтобы пыли особо не поднимать. Земля, впрочем, влажная, так что особых проблем с этим быть не должно.

Выкладываю перед собой пару обойм, вытаскиваю пистолет и проверяю его. Так, патрон в патроннике, хорошо. Винтовку я еще утром в лагере пристрелял, бой точный. Вообще ствол очень даже неплохой, видно, что немец за своим оружием ухаживал.

Все, можно воевать.

Теперь остается самое важное — ждать. Ждать нужного момента.

Если кто думает, что война — это непрерывная стрельба и драки, так он крупно ошибается. Большая часть времени уходит на всевозможные перемещения туда-сюда, ямокопание и ожидание. Невелика премудрость выпустить пару магазинов в сторону противника, важно сделать данное дело именно тогда, когда оно принесет наибольший результат. А для этого необходимы терпение и способность ждать. Иногда очень подолгу. Ну, или организовать такой случай самому. А пока — лежим тут. Пусть немцы тщательно прочешут поле боя, соберут оружие и припасы. Документы бойцов, скорее всего, тоже заберут. Вот и хорошо, не придется нам еще раз все осматривать.

Вот уже час прошел, тихо пока. Не торопятся немцы, а куда им

спешить?

Чу!

Треск мотоциклетного мотора!

Едут!

Открываю затвор и, выщелкнув из обоймы патрон, вставляю его в патронник. Теперь в винтовке их шесть. Еще два зажимаю во рту — так быстрее будет, чем из обоймы тащить.

У винтовки достаточно габаритный прицел, и вставить обойму в нее штатно не получается — как раз прицел и не дает. Понятное дело, что, лежа на позиции вдалеке от врага, можно не думать о скоростной перезарядке оружия. Но тут — другое дело, здесь мне придется стрелять часто. Вот и заготавливаю себе парочку патронов на этот случай.

Вот они!

Все, как я и говорил старшине.

Передний мотоцикл бодро катит по проселку. За ним два грузовика. Замыкающего не вижу, мешают машины.

Пулеметчик переднего мотоцикла наготове, внимательно осматривает кусты, но оружие пока не трогает, видать, опасности не чует. Ну, так с тебя и начнем...

Бах!

Немца только что из коляски не вынесло! Он зачем-то стал приподниматься в этот самый момент, и пуля поймала его в такой весьма неустойчивой позе. Пулеметчик заваливается назад, на коляску.

Передергиваю затвор, ловлю в прицел водителя, пока тот еще не сообразил, в чем дело.

Бах!

Того отбрасывает назад, на пассажира, после чего водитель наклоняется вперед, падает грудью на руль, и мотоцикл резко виляет в сторону.

Я не успеваю выстрелить еще раз, как он кубарем летит вниз с насыпи. Слышно, как возмущенно взывает мотор, видимо, немец судорожно вцепился в рукоятку газа.

Следить мне за ним некогда, вот уже и первый грузовик на подходе.

Бах!

Бах!

Бах!

Брызнуло осколками лобовое стекло, и мотнул в сторону силуэт водителя. Машину повело в сторону, и пассажир метнулся к рулю, чтобы попытаться выправить положение.

Бах!

Не сумел...

Машина резко сбавляет скорость, и ее тянет в сторону упавшего мотоцикла. Медом вам там, что ли, намазано?

Сплюываю в руку патрон и вставляю его в магазин. Второй...

Не успевший вовремя затормозить, замыкающий грузовик врезается в задний борт передней машины.

Красота!

Грузовик с грохотом летит под откос.

Третий патрон тащу из обоймы.

Второй водитель, видать, со страху нажимает на тормоз, и машина резко останавливается, хотя скорость у нее и так уже невелика после столкновения.

Подарок судьбы!

Вскидываю винтовку.

В прицел видно ошалевшего водителя. Не знаю, слышал ли он выстрелы за шумом мотора. Если нет — его изумление понятно. Ну, а прийти в себя я тебе уже не дам...

Бах!

Он мешком оседает на сиденье.

Передергиваю затвор и ловлю в прицел пассажира.

В фуражке — офицер?

Бах!

Машина уже стоит, можно пополнить магазин.

Нестройным залпом ударили мои товарищи. Брезент на борту грузовика дернулся, будто из него выбивали пыль. Ребята спешат, стреляют часто, у вас там что — гора патронов? По десятку у каждого, только у автоматчиков полный боекомплект. Думать за вас кто будет?

А где, кстати говоря, второй мотоцикл?

Вот он!

Разворачивается на дороге.

Его пулемет уже долбит куда-то по кустам. По вспышкам стреляет? А автоматчики где?

Вот они! Слева от дороги, за спиной мотоциклистов вскакивают из кустов два человека. Длинными очередями они начинают стрелять по пулеметчику. Эх, парни! Опыта у вас нет, не знаете, что при такой стрельбе ствол задирает вверх и большая часть пуль бесполезно сшибает ветки с окрестных деревьев. Хотя в данной ситуации это может быть и плюс...

Опыта у них действительно нет, и первые пули только поднимают

пыль на дороге. А вот потом... стволы автоматов действительно задирает вверх, и пули летят уже в более-менее нужную сторону. Авось хоть одна да достанет...

Опа!

Не знаю, применимо ли в данном случае понятие «накаркал». Может быть, и применимо. Но одна из пуль попадает-таки в пулеметчика. Убило его или нет, не знаю. Но стрелять он перестал. Пассажир мотоцикла спрыгивает на землю и вскидывает автомат. Вот тут прилетает уже ему. От автоматчиков или нет, сказать трудно, но он кулем оседает на землю. Смекнувший, что дело плохо, водитель выкручивает руль и направляет мотоцикл назад, к разбитому обозу. И вот здесь уже ничего не мешает мне целиться. Едет он по прямой. В коляске переваливается от борта к борту пулеметчик.

Третьим выстрелом ссаживаю фрица на землю. Оставшийся без управления мотоцикл утыкается в кустарник.

С этими управились.

А на дороге что?

Стоящий посреди нее грузовик уже не отбивается, похоже, что там никого не осталось в живых. Вижу, как бегут к нему автоматчики, на ходу меня опустевшие магазины. Из кустов выбегают бойцы и тоже спешат к дороге. Абзац, что ли? Неужто все?

Заряжаю винтовку и вешаю ее на плечо. Подбираю пистолет, прячу его в кобурку и спускаюсь вниз.

Из кустов уже повысыпали все бойцы и теперь деловито шмонают грузовики, выволакивая из них трупы убитых немцев.

Уже почти спустившись на дорогу, вспоминаю, что оставил наверху плащ-палатку. Мелочь, а неприятно! Чертыхаясь, я повернулся и потопал назад. Подняв ее, стряхиваю песок и, свернув, прячу в вещмешок. Быстрый взгляд вокруг — ничего больше не забыл? Нет, вроде бы все на месте. Теперь и к ребятам можно. Там уже такой шум и гам стоит, будто филиал черкизовского рынка открыли. Даже часовых не выставили, все у машин столпились. Странно, старшина вроде бы вояка грамотный, что ж он тут так лопухнулся? Надо будет ему вежливо на это намекнуть. Где он, кстати говоря? Ага, вон у машины стоит.

Топаю к нему, на ходу подбирая слова. Как бы это, мягко говоря, повежливее сказать?

Та-та-та-тах!

Очередь!

Стоявших передо мною бойцов как метлой смело!

Они попадали на землю, сбитые пулями.

Не задержись я с плащ-палаткой, так сейчас тоже был бы рядом с ними.

Еще одна!

Пули вжикнули совсем рядом.

Третий мотоциклист!

Его мотоцикл упал с откоса в сторону, где сидели в засаде ребята, и я его видеть просто не мог. Вот и подумал, что уж последнего уцелевшего фрица они не выпустят. Индюк тоже думал...

Вот он, немец, приподнялся над коляской и меняет магазин в автомате.

А в правой руке у меня вещмешок... и винтовка за спиной... да и патрона в патроннике нет...

Магазин со слышимым даже отсюда щелчком встал на место.

Левая рука рвет на груди гимнастерку... там пистолет в подмышечной кобуре.

Немец, краем глаза уловив движение сбоку, поворачивается в мою сторону...

Не успеть! Он готов стрелять и сделает это не задумываясь.

Рывок!

Брошенный вещмешок летит ему в лицо.

Бросьте в лицо даже самому накачанному детине обыкновенную кепку. С небольшого расстояния. В девяноста пяти процентах из ста он попытается от нее уклониться, а если чувствует себя суперменом, отбить или поймать. Причем сделает это совершенно на автомате. Абсолютно не задумываясь. Стереотип человеческого мышления...

А когда в морду летит увесистый вещмешок?

Уж совершенно точно никто не станет проверять, что крепче и увесистее — своя голова или чужой мешок.

Вот и немец не стал. Просто отклонил голову набок, даже не меняя положения тела. Мешок просвистел мимо него и звучно шлепнулся в пыль.

Поворот в мою сторону...

А нет меня.

В смысле — на этом месте нет.

Голова фрица повернулась в сторону...

Ках! Ках!

Трофейный пистолет не подвел...

Сбитая пулей каска покатилась по земле.

Солдат сполз спиной по коляске. Его холодеющие пальцы еще сжимали автомат... Из простреленного лба стекала струйка крови.

Встаю с колена, всего бьет какой-то нездоровый мандраж. Подхожу к автоматчику и отбрасываю ногой в сторону его оружие. Как он там? Готов... А на поясе у него что? Фляга? Что в ней? Шнапс. То, что нужно.

Сделав пару глотков, поворачиваюсь и иду к старшине. Он сидит на песке, зажимая рукой прострелянную руку.

Протягиваю ему флягу.

— Глотни... сейчас это надо.

Он берет ее из моих рук, но не пьет. Губы его мелко вздрагивают. Шок?

— Как же я... старый дурак! Проглядел этого!

— Выпей!

— Я...

— Пей, тебе говорят!

Он на автомате делает два глотка. Кашляет, роняет флягу на землю.

— Бойцы! Перевязать командира! Фрицев проверить! Всех! Штыками!

Топот ног — солдаты понеслись выполнять приказание. Кто-то присел около старшины и бинтует его руку.

— Ты, ты и ты! — отлавливаю пробегающих красноармейцев. — Снять пулеметы с мотоциклов! Один — туда!

Рука моя указывает на собственную бывшую позицию.

— Смотреть за дорогой! Туда, куда немцы направлялись. Одного бойца берешь себе в помощь. Второй пулемет — на поворот дороги, откуда фрицы прикатили. Пасешь ту сторону! — поворачиваюсь к третьему красноармейцу. — Выполнять! Бегом!

Солдаты мгновенно растаяли в пространстве.

Пулеметчики из них, конечно, еще те, но уж отстрелять вставленную в патронник ленту как-нибудь сумеют. Хотя на расстоянии противника удержат — уже хорошо.

— Всем остальным — слушай мою команду! Автоматы собрать! Патроны и гранаты тоже. На все даю три минуты! После этого — построение здесь!

Словом, когда к нам подоспело подкрепление в количестве примерно сорока человек, мы уже заняли на месте круговую оборону. Помимо пулеметов с мотоциклов, в грузовиках взяли еще несколько, да и пришедшему подкреплению тоже хватило всевозможного вооружения.

Так что в лагерь они пошли основательно навьюченными и загруженными. Я присоединил к своим ребятам еще десяток бойцов, щедро вооружив их трофеями. Командовавший подкреплением лейтенант оставил их тут, дабы столь трудно добытое добро не попало бы в руки прежним

хозяевам. Ушедшие в лагерь также унесли с собой троих раненых, в том числе и старшину. Он оказался еще ранен в бок. Среди пришедших на помощь нашлись два грамотных пулеметчика, которые тут же заменили моих бойцов. Не дав им ни секунды роздыха, велел рыть в кустах могилу. В нее мы и положили своих погибших. После этого уцелевшие бойцы по моему приказу построились перед незасыпанной еще могилкой.

— Вот так, товарищи родные! — я оглядел притихших красноармейцев, стоявших передо мной. — Сами видите, к чему приводит элементарное головотяпство и невнимательность. Кто вам мешал проверить этого полудохлика, когда к дороге бежали? Ну, лень подходить, так стрельни! Спокойнее на душе будет! А сейчас мы что имеем?

Строй бойцов молчал.

— Один полузадавленный фриц за пару секунд положил наповал четверых бойцов да троих ранил! И больше бы положил! Никто ему в этом не мешал!

Тишина...

— То, как вы трофейщиков положили — молодцы! И задних мотоциклистов — тоже класс!

Не совсем класс, даже совсем не так, но не буду их уж совсем с дерьмом мешать.

— Но один... Один фриц! Чуть-чуть не помножил нас всех на ноль! Не слишком ли дорогой ценой воевать учимся? А? Ответа не слышу! Молчите? Нечего сказать? Эх вы...

Сокрушенно машу рукой.

— Придем в лагерь, доложу капитану — и катитесь вы все!

— Садись... — капитан указал мне рукой на чурбак, стоявший у стола. Пододвигаю его к себе и сажусь. Винтовку ставлю к стене.

Капитан выглядит усталым и невыспавшимся. Сидящий напротив Хворостинин тоже весь какой-то помятый. Но смотрит внимательно и что-то записывает в обычную школьную тетрадь.

— За трофеи — спасибо! Это добро нас очень здорово выручило.

Еще бы! В грузовиках отыскалось не только почти пять десятков винтовок, но еще и десяток пулеметов и даже два миномета. Были и боеприпасы ко всему этому арсеналу. Нашлось некоторое количество медикаментов и перевязочного материала — это вообще было на вес золота. Надо полагать, фрицы ограбили не только тех бойцов, которых мы видели, но и еще кого-то. Учитывая собственное вооружение и боеприпасы побитых трофейщиков, можно было уже оптимистичнее смотреть в

будущее.

— По крайней мере, — продолжил капитан, — отряд теперь не так остро нуждается в стрелковом вооружении. Можно даже и соседям подбросить кое-что...

А у нас и соседи есть? Интересная новость! Не знал...

— Боеприпасы — отдельный разговор. Их еще не так много, как хотелось бы. На полный БК пока не вытягиваем, но отпор дать уже сможем. Просто так не сомнут, кишка тонка. Плохо, что снарядов к пушкам нет. Так что, Котов, придется тебе еще по округе походить.

— Раз надо — похожу. О чем разговор, товарищ капитан.

— Да что с тебя одного-то толку? Плохо, конечно, что Онищенко ранили... он как командир на своем месте был... Ну да что теперь гадать? Так что бери, Котов, его бойцов и шуруй!

Вот это здрасьте! Не было печали — так на тебе десяток первогодков! И что мне с ними теперь делать? Детский сад открывать? Так времени на это нет...

Видимо, чувства мои явственно отобразились на лице. Капитан понял это по-своему.

— Больше людей дать не могу! И так еле-еле взвод сформировал. Так, чтобы хоть по нескольку обстрелянных солдат в каждом было. Половина моих бойцов — вовсе народ невоенный. Музыканты да пекари — какие из них вояки?

— Да я все понимаю, товарищ капитан. Может быть, разрешите мне самому на бойцов посмотреть? Я бы, может, и заменил бы кого-нибудь? У старшины... тоже не все серьезными вояками были... Здесь они, возможно, и подучатся чему, а в лесу какая школа?

Капитан задумался.

— Ну... резон в твоих словах есть... Человека три-четыре можешь отобрать. Но не больше! Но, уж коли и они опростоволосятся — с тебя спрошу! И со старшины спросил бы, да ранен он, пусть уж сначала оклемается.

Он встал с нар. Я тоже поднялся.

— Значит, так. На все дело даю тебе сутки. Начиная с завтрашнего утра. Сегодня — отдыхать! Послезавтра утром доложишь о своих успехах. Задачу тебе к этому времени приготовят. Как думаешь, — повернулся он к особисту, — успеем?

— К этому сроку? Нет. Пусть пока боеприпасы ищет. Ну... и вообще пусть лес посмотрят, что там есть интересного. Потом уже, когда назад придут, тогда и думать будем.

— Добро. Все понятно? — повернулся ко мне капитан.

— Так точно! Разрешите идти?

Капитан взглянул на особиста. Тот кивнул.

— Идите, Котов.

Козыряю и поворачиваюсь через плечо. Подхватываю винтовку и выхожу на улицу.

Так... Что мы имеем в активе?

Сорок первый год, сентябрь месяц. Нам только что основательно начистили морду, и остатки разбитых частей ныне отсиживаются в лесах. Насколько я помнил этот период времени, уйти отсюда мало кому удалось. Вообще, тут скоро будет кисло. Впереди бои за Демянск. Правда, не здесь, а существенно дальше. Но легче от этого не становилось. Никаких перспектив я не видел — их тут попросту не было. Сидеть в лесу можно было бы долго, да вот жрать-то чего? Шишки собирать? Это сколько же их надо, хотя бы на сотню человек?

Уйти? В том, что я пройду через немецкие заслоны, сомнений не было. Не играючи, конечно, но пройду.

Ну, хорошо. Допустим, прошел. Выбрался к фронту и даже перебрался бы к своим. Что дальше?

А заокеанские артефакты в этих лесах? Их кто искать будет? Даже если и будет, то что ему с того толку? Ну, найдет он... что? Что-нибудь такое... эдакое. Сапоги? Наденет и будет таскать, удивляясь их долговечности. Нож? В карман его, и все дела! Да и все прочее... тоже приспособят куда-нибудь... Это если хозяина всего вышеуказанного добра рядом не окажется. А может оказаться? Да черт его знает! Я уже ничему не удивлюсь!

Так. Управления В-2 еще нет, и будущий академик Благов пока пашет где-то на оборонку. Травников, интересно знать, в каком сейчас звании?

Младлей? Или уже лейтенанта получил? Да нет, рановато ему...

И у кого я буду просить помощи в своих поисках? «Я, уважаемые, брякнулся на вашу голову из далекого будущего... так что дайте мне десяток человек для поиска кладов, тьфу! Вражеских артефактов! Чьих, простите? Да американских же, чьих еще? Союзники? Да это ж сейчас... на самом деле они еще хуже фюрера!»

Результат этой беседы дальше представлять не хотелось...

А у особиста есть какие-то свои заморочки. Причем капитан о них тоже что-то знает. Какие же? Да кто ж тут сейчас догадается? Рвать когти отсюда надо, пока еще фронт совсем далеко не ушел. Да пока не встал в глухую оборону. Вот тогда у фрицев свободные силы найдутся, чтобы тут

всем кузькину мать устроить. Чего ждет командир?

Ладно, об этом будем думать после. А пока...

За каким, простите, рожном надо мне идти неведомо куда и неведомо к кому? Просить себе людей для поиска неизвестно чего?

Так вот они — люди! Под вполне благовидным предлогом я могу сейчас набрать себе бойцов, с которыми и пороюсь в близлежащих лесах. Была у меня мысль... Отчего я не чуял во время поисков штатовских артефактов? Да оттого, что они вернулись в *свое* время! И фонили они немногим более окружающих вещей! А вот тут... Результат может быть и иным. Или не может? Эх, Марченко бы сюда! Вот уж кто поставил бы все вверх дном! Ага... а про немцев забыл?

Хорошо, обо всем этом будем думать после. Сейчас есть дела поинтереснее. Команду надо набирать. И кое-какие наметки у меня уже были...

— Ну, что, соколы вы мои ясные, будем знакомиться? — обвожу взглядом отобранных мною бойцов. — Для начала представляюсь сам. Котов. Александр Сергеевич. Звание мое от вашего не отличается, так что здесь вопросов не возникает пока?

— Нет, — это ответил коренастый темноволосый парень со шрамом на щеке. Звали его Михаилом. Фамилия его была Плиев, и был он родом откуда-то из Осетии. Мне он глянулся своим искусством работать с ножом. В этом он явно был не новичок.

— Ну и славно! В таком разе поступим следующим образом. На кого покажу, тот встает и рассказывает про себя. Как зовут, откуда родом, чего умеет. Как давно служит. А я уж потом сам добавлю то, чего вы еще пока не знаете. Вот с самого разговорчивого и начнем...

— Ну... Боец Плиев, Михаил Георгиевич. В армии год, стрелок. Ножом могу драться, стрелять... да и все вроде?

— Следующий!

— Мартин Лацис. В армии пять месяцев. Шофером был. Стрелять... могу.

— Шифрин, Игорь Моисеевич. Служу полтора года. Телефонист. Воевать тоже приходилось.

— Асанович, Михаил Иванович. С-под Бреста я. Служу почти год. Пулеметчик.

— Демин, Павел Петрович. Из Сясьстроя я. Сапер. В армии два года уже.

— Гришанков, Олег Викторович. Призывался из Ростова. Служу год. Пулеметчик.

— Все посчитались? Тогда рассаживайтесь поудобнее и поговорим. Если у кого вопросы есть — задавайте, потом на это времени может не хватить.

— Можно вопрос? — поднял руку Гришанков.

— Валяй!

— Нас для чего тут собрали? И почему именно вы? Я вас здесь раньше не встречал, а у меня глаз наметан хорошо!

— Правильный вопрос. Отвечаю. Командиру нужна группа бойцов, которая будет заниматься снабжением.

Лица у бойцов вытянулись, и только Шифрин остался невозмутимым. Демин покачал головой.

— Мы же не тыловики. И такому не обучены. Наше дело — воевать, а не по сараям шарить. Для этого специальные люди есть.

— Да? И где тут тот сарай? Да и людей этих ты тут много видел? Окромя поваров да музыкантов?

— Ну... немного.

— А сараи с продовольствием и боеприпасами остались за линией фронта! Если тут что и есть — так это у фрицев! Вот в их складах я с удовольствием порылся бы!

Красноармейцы одобрительно загудели. Такая перспектива устраивала почти всех.

— На нас лежит задача найти боеприпасы и продовольствие и организовать его доставку в лагерь. Сами не потащим, разве что найдем немного. Командир обещал нам в этом помочь. Сразу скажу. Если найдем кого из наших, кто в бою лег, то их оружие тоже заберем. Им ни к чему, а мы им еще повоюем.

— В карманах будем шарить? — поморщился Лацис.

— Что ты там найти собрался? Пушку? Или пулемет? Документы заберем и патроны, а остальное нам ни к чему. Мы ж не немцы, чтобы мертвых обчищать!

— У меня вопрос, можно? — поднял руку Шифрин. — Отчего именно вы, а не кто-то из командиров?

— Отвечаю. Сколько у нас тут командиров?

— Шесть человек. Ну и этот... особист еще...

— На взвода и роты не хватает, а тут меньше десятка бойцов! Не жирно будет — лейтенанта командиром сюда?

— Пожалуй.

— Теперь — почему я? У вас тут у каждого своя специальность есть, и это хорошо. В отличие от вас, у меня не было возможности работать все

время по одной специальности. Вот, в результате и пришлось учиться многому... Могу мину заложить, да и снять могу тоже. Стрелять умею, вроде бы как неплохо.

— Из чего? — это уже Асанович.

— Из всего. До пушки включительно. Пистолет, автомат, винтовка, пулемет — все равно. Хоть с одной руки, хоть с двух. С правой или левой — все едино. Могу ножом работать, опять же — двумя руками. Да и голыми руками могу не только синяков понаставить, но и вовсе голову оторвать. Умею водить машину и мотоцикл тоже могу.

— Это где ж вы так... насобачились-то? — обалдело спросил Гришанков.

— Я воевать еще в ЧОНах начал. Сразу после Гражданской. Три года бандюгов гонял. На КВЖД служил, обходчиком. Сначала. Потом тоже пострелять пришлось, уже там. В финскую воевал. А ножом и руками меня на Колыме драться научили. Там такие спецы есть — закачаешься!

— Сидели там? — поинтересовался Демин.

— Работал. С геологами. А из них половина — из НКВД. Такие же геологи, как я пономарь! Но и они люди, причем вполне нормальные. Тоже кое-чему научился, они учителя хорошие, надо отдать должное.

Бойцы оторопело слушали мои речи. Не то чтобы это было совсем уж невероятно. В то время еще и не такие уникамы появлялись! Приходилось мне мемуары серьезных людей читать. Так в них такое писалось...

— В общем, кто хочет уметь то же самое — милости прошу. Научим. Кто не хочет — назад в часть. Время на подумать у вас есть. Через десять минут те, кто остается, подходят сюда. А сейчас... Встать! Смирно! Вольно, разойдись! Время пошло...

Спустя десять минут на полянке собрались все. Не ушел никто.

Лады... будем работать.

— Так... вижу, все вернулись? Желающих уйти не нашлось? Добре. Асанович!

— Я!

— Бери Гришанкова, и отправляйтесь к старшине Бодрову. Он выдаст вам трофейный фрицевский «МГ-34» и патроны к нему. Автомат немецкий он тоже выдаст, магазинов к нему прихвати. Это Гришанкову, он у тебя вторым номером будет. Свой «ДП» сдашь старшине, он нам более не потребуется. Знаком с немецким агрегатом?

— Более-менее. Стрелять приходилось.

Скромняга. Я его именно по этому признаку и зацепил. Подсмотрел,

как он этот сложный, в общем-то, пулемет по винтикам лихо раскидывает. Асанович как раз его устройство другим красноармейцам объяснял, а я сзади подошел, не видел он меня. Говорил Михаил немного и все по делу. Попусту языком не трепал. Там же я и Гришанкова приметил. Слушал он внимательно и ворон не считал.

— Демин!

— Я!

— По тому же маршруту. Старшина выдаст тебе кое-что из саперного хозяйства. Немного, но и то божий дар! Остальным немцы поделятся.

— А захотят?

— Это уж как попросим... Плиев!

— Здесь!

— Твоя задача — обеспечить всех ножами. На крайняк — штыками от «СВТ». Найдешь, где взять? Сам я тебе тут помощник неважный, многого не знаю. Если нужно что, спрашивай, попробуем вместе помозговать.

— Решим, командир. Найду я ножи.

Опа, уже командир! Аванс, так сказать...

— Шифрин!

— Слушаю, командир!

— Твоя задача не менее важная. Ходить-бродить нам придется много. И я очень не хотел бы, чтобы кто-нибудь из нас скопытился раньше времени от простой натертой ноги. Пока все тут, осмотри личный состав — кому и чего заменить из одежды надо? Список составь, потом к капитану сходим. Фляги всем надо, у меня в вещмешке две лежат — возьми. Только без фанатизма — там немецкий шнапс! Это наш НЗ будет, мало ли что. У медиков бинта возьми, йода чуток. Индпакетов — по одному на рыло.

— Дадут?

— С поклонами не вынесут, но напомнить, кому они всем этим обязаны, стоит.

— И кому же?

— Я им все это и приволок. Не один, конечно, но тоже руку приложил. Так что не должны они чрезмерными жлобами перед нами вытанцовывать.

— Понятно. Я уж им поясню про всю тягость подобного зазнайства...

— Вот и славно! Лацис!

— Я!

— Машины у нас нет. Пока. Есть мотоциклы, но нам они сейчас не очень нужны. Добудь-ка мне в обозе пару старых мешков и иголку с нитками..

— Где?

— Ты тут как давно?

— В части? Полгода. А конкретно тут — около месяца уже.

— А я всего дня три! Кто у кого спрашивать должен?

— Понял.

— Всем все ясно? Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Тогда — вперед! Выполнять приказание! Через два часа собираемся здесь. Я — к капитану.

Доложив командиру о своих действиях, я получил приказание утром быть готовым к выходу. Задачу он поставит завтра, сегодня у нас еще было некоторое время на подготовку.

Раз так, тянуть не стоило.

Распоров принесенные Лацисом мешки, мы все дружно стали обматывать мешковиной оружие и пришивать на одежду бесформенные лохмушки. Хохот стоял... Ровно до того момента, как я показал им разницу между маскировкой бойца в обычной форме и такого вот «лесовика». После чего Лацис приволок еще один мешок...

Словом, к отбою наша группа уже приобрела более-менее приличный вид. Можно было выходить в лес.

Капитан озадачил нас, как и обещал, поутру. Целью нашего поиска являлась дорога к югу от стоянки. Она связывала между собой относительно большую деревню и железнодорожную станцию, после чего вела к другим населенным пунктам. Движение по ней всегда было оживленным, и немецкая авиация частенько устраивала там налеты. Вот и приказал капитан посмотреть разбитые колонны на предмет поиска в них чего-нибудь полезного.

Отойдя от лагеря, я остановил группу.

— Значит, так, ребята, слушайте сюда! Задачу нашу разбирать сейчас не буду. По пути поговорим. Сейчас разговор о другом пойдет. Общий вопрос: как будем на марше себя вести, если на фрицев нарвемся?

— Бой примем, — пожал плечами Демин. — А что еще делать-то?

— Другие мнения есть? Нет? Хорошо. Даю вводную! Противник, силами до взвода движется вон оттуда. Нас пока увидеть не успели, так что секунд тридцать есть. Занимайте позиции!

Бойцы рассыпались по поляне и вытянулись в редкую цепь.

— Отставить! Становись!

Я прошелся перед шеренгой.

— То, что вы устав помните — это хорошо! Только в уставе ничего не сказано о том, как неполным отделением взвод отбивать.

Лацис приоткрыл было рот.

— Потом! Потом говорить будешь! Сейчас все слушают меня! Пулеметчики, к вам обоим вопрос: отчего позицию заняли именно на этом месте?

Асанович пожал плечами.

— Ну... обзор здесь неплохой.

— А пути отхода? По открытому месту? И далеко ты отсюда ушел бы? Ежели взвод по тебе разом врежет?

Тот озадаченно поскреб в затылке.

— Вон там ложиться надо было, — показал рукой Гришанков. — Бугор рядом, за него отойти можно.

— Отчего ж не лег?

— Так... Асанович же первый номер...

— Не до субординации, когда вопрос о собственной башке встает! Греха нет в том, чтобы командиру подсказать, хоть бы и мне. Вдруг, да не увидел он чего? Пару слов скажи, и всех делов! Ладно...

Добрых два часа бегали мы по этой поляне, пробуя различные варианты построения. Все-таки крепко вбили ребятам в голову пресловутую линейную тактику! И ведь были в то время в Боевом Уставе пехоты здравые мысли! Только не слишком много... А уж про действия мелкими группами — так и вовсе не слыхивал никто. До этой тактики еще только года через два додумаются.

— Стоп! Перекур! Двадцать минут, нет, полчаса.

Мы попадали на траву. Бойцы задымили самокрутками, папирос ни у кого не было. Не курили только трое — Шифрин, Асанович и Лацис.

— Вопросы есть?

Таковых набралось множество. Минут пять я терпеливо выслушивал их, потом поднял руку.

— Так, ребята, у нас тут не ликбез, и читать лекции я вам не стану. Времени у нас на это нет. Учиться будем на ходу, как уж время позволять будет. Для начала скажу вам следующее — так, как я вам показал, воюют части специального назначения. Осназ — приходилось кому слышать?

Шифрин кивнул.

— Вот потом сам про это другим и расскажешь. А пока запомните одно: немец — он тоже не о семи головах. Воевать они умеют, и неплохо. Но и у них слабые места есть. И вполне достаточно, чтобы навалить фрицу по полной. Ежели с умом да со смекалкой. Рассыпным строем, как я вам сейчас показывал, немец воевать не любит и не умеет. Им тоже важно товарища своего около себя видеть да локоть его чувствовать. Если, как в

нашем сейчас случае, со всех сторон пули на них полетят, так фрицы, скорее всего, отойдут. Ибо никто не поверит, что противник, численного превосходства не имеющий, пойдет в обход, чтобы окружить наступающего. Сами они так не поступят — устав не позволяет. И от нас такого ждать не будут. Ибо не считают нас умнее себя, да и тактика наша им известна.

— Командир, — приподнялся на локте Демин, — а отчего ж всех нас такому не обучают? Если лучше так воевать?

— Не мне этот вопрос задавать надо. Я не нарком обороны и не маршал. Просто... не каждый солдат так, наверное, сумеет. Тут очень многое переосмысливать нужно.

— А мы, стало быть, сумеем? Отчего же это?

— Тут секрета большого нету. Когда еще нас учили, запомнил я, как и по каким признакам наш командир бойцов отбирал. Он тоже, надо вам сказать, не всех подряд тренировать стал.

— И по каким же? — это уже Лацис голову повернул. — Мы ж тут все разные, из разных мест. Даже части у нас — и то у каждого своя. И специальности разные, я так и вовсе — шофер!

— А мне десяток стрелков, друг друга знающих давно, и не нужен. То, что у них чувство локтя есть — это хорошо! Но в данном случае недостаточно. А вот в вашем случае... тут каждый из вас другого дополнять будет. Что один не может — другой подскажет. Так вот, все разом, как... — я замялся, подбирая сравнение.

— Как в часах шестеренки, — подал голос Шифрин.

— Точно! Правильно сказал!

— В общем, предстоит нам еще бегать и бегать, — подытожил Плиев. — Как жеребцам на выезде...

— Ну, не совсем так... Но в целом — мысль твоя верная. Ибо лучше уж своими ногами побегать, нежели на руках товарищей до могилы пропутешествовать...

Закончив перекур, группа двинулась дальше. На ходу я продолжал давать парням различные вводные и пояснять при этом свои решения. Не скажу, чтобы все шло гладко, но все же... это было лучше, чем ничего.

Указанная капитаном цель находилась достаточно далеко от места расположения отряда. Достичь ее днем нам в любом случае не светило, оттого и устроил я тренировки с остановкой. Как еще там на месте будет, а хоть чуток поднатаскать бойцов было необходимо. Вот и занимались мы этим полезным делом на ходу. Эх, мне бы этих парней хотя бы на месяц!

Но вряд ли это выйдет. Судя по тем данным, которые мы все в отделе изучали, отправляясь на поиски, скоро немцы возьмутся за здешних обитателей всерьез. И ничего хорошего это не сулило.

К месту назначения мы вышли уже в темноте. Как только шедший впереди Демин подал сигнал, бойцы мгновенно рассыпались по лесу и заняли позиции. Уже неплохо! Павел хорошо знал лес и умело по нему ходил, вот и поставил я его в головной дозор. Лацис как самый неторопливый и обстоятельный замыкал наш тыл.

Вообще группа подобралась интересная. Я и выбирал бойцов так, чтобы ко мне попали не совсем еще зеленые, но и не надломленные поражениями последних дней солдаты. Чтобы и опыт какой-то присутствовал, и бравады ненужной не было бы. Лациса я выбрал оттого, что в группе нужен был второй водитель. За первого я и сам сойду, но второй тоже необходим. Плиев — осетин, горяч и порывист, а латыш более спокоен и рассудителен. Вот и поставлю я их в пару, чтобы один другого дополнял. Парни рослые и крепкие. А в качестве демпфера между ними поставлю Шифрина. Глазастый и внимательный, он будет им обоим хорошим дополнением. Этих можно для разведки и ближнего боя использовать. Плиев и Лацис как бойцы, Шифрин с автоматом — прикрывающий. Надо будет, кстати, при первом же удобном случае их всех автоматами вооружить.

Асанович, Гришанков и Демин составят вторую тройку. Так сказать, группу тяжелого вооружения. Пулемет, автомат и взрывчатка — хороший букет получается! Вот и поработают в качестве огневого обеспечения.

А я со снайперкой буду их всех прикрывать да командовать.

В принципе, не так уж и плохо получается.

Вот и сейчас, стоило только Демину подать сигнал, как пулеметчики тут же развернулись в боевой порядок, страхуя его с флангов. А тройка Плиева прикрыла тыл.

Осторожно, стараясь не шуметь, подползаю к Михаилу.

— Чего там?

— Дорога. Вроде бы шумит что-то... не разберу пока.

— Так. Сидите тут. Я тихонько вперед продвинусь, гляну краем глаза. Если влипну — отходите назад, примерно на километр. По нашим следам. Там меня и ждите.

— А вы?

— Я-то от любой погони оторвусь. Не знает немец здешнего леса, не ориентируется в нем. Так что не волнуйтесь — меня так запросто не съест!

Тихо ползу по кустам. Демин прав — кто-то на дороге есть. Я слышу голоса, сколько их?

Сейчас вечер, а немцы по ночам местным ездить и ходить не разрешают. Значит, кто это может быть? Либо фрицы, либо окруженцы. Но окруженцы по дороге не пойдут. Стало быть, немцы? Пока не факт...

Вот и дорога. Накренившись набок, стоит телега, одно колесо у нее соскочило. Авария? Похоже на то. На телеге вижу несколько обыкновенных армейских термосов. Надо полагать, еду везут.

А возница где?

Не вижу никого. Кто ж тогда говорил?

Вот он! Точнее — они. Из кустов выходят на дорогу два немца. Один с карабином в руках, второй тащит здоровенную жердь, надо думать, для ремонта. Ну да, им же чем-то надо телегу приподнимать, чтобы колесо на место поставить. Карабин у жерденосца за спиной, за ремень заткнул топор.

Ага, это интересно. Они везут еду — куда? Термосов три, что в них? И на сколько человек они рассчитаны? Если в них суп, второе и чай... человек на десять-двенадцать. Или больше? Черт, не помню я, какие там у фрицев рационы были. В том смысле — сколько можно человек из одного термоса накормить? Десяток точно можно. А если еще и обозников этих приплюсовать? Все равно не выходит, больше их должно быть. Стоп! Кто сказал, что термосы полные? Никто. А кто сказал, что нет?

Ладно, подумаем. Куда они едут? До деревни... верст десять. Больше тут жилья нет. Где может быть пост или что там еще, чтобы туда имело смысл возить еду таким образом? Где-то рядом. И это не постоянный гарнизон, иначе у них была бы своя кухня.

Солдаты, подойдя к телеге, начали ее разгружать. Правильно, а то поднимать ее будет трудно.

Смотри-ка!

Термосы немцы одной рукой сбрасывают, пустые они. Значит, едут обозники от поста. А куда лошадь смотрит? Налево, к деревне. Стало быть, пост... вон в той стороне. Достаточно далеко, чтобы солдаты не отправились туда за помощью. Как скоро эту парочку будут ждать в гарнизоне? Час-полтора, а то и два. Может, и больше. Лошадь все-таки не автомобиль. Потом забеспокоятся. Искать поедут? Черт знает что там решит их командир.

А у меня решение уже есть...

Подхватив с земли немаленький сучок, со всей дури луплю им немца с

карабином по башке! Он кулем оседает на землю около моих ног.

Первый.

Второй, как раз надевавший колесо на ось, так и остался в полусогнутом положении — мой штык недвусмысленно пощекотал его горло.

— Тихо, камрад! Шепотом говори, — шепчу я, вытаскивая у него из-за пояса топор. Его карабин лежит на телеге. — Понял меня?

— П-понял...

— Откуда едешь?

— Там, в двух километрах отсюда, отделение ефрейтора Бауэра. Они ремонтируют трофейную технику.

— Сколько их?

— Четырнадцать человек.

— Где живут?

— Там есть две палатки.

— Охрана?

— У дороги стоит часовой.

— Один?

— Да.

— Когда смена?

— Через... полтора часа. Мы только отъехали, когда он собирался на пост.

— Ты его знаешь?

— Да. Это Вилли Леммер, мы с ним земляки — оба из Вюрцбурга.

— Он знает твой голос?

— Да.

— Будешь разумно себя вести — есть шанс уцелеть. Понял меня?

— Да. Я все понял.

— Руки назад протяни.

Подхватив с телеги веревку, в два счета упаковываю обозника. Рот затыкаю его же пилоткой. Валю фрица на телегу.

Теперь к своим, где они там заныкались?

— Демин!

— Я, товарищ командир!

— Двигайте все к дороге, там у нас гости...

Высыпав на дорогу, бойцы окружили телегу.

— Пулеметчики! За дорогой глядим! Первый номер — направо, второй — налево. Лацис, Демин! Колесо укрепить, телегу развернуть в обратную сторону. Шифрин — инвентаризация трофеев! Немцадохлого осмотри, что

там у него есть? Документы, боезапас, оружие — все в телегу. Плиев — в ту сторону пробегись, метров на триста, послушай. Потом нас дожدهшься.

Так, вроде бы всех озадачил.

Мысль моя тем временем оформилась окончательно.

Ремонтники.

Те еще вояки, я их по прошлому разу помню.

Что они могут чинить?

Не грузовики, те проще отбуксировать в деревню. Телеги и прочее тоже отпадают.

Танки. Или танк. Его не уволочь буксиром, надо на месте чинить.

Четырнадцать человек... ПАРМ? Нет, там народу больше. Что они там могут ремонтировать? Не двигатель, его в поле не починить. Гусеницы? Так долго? Ладно, на месте разберусь.

Если есть техника, есть и вооружение, хотя бы пулеметы. Есть и БК к пушкам. К «сорокапяткам» или семьдесят шесть миллиметров — нам все подойдет. И те стволы есть, и эти.

Чем еще могут быть интересны нам ремонтники?

Собственным вооружением? Ну... в принципе, сойдет и оно. Продовольствия у них, скорее всего, нет. Если только НЗ. По-любому — это враг, которого надо давить! Да и разведать эту местность, не ликвидировав данную угрозу, мы не сможем.

Через пять минут отремонтированная телега была готова к выезду.

— Всем садиться! Кто лошадью править умеет?

— Я, — подал голос Шифрин.

— За вожжи! Немца на передок, ко мне поближе. Лацис, по-немецки говоришь?

— Понимаю, могу и немного говорить, но не очень хорошо.

— Я говорю, командир, — снова Шифрин. — Только не очень чисто, поймут, что не немец.

— Ладно, разберемся. Слава богу, что я тоже этот язык знаю. Правда, тоже... не как профессор, но сойдет для сельской местности...

Бойцы завозились, устраиваясь поудобнее. Игорь дернул вожжи, и наш транспорт покатило по дороге. Метров через четыреста мы подобрали Плиева.

По пути я кратко объяснил бойцам поставленную задачу.

— Все все поняли?

— Да, командир, все ясно.

Проехав около километра, я толкнул в бок пленного.

— Далеко еще?

— Вот оттуда уже видно будет палатки.

— От того поворота?

— Да.

Толкаю в бок Шифрина, и он останавливает телегу.

— Пулеметчики! Вон там, за поворотом, стоят немецкие палатки. Заходите со стороны леса. Ваша задача — чтоб никто туда не сбег! Если фрицы очухаются раньше и поднимут стрельбу — прижать их огнем и отвлечь на себя. Патронов не жалеть! Плиев!

— Я, командир.

— Со мной пойдешь. Лацис, страхуешь нас обоих. Чтоб никто со спины не зашел. Демин, обходишь палатки со стороны поля, там, где техника подбитая стоит. Гасишь фрицев гранатами, если будет надо. В сектор пулеметчиков не залезай, темно, того и гляди — свои зацепят. Шифрин, на тебе дорога, чтоб никто не прикатил незамеченным. Двинули! Мы здесь ждем полчаса и едем по дороге, пусть часовой нас окликнет. Там ему и карачун!

Ждем.

Трудно это — ждать на войне.

Как там парни, сумеют ли пройти тихо? Немец говорит, что часовой один. Но хрен его знает, как оно все там выйдет? А ну, как приспичит кому в лес отойти, отлить, например? И операции каюк. Ремонтники или пекари, но в полтора десятка стволов они нам врезать могут основательно...

Так, полчаса уже прошло. Интересно, добрались ребята до места? Ждать уже нельзя, скоро смена часовых, весь план переделывать не хочется.

Хлопаю по плечу Шифрина.

Он вздрагивает и судорожно дергает вожжи. Предбоевой мандраж? Похоже.

Лезу в вещмешок, лежащий на телеге, и достаю оттуда флягу со шнапсом. Протягиваю ему флягу.

— Глотни.

— Зачем?

— Обозники в лесу замерзли, вот и согрелись малость. А ну, как часовой дюже носастый окажется? А выпивку унюхает, так и успокоится. Не могут же диверсанты пьяными разъезжать?

Поверил он мне или нет, но пару глотков сделал. Передаю флягу Плиеву.

— Потом, командир. И одного человека хватит, чтобы от него пахло. Мне еще работать надо.

Молодец! Уважаю!

Прячу ее назад. Расстегиваю гимнастерку, так проще доставать пистолет. В прошлый-то раз я ее вовсе разорвал, пришлось искать новую. Хорошо, что у старшины запас есть, а то ходил бы я сейчас как босьяк. Винтовку кладу на телегу — ночь не самое лучшее время для снайперки. Как ни мимолетно это движение, но Плиев его замечает.

— Командир! Зачем винтовку положил? Как воевать будешь?

— Ножом. Да и пистолет у меня трофейный есть.

Он что-то ворчит себе под нос, слышу, как он роется в своем вещмешке. Через некоторое время мне в руку тычется какой-то предмет. Что это? Кобура. Открываю ее. «Наган», в кармашке сбоку нащупываю запасные патроны. Откидываю дверцу, барабан полон.

— А себе?

— Я плохо из такого стреляю. Нож привычнее, тем более что у меня еще один есть. Ты же сам говорил, что можешь из двух пистолетов стрелять.

— Могу. Спасибо, после боя верну.

Вешаю кобуру на ремень.

Вот и поворот, телега, скрипя колесами, бодрее покатила под уклон.

— Хальт!

Выдергиваю кляп изо рта пленного. Плиев тут же показывает ему штык. Немец судорожно кивает головой.

— Вилли, это ты?

— Кто там?

— Это Карл!

— Что это вы вдруг вернулись?

— Угодили колесом в выбоину, треснула ось. Надеюсь, у вас найдется, чем ее починить?

— Вечно у вас какие-то приключения! Давай правь к палаткам, сейчас разбудим Гофмана, он сможет тебе помочь. Учти, с вас пачка сигарет!

Телега уже подъехала совсем близко, и часового можно разглядеть. Он стоит в свободной позе, винтовка за спиной. Толкаю Шифрина, и он чуть доворачивает в сторону. Часовой, чтобы не попасть под телегу, делает шаг назад. И в это время лежащий ничком Плиев кошкой прыгает на немца. Сбивает того с ног, и два тела катятся по земле...

Прыгаю за ним следом, держа в руке штык. На телеге возня, Шифрин

бросил вожжи и запикивает пленному кляп.

Где эта «сладкая парочка»?

Вот они!

Огибаю телегу, держа штык наготове.

Плиев поднимается с земли.

— Все, командир. Этот готов, — шепчет он свистящим шепотом. В свете неяркой луны вижу, как блестят его глаза.

Хлопаю его по плечу и указываю в сторону палаток. Он кивает головой, и мы осторожно движемся в ту сторону.

Вот и первая палатка.

Они абсолютно одинаковые, и как угадать, сколько в какой из них фрицев?

Ощупываю вход.

Так, здесь не завязки, а деревянные цилиндрики, продетые в петли. Типа пуговиц, у нас такие тоже применяют. Осторожно расстегиваю их, засунув «наган» в кобуру. Штык-нож, как пират в кино, держу в зубах.

Все, вход свободен.

Перехватываю штык и показываю Плиеву на правую часть палатки. Он кивает мне в ответ и ныряет внутрь.

Вот и я в палатке.

Тут душно, пахнет потом и несвежими носками. Еще какой-то запах, сразу и не пойму, что это. Сено? Или еще что-то? Под ногами дерево — палатка имеет дощатый пол. А любят фрицы комфорт! Поди и на кроватях спят?

Нет, кроватей я не нахожу. Немцы навалили на пол сено, сверху застелив его брезентом. И вот уже на нем дрыхнут. Дрыхли...

— Ты как? — спрашиваю шепотом у осетина, когда мы выбираемся из палатки.

— Порядок... — он показывает мне три пальца.

И у меня фрицев было трое, да плюс часовой.

Уполовинили немцев, уже легче жить...

Вторая палатка, копия первой.

Повторяю ту же операцию с деревянными застежками.

Все, вход свободен.

Плиев протягивает руку к пологу, но тот вдруг резко откидывается в сторону.

Щелчок!

Яркий свет!

В проеме стоит немец с автоматом в руках...

На какое-то мгновение все замерло.

Плиев с протянутой рукой.

Солдат с автоматом.

Из-за его плеча выглядывает второй фриц, на его лице написано удивление. В руке он держит фонарь, луч которого освещает пригнувшегося к земле Михаила.

Мне показалось, что даже ночные птицы, лениво перекрикивающиеся в лесу, прекратили вдруг свои переговоры.

Все как будто заморозилось...

Внезапно все меняется.

Стоящий у входа немец вскидывает автомат, слышен лязг передергиваемого затвора.

Второй солдат громко кричит, и в палатке начинается возня.

Нож у Плиева в левой руке, второй в ножнах, я их хорошо вижу в свете фонаря.

До немца ему около полутора метров — не успеть...

Зато от меня всего полметра.

Резко бью его ногой в бок!

Издав сдавленный возглас, он улетает в темноту, а я падаю на левый бок, в падении выдергивая из кобуры «наган».

Очередь!

Меня обдаёт пылью и какими-то ошметками.

Второпях фриц стреляет туда, где он только что видел приготовившегося к прыжку советского солдата.

Только там уже никого нет...

«Наган» мой вскинут для выстрела, и только тут автоматчик начинает понимать, что что-то пошло не так... Он поворачивает голову в ту сторону, куда исчез Плиев.

Ках!

Немец дергается и что-то пытается крикнуть. Это с простреленным-то горлом? Силен мужик...

Перекатываюсь вправо.

Теперь еще стоящий на ногах автоматчик закрывает меня от света фонаря и, соответственно, от взглядов оставшихся немцев.

Только теперь фриц, наконец, начинает оседать на землю, открывая стоящего за ним солдата.

Ках!

Ках!

Ках!

Тот роняет фонарь и падает на землю. Неудивительно, я стрелял ему как раз по плечам. Надо полагать — попал.

Пользуясь секундной передышкой, лезу за пистолетом. Для этого перекидываю «наган» в левую руку. Пистолетная-то кобура у меня висит под левой подмышкой, и этой рукой пистолет не достать.

Вот теперь у меня уже два ствола, можно воевать.

Под боком попадается какая-то деревяшка...

Зажимаю «наган» подбородком и, подхватив деревяшку с земли, с размаху закидываю ее в палатку.

— Гранатен!

Нате вам, голубчики!

В палатке начинается бедлам...

Топот ног — и на меня вылетает полуодетый фриц. Тем не менее оружие у него есть, в руках он крепко сжимает карабин. За ним второй солдат, третий.

Не поднимаясь с земли, стреляю сразу из двух стволов.

Первый немец успевает сделать еще пару шагов и кулем оседает на землю. Второй, споткнувшись о его тело, ныряет вперед и, уже в падении, получает от меня пулю.

Третий мешком оседает в проеме входа.

Все? Не может быть! Должно быть еще как минимум два человека.

За палаткой слышен хрип, возня.

Перекатываюсь вправо и вскакиваю на ноги.

Там же Михаил!

Немцы, скорее всего, выскочили через второй вход! Или просто под край палатки поднырнули...

— Командир?

— Плиев?

— Я, командир!

— Там фрицы!

— Были... двое...

— Цел?

— Все в порядке, командир. Только бок болит — здорово ты меня ногой саданул!

— Раз болит, значит, есть!

— И на том спасибо...

— Там где-то фонарь фрицевский лежит, подбери его и посмотри, что там у них в палатке происходит. Может, еще кто заныкался? Только

осторожнее, вон у немца автомат возьми. Я тебя подстрахую, мало ли что...

Подобрав фонарь и оружие, он осматривает палатку. Никого, надо полагать, все немцы кончились.

Забираю фонарь и, выйдя на улицу, описываю им три круга в воздухе. Условный сигнал, теперь все остальные скоро подойдут сюда. Захожу назад в палатку. Тут уже горит керосиновая лампа. Более-менее светло. Сажусь к столику, стоящему в глубине палатки, и перезаряжаю оружие. «Наган» пуст, в пистолете осталось два патрона. Хреновато... у меня теперь всего одна обойма к нему осталась.

— Держи! — протягиваю Плиеву кобуру с «наганом». — Вовремя ты его мне дал, видишь — пригодился!

— Спасибо, командир! — подходит он ко мне. — Я теперь твой должник!

— С чего бы это?

Вместо ответа он поднимает ногу. Не сразу понимаю что к чему и только спустя пару секунд вижу, что каблук на сапоге начисто сорван. Пулей, что ли? Так вот, какие ошметки летели в разные стороны!

— Ну, ты и везунчик! Фриц-то, считай, почти полмагазина высадил!

— Это не я везунчик! Если бы ты меня не толкнул...

— Ладно! Сегодня я, завтра ты... Потом еще кто-нибудь руку вовремя протянет. Так и выживем все вместе.

Он вешает кобуру с «наганом» себе на ремень, убедился, значит, что надо его под рукой иметь?

Пока не подошли остальные, осматриваю наскоро палатку. Так, что тут есть интересного?

Ремень с пистолетной кобурой. Супер! Что в кобуре? «Парабеллум». Ну... в принципе сойдет. Вешаю кобуру себе на ремень. По-русски, на правый бок. Теперь у меня оба ствола под правую руку приспособлены. Ну, если учесть, что в «маузере» всего одна обойма, то и оставим его на крайний случай. Наклоняюсь к автоматчику и выщелкиваю из запасного магазина с десяток патронов. Вот, теперь у меня и для «парабеллума» запас имеется.

Еще тут что?

Автомат. На спинке стула висит. Этот я командованию не отдам, и у меня есть, кого им вооружить.

Деревянный ящик. С патронами? Точно, теперь и у пулеметчиков запас есть чем пополнить.

Дальше осмотреть все не успеваю, на улице слышен топот ног.

На всякий случай беру автомат на изготовку.

Слышу, как бегущих окликают Михаил, и уже через десяток секунд в палатку вваливаются все остальные бойцы. Нет только Шифрина. Все верно, его с поста никто не снимал.

— Ну, ни хрена ж себе... — ошарашенно качает головой Асанович. — Вот это побоище тут у вас...

— Разрешите, герр лейтенант? — В приоткрывшуюся дверь заглянул дежурный по лагерю.

— Да, Гашке, входите. Что там у вас?

— Доставили этого русского, который просился к вам на допрос.

— Давайте его, у меня не так много времени, еще предстоит работа с документами.

— Яволь!

В комнату вступил человек в советской военной форме. Ремень у него отсутствовал, и гимнастерка болталась бесформенным балахоном. В руках он комкал снятую с головы пилотку. Сделав пару шагов, вошедший остановился и робко улыбнулся.

— У вас есть причины для веселья? — резко, по-русски, спросил его лейтенант. — Поделитесь ими со мной, может быть, порадуетесь вместе?

— Никак нет, господин офицер! То есть да, конечно, я очень рад, что вы нашли время... чтобы меня выслушать... это очень важно!

— Для кого?

— Что?

— Для кого это важно?

— Э-э-э... для великой Германии, господин офицер!

— Настолько важно, что вы решились оторвать меня от неотложных дел? Вы понимаете, что мое время стоит очень дорого?

— Конечно, господин офицер! Все понимаю! Поверьте, если бы не большая срочность данного вопроса, я не осмелился бы отвлекать вас от вашей, несомненно, очень серьезной и ответственной работы... э-э-э... виноват, от службы...

Лейтенант поднял со стола картонную папку.

— Итак... Будрайтис Янис Арнольдович, тысяча девятьсот двадцатого года рождения, призван в армию из Каунаса, боец... ну, это неинтересно... взят в плен...

— Извините, господин офицер!

— Что такое?!

— Меня не брали в плен! Я сам сдался и даже принес с собой свое оружие!

— Немыслимое приобретение для германской армии! — Лейтенант скептически оглядел своего собеседника. — Да этого добра у нас и так достаточно! Как давно вы попали в окружение?

— Более месяца, господин офицер!

— Германская армия давно уже ушла вперед. От фронта вас отделяют десятки километров. Связи с командованием у окруженных войск нет. Что же такого важного может там происходить? Настолько важного, что вы решились меня побеспокоить? Все мелкие вопросы вы могли задать дежурному.

— Это не мелкий вопрос! Данные сведения могут иметь важное значение!

— Да? Ладно. — Лейтенант откинулся на спинку стула. — Рассказывайте...

— Когда я попал в окружение, то сразу же хотел перейти на вашу сторону.

— Чего же вы медлили?

— За нами постоянно следили командиры и комиссары. Никому не разрешалось уходить куда-либо в одиночку, только группами. И то только в том случае, если в группе был хотя бы один коммунист или комсомолец! Да и, кроме того, господин офицер, не хотелось уходить с пустыми руками.

— Поясните.

— Ну... в том смысле, что я хотел доставить германской армии что-нибудь нужное и полезное!

— Вашу винтовку? При обыске у вас нашли крупную сумму советских денег, где вы их взяли?

— Э-э-э... ну... при отступлении снаряд попал в повозку. Там везли документы, бумаги всякие... деньги тоже были. Вот я их и подобрал. Не пропадать же добру?

— Возможно. Почему вы решили перейти на нашу сторону?

— У меня нет причин любить советскую власть! Мы жили в свободной стране. И жили хорошо! У моего отца была мельница, земля, наша семья жила счастливо и в достатке. Но после прихода большевиков, виноват, коммунистов... — пленный развел руками, — все поменялось. Мы вдруг стали экспл... эксплуататорами.

— Эксплуататорами.

— Да-да, конечно, господин офицер! Именно так! Мне не за что их любить! Это не моя власть и не моя армия!

— Ну, хорошо, с этим разобрались. Что дальше?

— Когда я решил уйти к вам, то стал искать, чем же я могу быть

полезен доблестной германской армии?

— Нашли?

— Да, нашел. К нам в отряд прибыл лейтенант. Он был из интендантского управления. По приказу командира нашего отряда, капитана Кондратьева, для него стали отбирать бойцов.

— Зачем?

— Где-то в этих лесах есть тайный склад. Оружие, боеприпасы, продовольствие.

— Где?

— Неизвестно. Он заложен еще до войны. И делало это не армейское командование, а НКВД. Поэтому о нем никто из наших начальников и не знал.

— А лейтенант?

— Он знал. Потому что служил тут раньше и подвозил туда снаряжение. Но и он сам не знал его точного местонахождения, только приблизительно мог на карте участок местности показать. Вот я и решил, что такие сведения могут принести пользу германской армии.

Лейтенант заинтересованно поднял бровь.

— Гашке!

Стукнула дверь, и в комнату вскочил дежурный.

— Слушаю, герр лейтенант!

— Ройзмана сюда! Со всеми его принадлежностями.

— Яволь!

Через пару минут в дверь постучали.

— Да!

В комнату вошел сутуловатый ефрейтор в очках. В руках он держал толстую папку с бумагами.

— Вызывали, герр лейтенант?

— Да, ефрейтор. Вы ведь неплохо знаете русский язык?

— Так точно, герр лейтенант!

— Садитесь вон туда, за стол, — лейтенант указал налево. Там стоял небольшой столик. — Будете записывать все, что станет говорить этот пленный.

— Слушаюсь, герр лейтенант.

Он торопливо уселся за столик, развязал завязки на папке и вытащил из нее несколько листов бумаги. Разложил их на столе и достал пару карандашей.

— Я готов, герр лейтенант!

— Итак, — повернулся тот к пленному, — что вам известно о тайном

складе русских?

— Нам сказали, что это склад вооружения и военного имущества. Мне удалось подслушать разговор лейтенанта и капитана Кондратьева.

— Каким образом?

— Ну... я случайно оказался у окошка землянки, когда они там разговаривали.

— Случайно?

— Не совсем...

— Так. Продолжайте. О чем говорили ваши командиры?

— Лейтенант сказал, что это склад НКВД. На случай войны, чтобы снабжать из него подпольщиков и диверсантов. Он тогда служил срочную службу и сопровождал колонны с грузом.

— Как фамилия лейтенанта?

— Игнатченко. Лейтенант Игнатченко Игорь Петрович.

— Где он сейчас?

— Погиб. Его убили, когда нас обнаружил немецкий патруль.

— Как это произошло?

— Мы переходили поле, когда ваши солдаты появились на опушке. Лейтенант приказал всем залечь и не двигаться. Тогда я толкнул ногой куст. Он покачнулся, и это увидели патрульные солдаты. Они направились в нашу сторону. Тогда лейтенант стал стрелять и приказал остальным сделать то же самое.

— Вы выполнили его приказ?

— Нет, ведь я уже твердо решил сдаться! Конечно, я не стрелял!

— И что было дальше?

— Лейтенанта застрелили почти сразу. Оставалось еще трое бойцов. Они стали убегать к лесу. Я не побежал с ними, а остался на месте. Из них никому не удалось убежать, ваши солдаты очень хорошо стреляют! Поэтому и я никуда не двигался, а когда они подошли ближе, поднял руки.

— Среди взявших вас в плен солдат были потери?

— Да. У них тоже были убитые и раненые, поэтому они очень сердились на меня и даже несколько раз ударили. Но я не в претензии! Разумеется, у них были причины для этого. Ведь я же не сумел уговорить остальных бойцов поднять руки!

— Вы это пробовали?

— Да. Я им кричал и показывал руками, чтобы они бросили оружие.

— Кто-нибудь может это подтвердить?

— Не знаю... Может быть, кто-то из солдат это видел?

— Ладно, об этом мы поговорим после. Расскажите, что вам известно

про склад.

— Почти ничего. Знаю только, что он расположен в лесу. Как рассказал лейтенант, они привозили груз на машинах и разгружали его на какой-то поляне. Потом из леса приходили люди. После чего бойцы, привозившие груз, уезжали. Что было дальше, он не знал. Видимо, груз уносили куда-то в лес.

— Как много его привозили за один раз? И что было в машинах?

— Колонна состояла из десяти машин. Содержимое груза — ящики. Как те, в которых возят оружие и боеприпасы. Были еще бочки и какие-то тюки из плотной материи. Лейтенант сказал, что таких колонн он сопровождал около двух десятков. Вполне возможно, что были и еще машины. Дорога эта хорошо укатана, видно было, что по ней часто ездили.

— Почему он решил, что это склад НКВД?

— Он узнал одного из людей, которые принимали груз в лесу. Уже позже лейтенант видел его в городе. Тот был в форме НКВД и входил в здание, в котором располагался Особый отдел.

— Вы можете показать на карте место, куда вы направлялись?

— Нет. Я не умею этого делать. Могу только рассказать.

— Там есть какие-то приметы или что-либо особенное, по чему данное место можно найти? Река или какой-то холм?

— Не знаю. Лейтенант мне не говорил.

— Хорошо, у вас будет возможность продиктовать ефрейтору свои пояснения по этому поводу.

— Да-да! Я все подробно объясню!

— Это все, что вы можете нам рассказать?

— Есть еще кое-что, господин офицер, что вам необходимо знать.

— Что именно?

— Когда капитан и Игнатченко разговаривали в землянке, то Кондратьев сказал, мол, если все это найдем, то долго здесь можно прожить. А лейтенант ему ответил так: прожить, говорит, можно, да не всем. Тот и спрашивает лейтенанта — почему? Игнатченко говорит, что это задание он получил от Особого отдела. Склад надо разыскать, чтобы снарядить группу прорыва. В обычной ситуации, при таких недостаточных данных, никто и не стал бы искать склад. Понятное дело — его хорошо спрятали! Но сейчас особистам нужно сформировать группу из хорошо вооруженных бойцов, чтобы те прорвались через линию фронта.

— Почему группу? Почему не всех солдат, что сидят в лесу? Ведь там их много! Кстати, вы не знаете — сколько именно?

— В нашем отряде около трехсот человек. Могу рассказать, как туда

пройти. Там не все хорошие солдаты, есть много тыловиков. Даже пекарня есть!

— Расскажите еще... Про особистов, я правильно говорю?

— Да-да, господин офицер, именно так!

— Да, вот про них расскажите. Кто это?

— Особый отдел дивизии. Они не с нами стоят. Где-то в лесу. Там есть еще солдаты. От них к нашему отряду приходили посыльные. Я так понял, господин офицер, что у Особого отдела есть что-то очень важное. И они во что бы то ни стало хотят доставить это за линию фронта.

— И что это может быть?

— Не знаю. Лейтенант тоже не знал. Но он сказал, что группа не должна быть большой. Около сорока человек охраны и сами сотрудники Особого отдела.

— У вас что же, даже на такое количество людей оружия не хватает?

— Оружие в принципе есть. Только мало патронов и почти совсем нет продовольствия. По дороге к фронту надо будет его где-то искать. Значит, надо будет заходить в деревни. А это могут увидеть ваши солдаты. Кроме того, сказал лейтенант, маленькая группа легче перейдет фронт. А большой отряд туда просто не дойдет...

Лейтенант перечитал документ и поднял глаза на Ройзмана.

— На всякий случай, ефрейтор, напечатайте еще пару копий этих показаний. Мало ли... вдруг эта тема кому-то покажется более интересной, чем мы сейчас думаем. И распорядитесь, чтобы этого русского посадили в отдельное помещение.

— Будрайтис не русский, герр лейтенант, он литовец.

— Ну и что? Можно подумать, есть какая-то существенная разница? Все они одинаковы...

Телефонный разговор.

— У аппарата унтер-офицер Варнике, слушаю вас.

— Это лейтенант Раушенбах. Мне нужен гауптман Кранц.

— Одну минуту, герр лейтенант, сейчас я вас соединю!

— Кранц слушает!

— Хайль Гитлер, герр гауптман!

— Хайль Гитлер, лейтенант. Что там у вас такого срочного?

— Разбираясь с показаниями пленных и перебежчиков, я натолкнулся на один любопытный факт, герр гауптман. Оказывается, у нас в тылу имеется крупный склад русских, предназначенный для снабжения их диверсантов.

— Вот как? Интересно... и где же он?

— Пленный, сообщивший об этом факте, может указать только приблизительное его местоположение.

— Ну, лейтенант, с такими сведениями... мы можем искать его до второго пришествия. У нас сейчас есть задачи и поважнее этой. У вас все?

— Нет, герр гауптман. Есть еще кое-что любопытное. Этот склад ищем не только мы, его также разыскивают и русские.

— Вот как раз это вполне естественно, им-то он и нужен в первую очередь.

— Его разыскивает Особый отдел одной из дивизий, которые остались в окружении. Для того чтобы организовать группу прорыва. Эта группа должна вынести через линию фронта нечто, имеющее для русских очень серьезное значение. Попутно с ней должен выйти туда же и собственно весь их Особый отдел.

— Численность группы известна?

— Около сорока человек только охраны. Ну и сами сотрудники Особого отдела.

— Что ж такого они собрались выносить? Сейфы с документацией?

— Этого я не знаю, герр гауптман.

— Хм... Вот что, лейтенант, пришлите-ка мне показания этого вашего русского. Он сам в состоянии говорить?

— О да, герр гауптман! Более того, он весьма охотно рассказывает все, что знает.

— Вот и хорошо. Давайте и его тоже. У нас будут к нему вопросы...

Еще до рассвета мы успели облазить место расположения немецкой ремгруппы. Усилия ремонтников были направлены на то, чтобы хоть каким-то образом привести в порядок несколько подбитых танков.

Таковых отыскалось здесь четыре штуки. Вполне исправный и даже на ходу «Т-26». Судя по следам, его отремонтировали незадолго перед нашим появлением, даже двигатель остыть не успел. Помимо него, здесь присутствовали еще два немецких танка «Т-3» и наш «КВ-1». У них были разнесены опорные катки и порваны в клочья гусеницы. А у «КВ» так еще и заднее левое ведущее колесо было разбито на мелкие кусочки. Понятно, отчего их не утащили буксиром — не на брюхе же танк по земле волочить? Надо полагать, драка тут была нешуточная. Мы обнаружили несколько мест, вокруг которых земля была вся обуглена. В парочке таких кострищ стояли изуродованные взрывами боезапаса остовы немецких танков. Снарядов и патронов в ремонтируемых немецких машинах не было,

поэтому мы выворотили из них только пулеметы. А вот в наших кое-что еще осталось. Озадачив Демина вопросом минирования танков, я распорядился грузить на телегу остатки боекомплекта из «КВ». Туда же свалили и оружие ремонтников. Хозяйственный Шифрин подкинул мне идею о реквизировании еще и палаток. За что тут же и поплатился — пришлось ему брать одного бойца и заниматься этим делом. А что? Сам придумал — сам и выполняй! Еще и с тебя же спрошу, ежели плохо сделаешь! Правда, и мне рассиживаться не пришлось. Пока обшарили палатки, пока из «КВ» боезапас сгрузили... уже и светать начало. Пришлось Гришанкову с пулеметом вылезти на дорогу и бдительно смотреть во все стороны. А ведь еще один танк остался! Жаба внутри меня жутко возмущалась самой мыслью о том, что и его тоже придется подорвать. А что делать? Хотя...

— Лацис!

— Я, командир!

— Танк водить можешь?

— Не пробовал. Может, и смогу.

Так. Это что же — опять мне за рычаги лезть? «Т-34» и «Т-26» все же меньше друг от друга отличаются, чем «Т-34» и немецкий «Т-3». А этот танк я водил. И из пушки стрелял. Даже попал пару раз.

— Вот что, Лацис, «Т-26» пока не разгружаем. Что там в нем есть?

— Пушка. Два пулемета.

— Снаряды, патроны?

— Снарядов одиннадцать штук. Два бронебойных. Патронов... я не считал, но несколько снаряженных дисков к пулеметам видел, они в палатке лежали. Мы их со всем прочим добром в телегу положили.

— Отнеси их в танк и скажи Асановичу, чтобы оба пулемета зарядил. Что там с трофеями — все уже погрузили?

— Немного осталось. Колья для палаток, мелочовка всякая.

— Бросайте все на фиг и уходите! Сколько сможете, на телеге, потом ее в лесу спрятать, одного человека в охрану — остальным в лагерь! Пусть высылают бойцов для переноски всего этого добра.

— Мы и на телеге туда проедем, дорога же есть.

— Ну, ежели так быстрее будет, то давай. Подожди! Танк в лагерь проедет?

Латыш скептически поглядел на него.

— Должен... наверное, проедет. Это же танк все-таки...

— Хм, должен! Ладно, рискнем.

Отправив в лагерь телегу, еще раз пробегаюсь по заминированным

танкам. Взрывчатку на это дело потратили всю и даже добавили несколько снарядов из боезапаса «КВ». Жаль его, но что мы можем тут поделать? Отремонтировать? Немцы, даже располагая для этого всеми возможностями, и то не смогли. А уж нам-то... да еще и под угрозой появления новых фрицев? Нет уж, тут я ничего поделать не могу...

Хотел с него горячее слить, но тут уже фрицы раньше постарались. А жаль! Не помешала бы нам и солярка. Пара бочек с бензином стояла недалеко от палаток. Быстро перелив полбочки в баки «Т-26», мы навьючили остальные ему на корму. Боя впереди не предвиделось, так что можно было не комплексовать на этот счет.

Осторожно проверяю ловушки. Мы заминировали натяжными взрывателями, которые предусмотрительно захватил с собою Демин, башенные люки уцелевших танков. Прочие постарались заклинить изнутри. Детонирующим шнуром соединили между собою все заряды. Так что, в какой бы танк фрицы ни полезли — мало не будет! Смотрю, следов вроде бы не осталось... Детонирующий шнур упрятан в густой траве так, чтобы его никто случайно не задел. Благо что все танки стоят рядом — немцы притащили свои машины поближе к «КВ», недалеко от которого и поставили свои палатки. Не представляю, как бы мы прокладывали детонирующий шнур метров даже и на пятьдесят — у нас его просто не было так много.

Еще раз оглядываю все внимательным взглядом. Труп часового стоит, подпертый жердью, около одного из танков. Даже винтовку мы ему оставили. С дороги и не разглядеть, живой он или нет. Будем надеяться, что ни у кого не возникнет желания проверять лагерь ремонтников раньше времени. А мы успеем к этому моменту исчезнуть в лесах...

Оглядываюсь на свой танк. Гришанков нетерпеливо переминается с ноги на ногу. Волнуется? Ну да, все остальные уже больше чем полчаса как уехали и скоро уже должны свернуть с дороги в лес. Пора и нам, неча тут больше делать. Дорогу Гришанков знает, так что сажаю его в башню, пусть показывает. Заодно и к пулемету поближе будет. Показываю ему, как поворачивать башню и стрелять из спаренного пулемета. На всякий случай загоняю в казенник пушки снаряд. Вероятность встретить тут танк ничтожна, поэтому заряжаю орудие осколочным.

Пока возился, успел даже согреться слегка. Холодовато уже по ночам... Бойцы вон в шинелях ходят, а у меня ее нет. Ввиду этого с чистой совестью прихватизирую немецкий танковый комбинезон. Может, и не танковый, но удобный и теплый. Самое то, в нем получше, чем в шинели. Не так сковывает движения. Да и не люблю я шинель. Как-то вот не

привык..

Ладно, пора.

Лезу за рычаги.

Танк завелся сразу, выплюнув из выхлопных труб облако черного дыма. Легкий ветерок потащил его вперед, на секунду закрыв мне обзор.

С непривычки я рванул вперед слишком резко, и движок заглох. Снова заводжусь и выжидаю пару минут — пусть двигатель прогреется.

Так, теперь плавненько... Плавненько не вышло, танкист из меня неважный. Слышу, как наверху матерится Гришанков, видать, приложился при рывке. Спрашиваю в шлемофон: «Как ты там?»

— Нормально...

— Не сильно приложился?

— Терпимо.

— Ты уж извини, я танкист никакой!

Он что-то ворчит, но я уже сосредоточенно смотрю на дорогу и пропускаю его слова мимо ушей.

Худо ли бедно ли, но несколько километров мы проскочили достаточно быстро. Я уже начал прикидывать, что делать, когда догоню телегу. Может, перегрузить с нее часть трофеев? Быстрее лошадь пойдет.

Накаркал...

Говорили же мне умные люди — загад не бывает богат! Неча раньше времени шкуру неубитого медведя делить!

На крутом повороте я, видимо, слишком уж резко повернул, вот и слетела у танка гусеница. А может, это ремонтники ее так хреново натянули? Да не должны вроде бы... Немцы все-таки... Аккуратисты.

Поминая вслух царя небесного и всю его рать, вылезая на улицу.

Лязгает башенным люком Гришанков.

Нет, немцы тут ни при чем.

Сломался палец, и трак рассыпался.

Вот же мать твою!

Как этот ремонт делают настоящие танкисты, я видел. Именно поэтому оценивал свои шансы на успех как весьма незначительные.

На вопросительный взгляд пулеметчика кратко поясняю ему ситуацию. И все вытекающие из этого наши действия.

Ладно, делать нечего — беремся.

Нет, все отпущенное нам на сегодня везение мы, похоже, исчерпали. Спустил почти час после начала ремонта — воз и ныне там. Уже выглянуло солнце, и нам стало тепло. Даже жарко.

Палец мы отыскиали. И не один. Нашлась также и кувалда, и все прочее, потребное для ремонта. Но вот натянуть гусеницу вдвоем... как мы ни пыжились, так и не сумели.

Бли-и-и-н!

Обидно-то как!

Швыряю на землю кувалду. Танк придется бросить, из нас еще те ремонтники.

— Ладно, Олег, лезь за пулеметом и прочим добром. Собираемся в темпе и уходим отсюда.

Он сокрушенно кивает мне и лезет в люк. Слышу, как он там чем-то позвякивает.

Он?

Чем это?

У Олега ведь не десять рук? Или позвякивает что-то еще?

Резко оборачиваюсь назад...

По дороге походным шагом движется колонна немецких солдат...

Это позвякивает и шуршит их амуниция.

«...Вот тут, незаметно, под самый конец, на тоненьких ножках подкрался песец...»

Почему-то именно это полузабытое уже выражение профессора Марченко сейчас всплыло в моей голове.

Немцы идут со стороны деревни, куда вчера ехали обозники. Лагерь ремонтников они не проходили. Надо полагать, и про исчезновение термосоперевозчиков они еще не знают. Иначе не были бы столь спокойны, вон даже боевого охранения у них нет.

Мне от этого, впрочем, ничуть не легче.

Башня смотрит в сторону леса, пока еще Гришанков ее повернет... А на корме танка приторочены две бочки с бензином... и до немцев метров пятьдесят. Не успеть. Даже если он и свалит несколько человек, пусть и десяток-другой, оставшиеся фрицы все равно смогут быстро развернуться и забросают танк гранатами. Это не «КВ», с тем пехоте пришлось бы возиться долго. Да и солдат тут человек шестьдесят. Не менее двух взводов.

В лес рвануть? С двумя пистолетами против такой оравы немцев? Самоубийство. Догонят, зажмут — и каюк. А Гришанков? Из танка вылезти он уже не успеет, а отбиваться в нем долго... об этом я уже думал.

Наклоняюсь к люку.

— Олег! Фрицы! Много! Сиди тихо и даже не дыши! Не вздумай стрелять — сожгут моментом, у нас на корме триста литров бензина.

Сгорим, как свечи.

— Понял, командир, — глухо прозвучало из глубины танка. — Но уж если сюда полезут — взорву все к чертовой матери! У меня граната есть, Демин дал.

— Полезут — рви! Все — теперь молчок!

Вытаскиваю из люка ветошь и обтираю ей грязные руки. Бросаю ее на край люка, теперь, чтобы заглянуть в танк, надо будет отодвинуть в сторону эту пропахшую бензином и выпачканную маслом кучу тряпок. Будем надеяться, что пачкать руки фрицы не захотят.

Немцы уже близко. Чуть сбоку колонны шагает офицер. Вот с ним и поговорим...

Делаю несколько шагов и спохватываюсь, на мне нет пилотки, да и шлем остался в танке. Я его снял, когда мы с Гришанковым возились с гусеницей.

Какая там у немцев строевая стойка в таком случае?

— Что у вас произошло? — сухо спрашивает обер-лейтенант.

Все правильно. На мне немецкий комбинезон, на ремне кобура с «парабеллумом», хорошо, что я успел передвинуть ее на немецкий манер. Правда, сапоги русские, но штанины комбинезона у меня поверх сапог, так что это не очень-то и видно. Вот офицер и принимает меня за своего.

— Ефрейтор Густлов, герр обер-лейтенант! — выпаливаю одним духом, вытягиваясь и прижимая ладони к бедрам. Так, по-моему, в кино немцы делали?

Офицер воспринимает это как должное.

Уже хорошо, стало быть, не лоханулся я со строевой стойкой.

— Что случилось, ефрейтор?

— Перегоняю трофейную технику для дальнейшего восстановления в ремонтно-восстановительный батальон, герр обер-лейтенант! Сломался палец трака, поэтому танк не может двигаться дальше.

— Откуда вы здесь, ефрейтор?

— Осмелюсь доложить, герр обер-лейтенант, несколькими километрами далее наша группа производит инвентаризацию и мелкий ремонт подбитых машин. Там остались еще три танка. Два наших и один тяжелый танк противника. Эти машины пока не готовы к транспортировке. А вот этот танк нам удалось отремонтировать. По крайней мере он может... мог самостоятельно передвигаться.

— Почему вы один, ефрейтор?

— Какой русский в здравом уме полезет на танк, герр обер-лейтенант? Да и ехать мне оставалось всего десять километров. Кто мог предполагать,

что русские делают пальцы для траков такими хрупкими?

— Русские, ефрейтор, бывают всякие... Могут и на танк полезть. Неразумно это, ехать, пусть даже и на танке, в одиночку.

— Виноват, герр обер-лейтенант!

— Ладно... — машет он рукой. — Мы можем вам чем-то помочь?

— Буду вам крайне признателен, герр обер-лейтенант! Если ваши солдаты помогут мне натянуть гусеницу, то я ни секунды не задержусь в этом проклятом лесу! Трех-четырех человек для этого вполне было бы достаточно.

Офицер поворачивается к остановившимся солдатам.

— Леман! Со своим отделением — на помощь ефрейтору! Остальным — десять минут отдыха.

Десяток фрицев отделяются от колонны и подходят ко мне. Впереди здоровенный ефрейтор.

— Что, приятель, подвела тебя трофейная большевистская техника? — ухмыляется он.

— Как видишь... — киваю я на гусеницу. — Как только они сами на них ездить могут?

— Ладно! — покровительственно похлопывает меня по плечу немец. — Нехорошо оставлять в беде товарища, ведь так?

И здесь магарыч требуется? Не вопрос...

— Разумеется! — согласно киваю головой. — У меня там, в танке, есть сигареты... не люблю оставаться в долгу...

Распределив солдат по местам, команду. Со второй попытки палец встает на место, и вскоре танк готов к передвижению. Лезу в люк и нашариваю трофейное курево. Хорошо, что не все на телегу свалили. Вдвойне хорошо, что солдаты вытирают руки и никто особенно не смотрит в мою сторону. Вот и славно, не разглядят, что на мне сапоги не немецкие. Заодно, пользуясь случаем, завожу двигатель. Пусть прогреется, хуже не будет.

— Вот, камрад, держи! — протягиваю Леману сигареты. — Хоть мы и сидим в лесу, но и у нас бывают маленькие радости.

— «Юно»? — разглядывает пачки фриц. — Хорошо живете!

Смущенно улыбаюсь и развожу руками.

Согнав с лица улыбку, подхожу к офицеру.

Он поднимает глаза от карты.

— Ну что, ефрейтор? Ваши проблемы устранены?

— Яволь, герр обер-лейтенант! Танк готов к передвижению!

— Постарайтесь впредь не попадать в подобные ситуации. Не всегда

рядом могут оказаться друзья, вы меня понимаете?

— Да, герр обер-лейтенант! Я немедленно по прибытии в часть доложу обер-лейтенанту Грефу о данном случае. Надеюсь, в будущем трофейную технику уже будет перегонять полностью укомплектованный экипаж.

Щелкаю каблуками и вытягиваюсь по стойке смирно.

Офицер козыряет мне и, повернувшись к солдатам, отдает команду.

Они быстро выстраиваются в колонну, и вскоре только звук шагов напоминает об их присутствии здесь.

Не чувствуя под собой ног, залезаю в танк.

Усевшись на место, некоторое время пребываю в оцепенении. Пронесло...

— Командир!

А... это Гришанков...

— Олег? Как ты там?

— Честно говоря, страху натерпелся... до сих пор озноб по коже.

— У меня тоже. Посмотри там, в моем вещмешке должна фляга лежать. В ней шнапс трофейный. Давай ее сюда, да и сам тоже глотни, не помешает...

— Разрешите войти, герр гауптман? — В приоткрывшейся двери появился высокий обер-лейтенант.

— Заходи, Иоганн! Рад тебя видеть! — Гауптман Кранц, привстав из-за стола, указал на стул. — Присаживайся! Будешь кофе?

— Благодарю, герр гауптман, он у вас всегда превосходный.

— У нас у всех есть свои маленькие слабости, — снисходительно усмехнулся хозяин кабинета. — Я привык к нему еще во Франции, вот и стараюсь по мере сил баловать себя и своих друзей. Рассказывай, что там у тебя нового?

— Все как обычно. Гоняем по лесам полуодичавших русских, вылавливаем их продовольственные команды... Рутина, одним словом. Это вообще работа для полицейских батальонов, зачем держать тут моих ребят?

— Это на самом деле так скучно?

— Ну... как сказать. Выхода-то у них нет, вот поэтому и нетрудно предсказать их действия. Они все идут к жилью, к деревням. Мы и отлавливаем их на подходе. Как правило, идут небольшие группы — человек по пять-шесть. Посты зажимают их в поле, дальше подходит дежурное подразделение — и все...

— И все эти группы идут к деревням? Других маршрутов у них нет?

— Есть. Они пытаются пробиться на восток. Некоторым это удастся, и они успевают покинуть нашу зону ответственности. Но большинство мы все-таки отлавливаем.

— Угу... Держи свой кофе. — Гауптман пододвинул по столу чашечку. — Сахар, сливки — бери что хочешь.

— Благодарю, герр гауптман!

— А вот скажи мне, Иоганн, группа человек в сорок... могла бы она пройти незамеченной сквозь твои посты?

— Маловероятно. Болота — они не только русским помогают. А все проходы мы контролируем.

— Все ли?

— В основном.

— Даже так? То есть, если я тебя правильно понял, твоей команде здесь делать нечего?

Обер-лейтенант внимательно посмотрел на Кранца.

— Я так полагаю, герр гауптман, что этот вопрос вы задаете не просто так?

— Да, Иоганн, у меня есть для этого основания. На, прочитай вот это. — Гауптман протянул гостю несколько листов бумаги.

Наступило молчание. Обер-лейтенант внимательно просматривал текст. Гауптман налил себе еще кофе, откинулся на спинку кресла и закурил.

— Это все? — отложив в сторону бумаги, спросил обер-лейтенант.

— Нет, конечно! Мы уже не первый день знакомы, Иоганн, неужто ты думаешь, что старина Вилли встал бы в стойку только на основе фантазий русского перебежчика?

— Я так и подумал. Наверняка есть еще что-то, что не отражено в этих бумагах.

— Есть. Ты вчерашнюю сводку происшествий читал?

— Читал. Что именно должно было меня заинтересовать?

— Сообщение о нападении на подразделение двадцатого ремонтно-восстановительного батальона.

— М-м-м... сейчас вспомню... а! Там же вырезали ножами чуть не половину этих бедолаг! Это?

— Это все, что ты знаешь?

— Ну, в сводке больше ничего не было.

— Тогда послушай меня. Такие нападения бывают часто, это ты прав. Но! Слушай меня и отгибай пальцы. Нападавшие взяли с собой палатки. Две, достаточно вместительные. Зачем?

— Понятно для чего. Для ночлега.

— Судя по следам, их было менее десяти человек. Одной палатки хватило бы за глаза. Они рассчитаны на тридцать человек каждая. Это раз!

— Учел.

— Второе. Неисправные машины оказались заминированы. Все, и очень грамотно. Во всяком случае, при попытке открыть люк одного из танков произошел взрыв! Да такой, что мы в результате получили три кучи закопченного железа и еще с десятков могил. И это — три!

— Так.

— Более того, единственный исправный танк был угнан в лес нападавшими. И вот тут есть одна любопытная деталь! Наши солдаты видели одного из угонщиков и разговаривали с ним!

— То есть?

— У танка порвалась гусеница, и сидевший за рычагами диверсант, остановив проходящую колонну солдат, попросил у них помощи!

— Он выжил из ума? Или у солдат случилось помутнение рассудка?

— Ни то ни другое. Он был одет в нашу форму и неплохо говорил по-немецки. Офицеру он представился ефрейтором ремонтного подразделения. Даже фамилию назвал правильную.

— Так... интересно!

— Только в реальности этому ефрейтору всего двадцать один год! А тот человек, что разговаривал с офицером, был уже явно старше сорока!

— Русский диверсант, знающий немецкий язык? Бывало и такое.

— Погибший ефрейтор, чьим именем воспользовался неизвестный, родом из Гамбурга. Диверсант говорил на очень хорошем языке. Офицер, командовавший солдатами, в прошлом преподавал в университете. Так вот, по его словам, собеседник из Мекленбурга. В его речи присутствовало несколько характерных для этой местности оборотов. Это уже четвертый палец, Иоганн! Каковы будут твои выводы?

— Попробую подытожить. Палатки — они необходимы для организации лагеря. Два взвода.

Профессиональное минирование — сомнительно, чтобы это могли осуществить окруженные русские. Им-то уж точно не до этого. Сорокалетний диверсант, с хорошим знанием немецкого языка. Наконец — танк. В лесу он явно не нужен. Да еще и этот склад...

— Итого?

— Они готовят группу прорыва. Сведения, указанные в этом документе, подтверждаются...

— Хорошо! — Старший лейтенант Хворостинин на секунду прикрыл воспаленные от постоянного недосыпания глаза. Потер лицо ладонями. — Продолжайте, Гришанков, я вас внимательно слушаю. Что еще показалось вам необычным?

— Вот я и говорю, товарищ старший лейтенант, сначала-то мы особенно внимания никто и не обратили. Да, приемы необычные, и то, что командир нам говорил, уж больно не похоже было на все, что нам раньше показывали. Демин сказал, мол, всякое бывает. Он разок видел бойцов из этого... как его... ос... ос... не помню.

— Осназа?

— Во! Точно, товарищ старший лейтенант, и командир так говорил! Так Демин сказал, что и они что-то похожее вытворяли.

— А что еще привлекло ваше внимание?

— Как командир по лесу идет. Он ног от земли и не отрывает почти, разве когда через дерево или корягу перешагнуть надо. А когда перебегает куда, так вообще смотреть смешно.

— Отчего же?

— Так и тогда ноги словно по земле волочит и весь как-то из стороны в сторону вихляется.

— Зачем это?

— Мы тоже сразу не поняли. Опять Демин сказал — так его ж и не слышно почти! А тут уж и я заметил. Когда смотришь на него, все видно хорошо. А взгляд отводишь — нет его на месте. И только потом замечаешь, да вот же он! Уже метров на десять отбежал и дальше спешит. Не цепляет глаз такую манеру бегать-то!

— Интересно... Что же он вам про это сказал?

— Мол, учили его сотрудники НКВД...

— Кто?!

— НКВД... там учили, на Колыме.

— Не обращайтесь внимания, Гришанков, это я с усталости так... продолжайте.

— Да, в общем, все... Потом уж мы к дороге вышли. А там — голоса!

— Чьи?

— Так непонятно же! Далеко они были. Вот Котов и сказал: «Тут меня ждите». И ушел.

— Один?

— Один. И даже винтовку оставил.

— Как же он так, без оружия-то, пошел?

— А у него пистолет есть! Маленький такой! И носит Котов его хитро — под гимнастеркой он висит, почти под мышкой. Пистолет и не видно вовсе. Я так, только когда телегу грузили, его разглядел.

— Чей пистолет? Наш?

— Не видел я...

— Ладно, это неважно. Что дальше было?

— А вернулся командир, винтовку взял и нас зовет. Вышли мы на дорогу — а там телега! И два немца. Один холодный уже, а второй связанный, на телеге лежит. Сели мы на телегу и поехали. В дороге Котов объяснил, мол, там фашистские ремонтники стоят, надо их задавить.

— Как?

— Задавить... так и сказал. Объяснил, кому и что делать, куда идти. С собой Плиева взял да Шифрина. Вот. Мы с Асановичем ушли в лес и стали ждать.

— Долго ждали?

— Ну... час почти. Потом вдруг выстрелы захлопали. Мишка пулемет вскинул. Все, говорит, попались наши, надо прикрывать! Но стихло все, а тут и сигнал — фонарем в воздухе помахали. Значит, все в порядке, идти можно в лагерь.

— А кто сигналил?

— Я не знаю, товарищ старший лейтенант.

— Хорошо, продолжайте.

— Ну вот, пришли мы в лагерь, а там... Кровиш-ша! В первую палатку так и войти страшно! А во второй — немец на немце лежит, и все мертвые.

— Кто ж это их так?

— Котов и Плиев. Шифрин на посту стоял. Дорогу он охранял, вдруг поедет кто.

— И что же вам сказал тогда командир?

— Ничего не сказал, приказал оружие собрать и патроны. Начали мы все это на телегу грузить. Снаряды из танка вытаскивали. Демин с Котовым полезли танки минировать, сказали, чтоб не совался никто. Палатки мы разобрали и тоже на телегу свалили. Их сейчас медики ставят, я видел. Вот. А потом уже, когда перекур был, Плиев и говорит нам, мол, не знаю, кто там нашего командира учил и чему, но на узкой дорожке я с ним повстречаться бы не хотел. В том смысле, говорит, что я и сам-то не подарок, а уж супротив него — так и вовсе щенок!

— Так и сказал?

— Так. Мы еще удивились все. Плиев-то мужик серьезный, даром что нерусский. С ним ругаться — упаси бог!

— Вы верующий?

— Нет, товарищ старший лейтенант, это так... к слову пришлось.

— Хорошо. Продолжайте.

— А дальше в танк мы сели. Котов и я. Ребята-то раньше отъехали, повозка, она медленнее движается. Командир еще танки осмотрел, да и поехали мы. Только недалеко. Гусеница у нас рассыпалась. Ох уж он и матерился! Потом говорит, полезли — будем танк чинить. Только не вышло у нас ничего...

— Отчего же?

— Не выходит вдвоем-то. То танк не туда дернется, то просто силов не хватает, чтобы железяку эту тянуть. Котов плюнул, кувалду бросил, да и говорит — собирайся! Черт, говорит, с ним, с танком этим, не починим мы его вдвоем. Я и полез в башню, чтобы пулемет вытащить. И тут вдруг он мне страшным шепотом говорит — сиди тихо! Немцы идут, и много их! Не шевелись и не стреляй.

— Почему не стреляй? Вы же в танке, это крепость!

— У той крепости, товарищ старший лейтенант, на корме две бочки с бензином привязаны были. Не то что гранатой — пулей поджечь можно. Там и сгорели бы ни за понюх табаку. Но я в плен не собирался! Гранату вытащил и говорю командиру, мол, полезут фрицы — так всех взорву!

— А он?

— Взрывай, говорит. Только обожди, пусть их побольше влезет.

— Понятно.

— Немцы подошли, и командир их рукой машет, Котова зовет. Тот подбежал, вытянулся чудно как-то, не по-нашему, да и стал с ним говорить.

— По-немецки?

— Ну да. Котов сказал нам, что язык знает, но не очень хорошо. Правда, как он с немцем этим говорил... не сказать, чтоб плохо. Во всяком случае, этот фриц, да и другие его потом хорошо понимали. По плечам хлопали, смеялись. Котов их сигаретами угощал. Они помогли ему гусеницу на место поставить и ушли. Напоследок их офицер что-то командиру выговаривал да пальцем грозил.

— Просто ушли?

— Да.

— И вы не пробовали по ним стрелять? Это же фашисты! Враги нашей Родины!

— Командир не разрешил...

— Для того чтобы врага бить, особого разрешения не надобно, товарищ боец!

Гришанков вскочил и вытянулся по стойке смирно.

— Садитесь! — махнул рукой особист. — Потом что было?

— Котов водку достал, и мы выпили. У него целая фляга была. Посидели еще да и поехали. Вот сюда и добрались. Ребята уже в лагере были. Нас ждали. Капитан, как на нас глянул, так и сказал — отдыхать! Всем отдыхать! Вот и все...

Особист встал и начал расхаживать по землянке.

— Да сидите, Гришанков, сидите... — махнул он рукой вскочившему снова бойцу. — Да... А как так вышло, что вы все видели? Вы же, если я не ошибаюсь, в танке сидели, а не в обычной машине? Стекол там нет и окон тоже.

— Так там, товарищ старший лейтенант, штуки эти есть, чтоб наружу из-под брони смотреть. Вот я и смотрел. Вблизи, правда, видно плохо, да и не слышать ничего. Люк еще башенный приоткрыт был. Из него тоже смотреть можно. Только я это делать опасался — а ну как заметят?

— То есть, как я вас понял, были моменты, когда Котов из вашего поля зрения пропадал?

— Откуда?

— Ну, вы его все время видели? Или были моменты, когда он с глаз исчезал? Присаживался или уходил куда-то.

— Были, конечно, товарищ старший лейтенант. Только он надолго не пропадал.

— А поговорить с кем-то он там мог? Так, чтобы вы не видели?

— Так он и у меня на глазах мог это сделать, не задумываясь. Языка-то немецкого я не знаю... — пожал плечами боец. — Как понять, о чем там разговор?

— Немцы ничего ему не передавали?

— Нет. Я этого не видел. Вот сам Котов передавал, он и в танк для этого заглядывал. Взял сигареты, которые мы у немцев в палатке нашли. Он их немцам отдал, вернее, тому немцу, что ими командовал.

— Офицеру?

— Ему-то они зачем? К танку же не все солдаты подошли. Только с десяток их и было. Вот ими какой-то фриц и командовал. Здоровый такой... Он сигареты и взял.

— А что ж фрицы в танк сами не заглянули?

— Так Котов тряпку вонючую на люк положил. Масляную всю и бензином провонявшую. Вот и не захотел, наверное, никто форму пачкать.

— Ну да. Убрать тряпку им, надо полагать, гонор помешал... Скажите, Гришанков, а вот стреляет командир как? Хорошо?

— Я тех немцев, что они с Плиевым побили, сам в кусты оттаскивал. Вот и посмотрел...

— И как?

— Хорошо стреляет. Почти у всех убитых попадания в голову, только у одного — в горло. Да еще у одного аж три пули сразу! В каждом плече и в голове. А Михаил говорит...

— Кто?

— Ну... Плиев, его Михаилом зовут.

— А-а-а...

— Так вот, Михаил говорил, что Котов стрелял лежа, да еще и с боку на бок при этом переворачивался. Навскидку стрелял, из пистолета и из «нагана» сразу.

— А револьвер он где взял? И вертелся зачем?

— «Наган» ему Плиев отдал, он у него в вещмешке лежал. А зачем вертелся... Не знаю я, может, чтоб немцы не попали?

— Они стреляли в ответ?

— Да. Плиеву вон даже каблук на сапоге оторвало!

— С какого расстояния? И из чего стреляли?

— Дак с порога и стреляли. До Котова там рукой достать можно было. Да и до Плиева тоже. А стреляли из автомата, немец все патроны высадил.

— И не попал?

— Каблук Михаилу оторвали, а так все...

— Хм! Чтоб я так жил... Еще что-то любопытное заметили?

— Так... мелочь...

— И все же?

— Когда Котов с немцами разговаривал, он трофейный пистолет передвинул на живот. Так немцы его носят. До этого-то он у него правильно висел, как положено — на правом боку. А когда фрицы ушли и он в танк залез, так пистолет-то у него слева и остался. Так он всю дорогу и ехал.

— Дальше...

— Там пришлось на дорогу вылезать — дерево мы оттаскивали. Телега-то поуже будет, она проехала. А нам эта ель мешала сильно. Так вот, стали мы ее тащить, как вдруг в кустах — хрусть! Котов и выдернул пистолет.левой рукой. Да ловко так!

— Что ж с того?

— Привычно ему кобуру так носить...

Сразу после завтрака я погнал свою команду на занятия. Капитан еще вчера разрешил эту тренировку и даже дал «добро», чтобы бойцы немного постреляли. Учитывая дефицит боезапаса, можно было только радоваться такой необъяснимой щедрости. Правда, от лагеря пришлось топать версты три да еще и в овраг залезать...

Надо было этим заняться именно сейчас, пока новых приказаний от капитана еще не последовало. Натаскать бойцов совершенно необходимо. Запах жареного я ощущал прямо-таки всеми органами чувств. Пока немцы терпели присутствие в своих тылах остатков разбитых советских частей. Пока...

Но долго это продолжаться не могло. Во всяком случае, насколько я помнил реальную историю, к моменту начала Демянской операции тут уже никакими окруженцами и не пахло. Успели фрицы тылы зачистить. Исходя из этого, никаких перспектив от дальнейшего сидения здесь я не находил. Вывод? Надо уходить. Желательно — неслабой группой. Так что несколько более-менее подготовленных солдат тут явно лишними не станут.

Пойти к капитану и выложить ему свои соображения?

Можно.

Да только толку с этого не будет. Кто я такой в его глазах? Ни документов, ни легенды более-менее связной у меня нет. Как я сумею объяснить ему свою странную осведомленность о будущих событиях? Да и заокеанские штучки... про них тоже помнить следовало.

Была у меня одна мысль...

Ни секунды не сомневаюсь в том, что Травников уже поставил на уши весь личный состав управления. Так или иначе, а попытку вытащить меня отсюда они просто обязаны предпринять. Стало быть, уходя из этого района, я шансы на свой возврат существенно уменьшу. Или нет?

Суммируя все доводы, прихожу к следующим выводам. Поиски заокеанских штучек надо продолжать. Чем ближе я к ним окажусь, тем реальнее выглядят мои шансы на возврат.

Значит, группу готовим. Максимально тщательно и придирчиво. Поменьше поспят — подольше проживут.

— Так, соколики вы мои ясные... Становись!

Бойцы быстро построились.

— То, как вы все вчера сработали, командование еще оценит. Может быть... А от себя хочу сказать — вышло неплохо. Но пока не более того! И какой из всего этого будет вывод?

— Бегать будем... — вздохнул Демин.

— И это тоже. Но чуток погода. Пока что мы с вами будем учиться стрелять. И драться. Всем, что под руку попало.

Строй приободрился.

— Проняло? Тогда — общий вопрос!

Поднимаю руку.

— Вот перед вами цель. Моя ладонь. Асанович, выходи вперед, первым будешь.

Он делает три шага вперед и останавливается.

— Пулемет с плеча снимай и целься. Вот, прямо в центр ладони.

Секунда-другая, и черный зрачок ствола уставился в мою сторону.

— Видишь цель?

— Вижу.

— А вот так?

Ладонь моя задвигалась вправо-влево. Еще быстрее... вверх-вниз...

— Не вижу. Потерял.

— Отчего?

Асанович удивленно смотрит на меня.

— Ну... быстро вы ей машете...

— Еще почему?

Он молчит.

— Общий вопрос?

Ребята переминаются с ноги на ногу. Молчат.

— Отвечаю сам — оттого, что собственное оружие ему обзор закрыло.

Ты же видишь только то, что и так у тебя на мушке сидит. Влево-вправо — еще кое-как видно. А вот как нырнула цель — все, пулемет тебе обзор и закрыл. Попробуйте все.

Минут пять я старательно размахиваю руками, а бойцы пытаются поймать мои ладони на мушку. Выходит это плохо.

— А ежели все это, да на бегу? В бою? Куда стрелять будем, товарищи бойцы? Лешего пугать? Так он нам вреда вроде бы как и не нанес пока никакого... За что ж его так?

— А как надо, товарищ командир? — не выдерживает Шифрин.

— Смотри... — вскидываю винтовку и упираю приклад в плечо. Ствол теперь находится ниже уровня глаз примерно на ладонь. — Куда попасть?

Шифрин осматривается.

— Вон там, товарищ командир, видите? Камень белый на склоне лежит.

До этого камня около семидесяти метров.

— И все?

Понятное дело, что все они ждут от меня подвоха. Если я сейчас оптикой воспользуюсь, эффект от занятия будет ничтожный. Как же — из снайперской винтовки да на таком расстоянии... только слепой не попадет. Ну-ну... я тоже не валенок..

Бах! Бах!

От камня брызнули осколки.

— Вопросы есть?

— Вы не целились... — Плиев. Он слегка озадачен, не совсем понимает то, что сейчас увидел. — Даже винтовку к лицу не подняли, почему?

— А зачем?

Он в замешательстве.

— Ну... мушку с прорезью совместить надо.

— Надо. Если на большое расстояние стрелять. А здесь — зачем? Цель я вижу обоими глазами, заметь, а не как Асанович — одним. Винтовка не гуляет, смотрит туда же, куда и глаза мои глядят. Отчего ж мне своим глазам не верить? И под ноги я краем глаза смотрю, могу идти, куда захочу, не споткнусь. Да и цель не сбежит — замечу. Оружие-то собственное перед глазами не торчит! Все вижу, что захочу.

— Присаживайтесь, Котов, — особист указал мне на обрубок дерева, стоявший напротив столика. — У меня есть к вам несколько вопросов, и мне бы очень хотелось получить на них исчерпывающие ответы.

— Спрашивайте, товарищ старший лейтенант. Надеюсь, что мои ответы удовлетворят вас в полной мере.

— Где вы служили?

— Последнее место службы или с самого начала начинать?

— Давайте с первого места.

— Три года в частях особого назначения.

— С какого года и где именно?

— Записывайте...

Через двадцать минут особист отложил карандаш и вопросительно на меня уставился. Придуманная мной легенда, конечно, не являлась верхом оперативного искусства. Но расколоть ее вот так сразу, да еще сидя в лесу и не имея связи с командованием, было абсолютно невозможно. Явных пробелов и огрехов в легенде не было. Во всяком случае, я постарался их избежать. Судя по задумчивому выражению лица Хворостинина, мне это удалось в полной мере. И теперь у него было только два пути: задержать меня как подозрительную личность и тем самым вызвать недовольство

капитана или предоставить событиям развиваться своим чередом. Было бы это дело на передовой, я бы уже через десять минут сидел под арестом. На всякий случай — до выяснения. Но позволить себе такую роскошь в условиях окружения особист сейчас не мог. Не так уж много насчитывалось здесь грамотных и умелых бойцов, чтобы просто так посадить под арест одного из них.

— Скажите, Котов, а вот бойцы рассказывают, что вы как-то по-особенному пистолет носите...

— Этот, что ли? — коснулся я локтем кобуры «парабеллума».

— Да нет, говорят, у вас еще один есть.

Расстегнув ворот гимнастерки, вытаскиваю «маузер» и кладу его на стол перед особистом.

— Это где же у вас он так хитро упрятан? — заинтересованно поднимает бровь старший лейтенант.

Приподнимаю гимнастерку и показываю ему подмышечную кобуру.

— Интересно... Что это за штука такая? Не видел раньше ничего подобного.

— Я тоже не видел, товарищ старший лейтенант. А эту штуку вместе с пистолетом я у снайпера убитого забрал.

Снимаю кобуру и показываю на ее ремешке пятна крови.

— Это как раз от прежнего хозяина осталось. Он когда пистолет выдернул, я и обратил внимание, что вытащил он его не из-за пояса и не из кармана, а откуда-то еще. Вот я и полез посмотреть, что там у него такого хитрого придумано. Наука немудреная, легко разобраться.

Хворостинин берет в руки пистолет и внимательно его рассматривает. Затем лезет в небольшой сундучок, стоящий на полу справа от него. Вытаскивает оттуда какие-то бумаги и просматривает их.

— Все правильно. Пистолет этот действительно принадлежал убитому вами снайперу. Кстати, Котов, вы-то хоть знаете, кто он такой был?

— Откуда же, товарищ старший лейтенант? Мне он не представлялся, да и некогда было с ним разговаривать.

— Это заместитель начальника Берлинской школы снайперов вермахта. Фигура серьезная и заслуженная.

— То-то он мне показался таким холеным да ухоженным, — понимающе киваю я головой. — По морде видно было, что не из простых пехотинцев.

— Да, враг умный и опасный. В тех бумагах, что вы принесли, есть его дневник. Аж с тридцать девятого года он его ведет. Точнее, вел. Так вот, в дневнике все подробно расписано, когда и при каких условиях кого он

застрелил. Только с начала войны на его счету уже более сорока человек убитых бойцов. Наших бойцов, Котов!

— Стало быть, вовремя я его на тот свет спровадил...

— Да уж, не повезло фашисту.

— Зато мне повезло.

— И это так, — кивает особист. — Кстати, еще хотел спросить у вас: белье шелковое у вас откуда взялось?

— Оттуда и взялось, товарищ старший лейтенант. У немца в вещах запасное белье лежало. Его-то собственное я пулями просто в клочья изорвал.

— Угу, я так и подумал. А вот еще у меня к вам вопрос будет. Стреляете вы хорошо. То, что из винтовки — это я понимаю, снайпер все-таки. А где же вы так ловко из пистолета стрелять выучились? Да и носите вы его иногда как-то странно, совсем на немецкий манер.

— А тут ничего удивительного нет, товарищ старший лейтенант. Вы попробуйте-ка по тайге теодолит потаскать. Он, собака, вместе со своей треногой почитай пуд весит без малого. А еще мешок с запасами. Как тут еще и ружье-то уволочь? Тем паче что висит эта хреновина аккуратно на правом плече. И «наган» в случае чего достать вообще невозможно. Вот и носим мы его с левой стороны. Оттого и привычка у меня любой рукой пистолет из кобуры выхватывать. А тут и недолго с двух рук стрелять научиться.

Хворостинин удивленно поднимает брови.

— Послушать вас, Котов, так там не геологическая экспедиция, а прямо-таки какой-то отряд специального назначения!

— Так ведь Колыма, товарищ старший лейтенант! Не прочухался вовремя — тебя уже под кустом жрут.

— Это кто же там жрет?

— Известно кто! Там, помимо обычного зверя, всяких прочих гавриков хватает.

— Неужто настолько серьезно?

— А вы там сами-то бывали?

Особист передергивает плечами.

— Да нет уж... Мне как-то и без Колымы хорошо.

— Ну, вот побываете — так посмотрите, какие там нравы царят. А что до отряда специального назначения, так это вы, товарищ старший лейтенант, прямо в точку попали! Вы ж ведь в курсе, наверное, что мы там в основном разыскиваем?

— Откуда вдруг? Вы, Котов, не считайте себя настолько важной

фигурой, что про вас все знать должны.

— Извините, товарищ старший лейтенант! Только мы и вправду там не с бору по сосенке набрались. Колымская экспедиция в основном золото ищет. Сами понимаете, без НКВД тут никак нельзя. Вот и у нас на каждый десяток рабочих один оперативник уж точно есть. А живем мы все вместе. Тайга — она только кажется большой. На самом-то деле все люди в ней рядышком ходят. Вот и живем мы дружно. Глядишь, иной раз мы им поможем, а когда и они нам подсобят. Ну, и учимся друг у друга, как без этого. Стрелять с двух рук — это я от них научился.

— А по лесу ходить?

— Это я и сам хорошо умею. Побегаете несколько лет по тайге — чему хошь обучишься.

— Драться, как я понимаю, вас там же научили?

— Ну, я и сам драчун неплохой. На КВЖД работал опять же... А там местные китаезы тоже мастера руками-ногами помахать. Да ловко так! Не сразу и просечешь-то, откель в тебя кулак прилетел!

— Ладно, Котов. Про немецкий язык я вас и не спрашиваю. Наверняка и это вы объяснить сумеете. Непонятно только мне, как же вы такой ловкий да сообразительный — и до сих пор рядовым бойцом ходите?

— Так про то, товарищ старший лейтенант, не меня спрашивать надо. И повыше меня люди имеются, им-то, наверное, видней, чем нам с вами. Если у вас связь с нашими есть, так и запросите кого надо, кто такой Котов, откуда он взялся и чего тут вообще делает.

Особист хмыкнул.

— Да уж, не упущу такую возможность. Только кажешься ты мне, друг ситный, человеком подозрительным. Послушать тебя — вроде все правильно. И так может быть, как ты сказал, и по-другому тоже может. Не слишком уж часто на меня из лесу такие вот специалисты вылезают...

— А что, товарищ старший лейтенант, неужто не один я такой?

— А тебе-то зачем?

— Ну, если несколько опытных человек да в одну группу собрать... Больших дел наворочать можно!

— Угу. Даже слишком больших.

Хворостинин встает с места и потягивается. Видно, что он сильно уставший. По воспаленным глазам понимаю, что спит особист мало.

— Да ты сиди, Котов, сиди. Это я так, про себя размышляю. Уж больно ты человек интересный и непонятный. Вот я и хочу во всех этих непонятках разобраться. Только что-то не выходит пока.

В его руке неожиданно появляется спичечный коробок.

— Лови!

Не вставая с места, я вытягиваю левую руку вбок. Хлоп — и коробок зажат в моей ладони. Хворостинин внимательно смотрит на меня. Осторожно кладу коробок на стол.

— Чегой-то вы, товарищ старший лейтенант? Чего-то не понял я...

Он садится на свое место.

— Так... Посмотреть я кое-что хотел...

Понимающе киваю головой.

— А-а-а... Ну да, теперь и я понимаю. Только у нас этот фокус иначе выглядел.

— И как же?

Правая рука моя резко дергается к лежащему на столе спичечному коробку. Инстинктивно особист протягивает свою руку, чтобы перехватить меня. Я успеваю схватить коробок, и в этот момент его ладонь прижимает мою руку к столу.

— И что?

— А вы сюда посмотрите, товарищ старший лейтенант...

Он отводит глаза от спичечного коробка и смотрит вбок. В моей левой руке зажат «маузер», который только что лежал на столе прямо перед ним. Слава богу, фокус академика Травникова я запомнил очень хорошо. И с тех пор не раз тренировался, чтобы повторить его подобающим образом. Вот и в этот раз все вышло так, как надо.

Особист качает головой.

— Не хотел бы я в этой вашей тайге оказаться, Котов... Ладно, можете быть свободным. Тем более что тебя капитан разыскивал. Что-то у него для вас уже есть. Но мы с тобой еще поговорим...

В отличие от предыдущих встреч капитан сегодня был в хорошем настроении. Стоило мне войти к нему в землянку и отрапортовать о своем прибытии, как он кивнул мне на нары.

— Садись! Давай рассказывай о ваших достижениях!

Ну, уж чего-чего, а вот это я мог делать достаточно грамотно. Жизнь, так сказать, научила. Да и особист уже многое знал, не исключено, что и капитан тоже в целом в курсе дела. Так что долго говорить мне не пришлось. Капитан удовлетворенно покивал.

— Добро! Правильно сработали! А за танк — отдельное спасибо! Танкисты-то у меня есть, аж целый десяток! Да только проку-то от них без техники немного. С утра они уже машину только что по винтику не

перебрали. Говорят, воевать можно. Да и с артиллерией чуток легче стало, хотя бы по десятку снарядов на ствол теперь имеем. Просто так фрицам нас тут уже не взять...

— А что, товарищ капитан, пробовали уже?

— Сюда нет, не доходили, а вот на дорогах да у деревень бойцам тяжело приходилось. Ни оружия нету, ни патронов. Теперь расклад чуток другой уже стал. Так что, Котов, будет у меня теперь к тебе персональное задание!

— Слушаю, товарищ капитан!

— Да ты сиди... В общем, так, Котов, где-то тут поблизости склад. Его до войны еще НКВД заложил. Для каких-то своих целей. Точные его координаты неизвестны. Но кое-какие наметки все же есть...

Капитан вытащил из планшета карту.

— Вот, смотри сюда. Где-то здесь... — карандаш очертил немаленький кусочек.

— Хм... — почесал я в затылке. — А каких размеров этот склад? Как расположен? Что-нибудь мы про него знаем?

— Размер у него скорее всего немаленький. Туда достаточно много снаряжения возили, так что... сам понимаешь, куда-то все это запихали же? Не думаю, что для этого какой-нибудь сарай приспособили, маловат он для такого склада-то.

— А лежит там что? Ну, в смысле, для патронов ведь одни условия хранения нужны, а вот для еды — так уже совсем другие потребны.

— Вот же задал ты мне задачку! Не знаю. Но полагаю, что и то и другое там есть. Боеприпасы ведь у нас в бочках не возят? А они там были, это я тебе точно говорю.

Да-а-а... задачка из серии пойдти туда — не знаю куда... А ведь в наше время я ни про какой склад в этих местах и не слыхивал. Хотя черт его знает что тут на самом деле было в сорок первом году? Может быть, этот склад и в наше время цел? Посеяли документы, так и лежит все это добро, своего часа ждет. Кстати...

— А вот в монастыре ничего такого нет, товарищ капитан? Он-то по всем параметрам для этой цели лучше всего и подойдет. И стены в нем толстые, да и крыша цела.

Показалось мне, или капитан дернулся?

— Нет. Нет в монастыре ничего. Да и далеко он от этих мест.

— Ну, хорошо. Будем искать в другом месте.

— И помни, Котов, твоя главная задача — продовольствие! Воевать-то нам пока еще есть чем, а вот жрать... с этим хуже, и намного. До фронта

мы так не дойдем. Просто не хватит еды.

— А мы будем отсюда уходить?

Капитан удивленно на меня смотрит.

— Ну... — смущаюсь я под его взглядом, — приказ же должен быть. Не может же быть так, чтобы нас тут совсем позабыли?

— Может... — вздыхает капитан. — Все может быть, Котов. Но в нашем случае этого не произойдет. Есть у нас тут командование, и кому думать головой тоже есть. Так что ты давай свою задачу исполняй и голову себе ненужными вопросами не забивай. К старшине подойдешь, он тебе выдаст все потребное для выхода.

— Все?

— А чего ж тебе такого необычного надо? — удивляется Кондратьев.

— Патронов к пистолету немецкому семь шестьдесят пять, для Демина детонаторов и прочие саперные штуки. Мало ли...

— Ну, ты и жмот! Случаем не из раскулаченных будешь? — усмехается капитан.

— Ну... товарищ капитан... мы ж почти все это сами и принесли...

— Ладно! — Он машет рукой. — Скажи старшине, что я распорядился выдать тебе все необходимое. Только не слишком уж там жадничай, ты ж тут не один такой... хозяйственный...

Пользуясь случаем, беспощадно граблю старшину. Нужных мне патронов отыскалось всего два десятка, и я их самым бессовестным образом приватизировал. После чего мы затеяли с ним взаимовыгодный (ну это смотря для кого...) обмен. В результате которого я махнул трофейный «парабеллум» на бельгийский «браунинг», благо что эта конкретная модель питалась теми же самыми патронами, что взятый у ремонтников пистолет. При этом нагло наврал старшине о высоких боевых качествах своего ствола. Ему-то не один хрен, что на поясе таскать? Вот для меня такой пистолет был очень кстати. Носить «парабеллум» с патроном в стволе можно. Только очень недолго — сядет боевая пружина. А времени, чтобы взвести затвор, иногда может и не хватить. Взвести пальцем курок все-таки проще и быстрее.

К сожалению, с минно-взрывными средствами я обломался... Почти все, что было у старшины, мы выгребли еще в прошлый заход. Детонирующего шнура осталось всего полтора метра. Взрывателей — десятков. Вот бикфордова шнура хватало. Поразмыслив, все же прихватываю и его. Мало ли...

Стоявший на столике полевой телефон зажужжал. Капитан Тавров некоторое время не открывал глаз, надеясь на то, что надоедливый аппарат сам собой замолчит. Нет. Телефон продолжал немилосердно жужжать.

Чертыхнувшись, капитан поднял трубку.

— Девятый. Слушаю вас?

— Товарищ Девятый? Это Лесенка говорит!

Лесенка?

Под этим позывным в списке шел лейтенант Никулин, командир взвода разведки. Неглупый, в общем-то, парень. Уж он точно не стал бы поднимать полкового особиста в три... нет, уже в четыре часа утра...

— Слушаю.

— Товарищ Девятый! Срочно требуется ваше присутствие!

— Э-э-э... ну ты хоть на часы посмотри, а? Что у вас там за срочность?

— Из немецкого тыла к нам пробилась группа бойцов...

— Ну и положи их спать! До утра-то уж точно не убегут! Часового поставь...

— Некому бегать, товарищ Девятый. Мы только одного вынести и сумели. Последнего уже у наших окопов подстрелили.

— И всех делов? Один человек всего?

— Дело в том, что он... ну, в общем, такой же, как и вы...

— Вот его сюда давай! — Сон как рукой сняло.

— Ранен он. Тяжело... можем и не донести. Вас требует. Больше ни с кем говорить не хочет.

Капитан быстро собрался и, прихватив автомат, выглянул в траншею. Еще было по-утреннему промозгло. От стоявшего невдалеке часового поднимался пар от дыхания.

«Холодает уже... — подумал капитан. — А что ж я хочу? Осень. Того и гляди, и снег уже падать начнет...»

Поежившись, Тавров запахнул ворот шинели и зашагал по окопу. Идти было прилично, разведвзвод находился километрах в трех. Пока дозвонишься до штаба, пока повозка придет... Машину не пошлют. Их и так мало, да и немецкая авиация устраивает охоту даже и за одиночными автомобилями и повозками. Только лес и спасает пока.

К разведчикам капитан добрался уже засветло. Солнце еще не поднялось, но видимость уже была вполне приличной. Часовой встретил особиста и проводил его к сараю, одиноко стоящему на опушке леса.

— Ну, здорово, славяне! — Тавров вытер ноги о бревно, сбивая грязь с сапог, и, поставив к стене автомат, поздоровался за руку с лейтенантом и военврачом из медсанбата. Врач выглядел заспанным, видать, тоже с

постели подняли. — Рассказывайте, что тут у вас за гость?

— Вот, — протянул особисту бумаги Никулин. — Это его.

— Капитан Майборода, заместитель начальника Особого отдела ... дивизии. Ого! Где же он?

— Здесь я...

Тавров повернулся на голос. На стоящей слева от входа телеге приподнялась рука. Особист быстро подошел к ней.

Высокий, обросший многодневной щетиной мужчина в изорванной форме лежал на охапке сена. Гимнастерка на груди была разорвана, и белые полосы бинтов пересекали его грудь.

— Ты кто? — спросил Майборода. — Документы покажи...

— Смотрите, — особист поднес к лицу лежащего свой документ. — Достаточно?

— Скажи, пусть выйдут все...

— Но... — вскинулся было военврач. — Вы ранены, товарищ капитан! Вас немедленно в медсанбат надо! И так уже почти час потеряли!

— Выйди... — прохрипел капитан. — Ну?!

— Выйдите все, — повторил Тавров. — Это ненадолго.

Комвзвода снял с гвоздя свой автомат и вместе с военврачом вышел из сарая. Стукнула, закрываясь, дверь.

— Ну вот, все и ушли. Теперь можете говорить.

— Слушай меня, капитан... Слушай... Наша дивизия была разбита еще пару месяцев назад. Комдив убит. Уцелел частично штаб, некоторые части и Особый отдел. Вот... Мы в лесу, еды нет, патронов, оружия — всего мало. Связи у нас тоже нет. На моей карте метка есть, потом посмотри...

— Я доложу командованию. Вам постараются оказать помощь...

— Не в этом дело, капитан... Тут вот какая штука... Подобрали мы одного человека... форма наша, немного странная, но не в этом дело... дай воды, а? Пить хочу...

— Нельзя вам, наверное. В живот ранение, я слышал, что...

— Можно, капитан, мне все теперь можно. Дошел...

Сняв с пояса флягу с холодным чаем, Тавров отвинтил колпачок и наклонил ее горлышко над пересохшими губами капитана.

— Спасибо. Слушай дальше. У человека этого интересные вещи были. Документы... вот в них вся загвоздка. Там есть сопроводилка. И подписал ее не кто-нибудь, а сам Меркулов! Если кратко, то мы должны хоть всю дивизию положить, а документы эти доставить прямо на стол Верховному...

— Что в них?
— Не знаю.
— Как это?
— Там металлический ящик. Хитрый какой-то... не смогли мы его открыть... да и печати на нем...
— Большой?
— Нет... как... как папка для бумаг... тяжелый... Мы стали думать, как приказ этот выполнить, сам понимаешь... сил у нас для этого мало. Вот и послали четыре группы, чтобы помощь нам для этого пришла... Пришел кто?
— Нет. Из вашей дивизии никого не было. Вы первый.
— Последний я... те группы раньше ушли... знать, не добрались они сюда...
— Все у вас?
— Да... Особый отдел и штаб сейчас ждут. Там, в планшетке карта... мой путь, как мы шли.
— Много вас было?
— Пятнадцать человек. До фронта пятеро дошло. Еще кого со мною вынесли?
— Не знаю. Лейтенант не говорил ничего.
— Значит, не вышли они...
— Где нас будут ждать?
Порыв ветра стукнул входной дверью, и Майборода вздрогнул.
— Кто там?
— Ветер это.
— Наклонись ко мне... на ухо скажу...
Тавров наклонился к лежащему, и тот прошептал ему на ухо несколько слов.
— Понял?
— Да... Странно, не ожидал я...
— Мы тоже... Видать, не просто так этот человек именно сюда попал...
— Теперь все? Может, уже в госпиталь пора?
— Куды хошь... сейчас уже можно...

Оперуполномоченный Особого отдела ... стрелковой дивизии капитан Майборода Илья Федорович до медсанбата не доехал. Перевозившая его подвода была атакована немецкой авиацией. Военврач успел убежать в лес. А лежащий неподвижно капитан был поражен тремя пулями и скончался на

месте. Рядом с ним остался лежать и возница. Он пробыл на фронте всего четыре дня...

— Вот тут... — Лейтенант Нефедов топнул ногой по дороге. — Где-то в этих краях машины разгружались. Отсюда сотрудники НКВД уносили груз в лес.

Я осмотрелся. От дороги тут отходило небольшое ответвление, которое метров через триста снова сливалось с ней. Никакого разумного объяснения этому не было. Почва здесь твердая, явно видимых луж и колдобин нет, так что и объезжать тут нечего. А вот если на разгрузку с основной дороги транспорт отгонять — самое то. Отъехали, разгрузились и вон там назад повернули. И друг другу машины мешать не будут. Логично...

— Спасибо, товарищ лейтенант. Будем искать...

— Я вам сюда еще бойцов пришлю. Дня через два. Заодно, может, и еды подбросим. Если добудем...

Лейтенант сел в кабину, и, рыкнув мотором, грузовик развернулся в обратный путь. Уж и не знаю, что подвигло капитана на эту щедрость, но к району поисков нас отвезли на машине. Их, как выяснилось, у нас было несколько штук. До поры до времени машины прятали где-то в лесу. Возможно, из-за нехватки топлива. Так или иначе, но день пути мы сэкономили. Уже хорошо...

— Становись!

Бойцы шустро построились.

— Равняйся! Смирно! Вольно... Итак, голуби вы мои сизокрылые, слушать всем сюда. Что мы ищем, все в курсе? Не все, по глазам вижу. Так вот, ищем мы склад. Неслабый такой, как бы и не на батальон. А то и больше. Ясен пень, что сарай для этого не подойдет. Склад соответствующее подразделение НКВД строило, они таких ляпов не допускают. Стало быть, ищем капитальное строение. Общий вопрос!

Обвожу взглядом бойцов. Все слушают внимательно.

— Что может послужить признаком такого склада?

Молчание.

— Лес там может быть вырублен, строить-то нужно где-то... — подает голос Демин.

— Правильно! Еще?

— Ну... дорога должна быть, — добавляет Асанович.

— Так! Еще?

— Следы... — нерешительно говорит Шифрин.

— Спустя несколько лет? Навряд ли... Словом, так! Ищем то, чего в лесу, просто по определению, быть не может!

— Это что ж такое искать? — снова Демин.

— Да все подряд! Проволока, железяки всякие. Обрезки досок и бревен — все примечаем! Железо в лесу не растет, доски тоже на дубах не висят пока. Если их специально туда не повесить, естественно. И, кстати говоря, под ноги смотрим! Не ровен час... а то с энкавэдэшников станется... воткнул мину — и привет!

— Зачем? — искренне удивляется Шифрин. — Свои же кругом.

— Сейчас тоже? То-то... Такой склад без присмотра не бросят, это уж я тебе точно говорю.

Растянувшись цепью, идем вдоль дороги, внимательно оглядывая обочины. Делаем один заход, другой, третий... Каждый раз прочесываем около километра.

Куда уносили груз?

А куда бы я сам его утащил?

Строить что-то у дороги?

Могут случайно срисовать. Не катит.

Глубоко в лесу? Вполне разумно, но где?

Судя по карте, тут овраги глубокие есть и холмики немаленькие. Можно ли там что-то занывать? Вполне. А надолго? Тогда нужен уход, должны люди ходить, проверять.

Тропа?

Вполне вероятно. Даю соответствующую вводную личному составу. По этой тропке перетаскали немало груза, и полностью зарости она еще не успела. Во всяком случае, я на это надеялся.

Проплутав по лесу еще пару часов, находим сразу две полузаросшие тропки. Примечательно, что ведут они в разные стороны. Вот тебе и буриданова проблема!

По какой идти?

Выбираю левую. По ней иду сам, с Асановичем.

Демина и Гришанкова отправляю по правой тропке, а оставшаяся парочка продолжает обшаривать кусты у дороги.

Метров через восемьсот тропа заканчивается. Здесь протекает хилый ручеек, к нему она и ведет.

Внимательно осматриваю эту небольшую полянку. Тропа ведет именно сюда. Зачем?

С дороги за водой ходить? Не до фиги ли?

На окружающих тропку деревьях есть следы от топора — срубали

ветки. Некоторые кустики тоже подрубили. Для какой цели? Ведра с водой таскать?

Чушь!

Недалеко от места нашей выгрузки есть еще один ручей. Возможно даже, что и этот самый.

При необходимости воду можно брать там, даже ближе будет.

Стало быть, что это у нас тут?

Правильно — ложный след!

Причем вроде бы как обоснованный.

А раз так...

После недолгих поисков нахожу и ведро. Старое и помятое, оно висит на сучке.

Ну вот и доказательство отыскалось.

Недобрым словом поминаю неведомых чекистов.

Что ж вы, парни, тут всех за идиотов держите? Ведро-то за каким рожном подбрасывать? Чтобы уж совсем подозрения устранить?

Зря вы так... Мои подозрения не только не заснули, но и вспыхнули с новой силой!

Еще раз обхожу полянку.

Чисто.

Впрочем, другого я и не ожидал...

Усевшись на землю, тщательно рассматриваю уже чуть поржавевшее ведро. Оно ж ведь тут давно уже висеть должно, так ведь? А ржавчину, надо полагать, указом Совнаркома отменили? Если нет, то отчего ж ее здесь так мало? Тут уже фронт давно прошел. Люди по дороге этой ездить перестали, ведро должно было бы уже насквозь проржаветь!

Ладно, допустим, что его здесь относительно недавно повесили. Хотя на карте ручеек этот не обозначен. Хрен с ним, местный водила ехал (куда, кстати, вот что интересно?), остановился и уволок это ведро в лес. Непонятно, правда, отчего он его тут бросил, вода не нужна стала? Зачем тогда водила вообще сюда шел? Далековато будет... для прогулок-то...

Еще раз осматриваю свою находку...

Ага!

Предчувствия меня не обманули... так, что ли, в каком-то мультике пелось?

Есть тут склад...

Захватив с собой ведро, бодро топаем к дороге.

Наша вторая группа уже вернулась. Лацис с Плиевым еще где-то

бродят.

— Ну как успехи, следопыты? Мы-то с добычей, а у вас что?

— Овраг там, командир. Прямо в него дорога и упирается. Пятачок небольшой — и все...

— Отсюда далеко?

— Да почти километр будет.

— Тропа хорошая?

— Какое там... заросла почти вся.

— Вся?

— Ну, пройти-то можно.

— А груз протащить?

— Ну... тоже, наверное, можно. А что?

— Ага... Ну, добре, пойдем прогуляемся по твоей тропинке.

Идти долго не пришлось — тропка уже через пару сотен метров закончилась, уткнувшись в овраг. Достаточно глубокий и с крутыми берегами. Даже на первый взгляд было ясно, что утащить какой-либо груз на его дно с такой крутизны — задача очень непростая. На самом краю оврага была небольшая площадка, расчищенная от деревьев. Их срубленные стволы лежали неподалеку. Они были очищены от сучьев и приготовлены для вывоза — на одном даже была петля из троса.

— Окрестности осмотрели?

Шифрин пожимает плечами.

— Да. Нет тут ничего интересного.

— Совсем ничего?

Он мнетя.

— Ну, я тут до ветру отходил... там какой-то ящик был. Сломанный уже весь, а больше ничего нет.

Идем смотреть ящик.

— Вот для всех вопрос задаю. Ежели это ящик, то чего в нем таскали? Кто такую хреновину вообще поднять мог и как ее сквозь лес сюда протащил? И дно у этого ящика где?

Бойцы осматривают находку. Никакой это не ящик, скорее, сооружение напоминает детскую песочницу. На его стенах имеются потеки цемента.

Отправляю народ в лес, попутно объясняя им, что именно надо здесь отыскать. Асанович топает к дороге, надо привести сюда остальных.

Через час он возвращается, ведя за собою последних бойцов. За это время Шифрин успевает найти в лесу остатки ржавой арматуры, скрученные в один клубок. Все он, естественно, притащить не может и

ухитрится выудить оттуда метровую арматуру, которую торжественно мне приносит.

— Лацис! Ты водитель, скажи, что не так в этом ведре?

— Почему я?

— Теоретически, это ведро с собой шофер возил. Мы его у ручья нашли, вроде бы воду им набирали.

Он разглядывает нашу находку.

— Нет. В машине это не возили, оно таким чистым не было бы. Хочешь или нет, а в машине его точно маслом бы испачкали. А тут чего-то серое, как камень, откуда такое в машине будет? Да и дырявое оно, как в нем воду носить? Половина прольется, пока донесешь.

— Еще у кого мысли есть?

Шифрин поднимает руку.

— А вот в... корыте этом деревянном вроде бы такая же гадость, как и на ведре. Так ведь?

— Так. Да и железку ты мне принес, как думаешь, для чего она тут?

Подает голос Демин.

— Арматура это. Видел я такие железки, когда мимо нас канал вели. Их вместе скрепляют и потом бетоном заливают. Кстати, корыто это очень похоже на те, в которых раствор готовят. Правда, у нас они другие были, побольше. Но в принципе похоже очень.

— Точно! Это, голуби вы мои сизокрылые, арматура, а в ящике, что мы нашли, действительно раствор готовили. Этим ведром его черпали и куда-то отсель таскали. Не только ведром, конечно, но и им тоже. Так что здесь, ребятки, склад. И скорее всего — он под землей.

Бойцы переглянулись.

— Так как же его тогда искать? — пожал плечами Асанович. — Раз он под землей, так наверху и нет ничего...

— Есть. Вентиляция должна быть, иначе некоторые вещи испортить можно. Входы какие-то быть должны, как иначе оттуда грузы доставать? Вот и ищем. Грибок вентиляции выглядит вот так...

Рисую на земле штыком. Не художник я, но понять можно вполне.

— По этой тропе таскали грузы. А непроходимая она — так это оттого, что набросали тут валежника, деревьев и сучьев. Кто-нибудь догадался поваленные деревья осмотреть? Нет? А зря! Они не просто упали — их спилили. И уже так сюда и принесли. Вот эти деревья, что у оврага лежат, — как вывозить отсюда собирались? Тропа-то узкая! Во всяком случае — таковой она кажется.

— А с чего вы взяли, что их вывозить собирались? — не унимается

Асанович.

— Так трос на дереве зачем?

— Хм... А тогда вообще почему тут этот трос да ведро... оставили бы все как есть, так и вопросов вообще не было бы?

— Ишь ты! Умный... А представь себе на моем месте кого-нибудь другого. Немца, например. Вот идут от дороги две тропы. Идут в никуда. Ничего у них на конце нет, просто в лесу они заканчиваются. Вот и задаст умный человек себе вопрос — зачем эти тропки? А тут и ответ имеется! В одном месте воду берут, в другом — лес рубят, вон и следы есть, ведро для воды да деревья спиленные. Только вывезти не успели еще... Зачем эта вода да почему деревья так далеко от дороги пилят — вопрос другой. Да только не всякий про него вспомнит.

— Ну, отчего же? — пожимает плечами Демин. — Лесозаготовки. Вполне может быть.

— Верно. Давай мозгами пораскинем. Сделали тут склад. Во время этого свалили деревья и вывезли. И что мы имеем? Поляну, на которой расположены хранилища. Не катит.

— Деревья можно и не все валить. И вывозить необязательно. Штабеля сложить можно даже и на крыше склада.

— Ага! А потом приедет кто-то шибко ленивый да и вывезет весь лес. Он же спилен уже, трудов меньше тратить надо. И в процессе вывоза, глядишь, чего и заметит... Нет, родной, так не покатит... Ты уж поверь мне, в этих случаях лопухов к работе не привлекают. Встречал я такие склады...

— Это где же?

«В Чечне!» — чуть было не бухнул я сгоряча, но хорошо, что вовремя поправился:

— В тайге. Японцы оставили, еще в Гражданскую. Тоже оружие там было, патроны. Еды, правда, не было. Ладно. Хорош базарить, пора и за дело браться...

Несколько часов кропотливых поисков ни к чему хорошему не привели. Я прямо всем нутром чувствовал присутствие этого склада. Но где же он?

Отловив Шифрина, озадачиваю его кормежкой. Надо вскрыть наши невеликие запасы и изобразить что-то съедобное. Вытащив из вещмешка топор, он идет готовить костер. Вода у нас есть, у каждого на поясе висит полная фляга.

Пока он шуршит в кустах, продолжаю раздумывать.

Склад большой.

Примем это за аксиому.

Подземный. С очень большой вероятностью.

Поставим себя на место чекистов.

На складе есть ящики и бочки.

Что в ящиках — пока выяснять не будем.

А вот что в бочках?

Что в них вообще хранят?

Горючее? Вполне возможно. Но для чего горючее партизанам или диверсантам? Машин-то тут нет! Или есть? А ехать на них куда? Дорог тут не так уж и много.

Нет, отпадают машины. Стало быть, и бензин побоку.

Что еще?

Подсолнечное масло. В таком количестве? Чушь.

Бочка еще может быть, но не более.

Спирт? Там тара меньше. Сам со склада получал.

Как ни прикидываю, ничего не складывается.

Ладно, пусть будут просто абстрактные бочки.

Но даже их надо как-то грузить и, что важнее, разгружать. И если спихнуть бочку в яму может один человек, то вот вытащить наверх... тут надо два-три человека минимум!

Так, уже светлее... На темном фоне облаков наблюдается некое просерение...

Бочки катят. Нужен покатый пол и... дверь. Именно дверь, а не люк!

Хорошо, дверь. Дверь может быть где? В холмике. Есть ли они тут у нас?

Нет. Только совсем небольшие. В них дверь не спрятать. А где ее спрятать можно?

Да вот же это место!

— Шифрин!

Топот ног, и боец вылетает из кустов. Автомат уже в руках.

— Отставить оружие! Ну-ка... подсоби...

Вдвоем мы тащим на край оврага бревно с обрывком троса.

— Давай клади его параллельно краю.

Случайно или нет, но бревно опирается одним концом об пенек, а другим об крепкий валун. Теперь оно не съедет вниз, в овраг.

Оставляю у пня винтовку и, скинув вниз трос, обматываю запасными портянками руки. Это не веревка все-таки, кожу можно на раз содрать.

— Смотри тут, если что...

— Все сделаю, командир!

А на тросе узлы присутствуют... С чего бы это?

Спускаюсь вниз.

Метр, другой, третий...

Стоп!

Чуть сбоку вижу уступ. Широкий такой... почти метр или чуть больше.

Нависающий над головой край обрыва его почти совершенно скрывает. На фоне дна уступ вообще практически не виден. Разглядеть его можно только снизу или вот так — сбоку.

Интересно...

Раскачиваюсь на тресе. Сверху поскрипывает дерево, и на голову мне сыпется всякий мусор.

Толчок!

Вот я и на уступе. Он крепкий, топание ногами вызвало только легкое его сотрясение. Интересно, а бочку на двести литров он выдержит? Подпрыгиваю. Выдержит...

Оглядываюсь по сторонам и вижу в стене торчащий костыль. Нормальный такой, прямо как на железной дороге. Цепляю за него конец троса. А ведь на нем и петелька есть, прямо как для этого сделана... И узлы эти — чем не ступеньки?

— Командир? — сверху свешивается голова Шифрина. — Цел?

— В порядке все. Карауль там, наверху, я тут пройдуся...

Далеко ходить не пришлось. Через десять метров справа показалось углубление. Совершенно, между прочим, сверху незаметное.

Но мелкое, всего на половину ладони.

Это вход?

М-м-м... странный какой...

Прямо перед моим лицом из глины торчат какие-то корешки.

Чего-то я не понял...

Вытаскиваю штык и сильно тычу им в глину.

Скрежет!

Это металл!

Под слоем глины есть металл!

Первую мину нашел Демин. Нехилый фугас, почти на полтора килограмма веса, был заныкан почти на самом краю обрыва. Тот чуток изгибался в этом месте, слегка приподнимаясь вверх. Вот почти на самом его краю и была пришпандорена чугунная труба, набитая толстыми шашками. Прикинув радиус поражения, понимаю, что взрыв как метлой смел бы не только столпившихся сейчас на краю обрыва бойцов, но и по

карнизу стегануло бы осколками весьма качественно.

Фугас огнепроводной, к нему подведен детонирующий шнур. Иду по нему и обнаруживаю второй подарочек — этот стоит уже в лесу. Понятно, накрывает тропу и часть поляны. Сделан так же, как и его собрат на обрыве. Толстостенная чугунная труба и шесть двухсотграммовых толовых шашек. Да... негостеприимные тут хозяева.

Охреневшие от таких сюрпризов бойцы, за исключением Демина, которому некогда было фигней страдать, безропотно улеглись в ближайшую ямку и притихли. Я бы и его в ту же ямку положил, но без второго сапера имею все шансы пролазить тут до второго пришествия.

Вот же, старый я чертяка, ну не верится мне в излишнее человеколюбие людей, устраивающих такие вот захоронки! Оттого и попер Демина на поиски, вместо немедленного вскрытия дверей. И вот вам — здрасьте, приехали! Сколько тут еще таких фокусов понатыкано?

Подрывная линия от овражного фугаса уходила вниз, на дно оврага. Там и обнаружился третий заряд. Прикинув их взаиморасположение, понимаю, что панихиду по невезучим кладо-складоискателям можно было бы заказывать уже тогда, когда они только вошли бы в лес. Шансов выжить при одновременном подрыве всех трех мин — нет. Вообще. Они тут вспахали бы весь лес в радиусе 30–40 метров. А учитывая то, что предполагаемые складоискатели попадали под одновременный удар не менее чем двух фугасов сразу... возможности хоть кому-нибудь уцелеть практически не было.

Рассматриваю найденные заряды. Трубы обмазали смолой или варом и сразу после этого их обсыпали всяким мусором. Маскировка почти идеальная. В полуметре пройдешь — и не срисуешь. Мы, кстати говоря, и не срисовали. А ведь мимо фугаса в лесу все по меньшей мере дважды проходили.

Теперь основной вопрос — где запал от всей этой жуткой машинерии? Все ли мины мы нашли?

Не факт.

Хотя стоит их тут более чем достаточно.

Последний обнаруженный нами детонирующий шнур уходит в землю по направлению к найденной двери.

Хорошо, если тамошний «сюрприз» подрывает только эти фугасы. А если мина стоит еще и на складе? Тогда будет тут братская могила на полроты...

Простукиваем и внимательно осматриваем вход. На железный лист наварено под углом несколько полос железа, и на эти полочки насыпана

земля. В ней уже пустила корни какая-то трава. Так что дверь выглядит весьма сюрреалистически, и догадаться, что здесь имеется вход, проблематично.

Никаких замков мы не нашли, рычагов и кремальер тоже.

Вывод?

Она открывается изнутри.

Следствие?

Ищем второй вход...

— Демин!

— Я, командир!

— Что думаешь по этому поводу? — киваю в направлении двери.

— Это загрузочные ворота. Затаскивать туда удобно. Всех и делов-то — свалить груз с обрыва на полку. Оттуда уже внутрь запихивать легко. А вот назад это вытащить... не знаю, как и извернуться-то надо? Это ж все наверх поднимать! Да вручную! Ни лебедки, ни ворота... пупок надорвать можно!

— Это ты правильно смекнул! — одобрительно похлопываю его по плечу. — Вот что... есть у меня мысль... Смотри!

Обвожу рукой окрестности.

— Как бы ты сам, да и куда, выгружал тут добро? В смысле — из склада бы выгружал?

— Ну... — чешет он затылок, — наверх без погрузчика не достать. В том смысле, что груз туда не вытащить.

— Вывод?

— Ну... — переминается с ноги на ногу Демин. — Пожалуй, что только на дно оврага и можно...

Слезть туда удалось далеко не сразу. Веревки у нас с собой не было, и, памятуя об уже обнаруженных нами фокусах, искать обход как-то не тянуло. Маловероятно, что здесь, в уже контролируемой найденными фугасами зоне, кто-то будет ставить еще и дополнительные мины на дно оврага. Не практикуется как-то такая вот избыточность при минных постановках. Да и то тут не линия фронта, и большие толпы вероятных противников здесь ходить не станут. Так что минировать будут, скорее всего, только входы. То есть те места, которые случайно обнаружить нельзя. А вот взрыв в лесу, где нет никакой необходимости ставить мины, наоборот, только привлечет внимание к этому месту.

Все так, только откуда мы знаем, где здесь второй вход? А вот в процессе поисков как раз можно и на мину налететь... так что, пришлось изображать из себя альпиниста.

Уже спустившись на дно, я указал Демину на кучку полуобгоревших досок. Они были свалены под стеной и сверху не просматривались. Осторожно их оглядев, мы обнаружили на них следы старого раствора. Значит, и здесь его готовили, не только наверху. Осмотрев овраг, я даже место установки этих коробов нашел. Там на земле еще просматривались потеки раствора и засохшие куски цемента. Это сверху их было не видно, а здесь — как на ладонке, только лопухи раздвинь...

Уже теплее...

Таскать раствор наверх ведрами отсюда точно никто бы не стал. Значит, склад рядом. И вход где-то поблизости.

Прикрутив к палке штык, тычу им в землю, прощупывая проход.

Пусто... пусто... пусто... есть!

Дерево.

Это может быть и обычная деревяшка... только вот они не бывают правильной формы... как я определил это, ощупывая штыком найденный предмет.

Взмах руки — и Демин ныряет в ямку.

Ложусь и я.

Штык уже в руке.

Осторожно расчищаю им находку.

Небольшой деревянный ящичек — стандартная противопехотная мина нажимного действия.

На боевом взводе.

Никаких сюрпризов нет, поэтому откладываю ее в сторону и ползу дальше.

Мин здесь оказалось четыре штуки. Они надежно прикрывали подход к стене, оставляя только извилистую тропку между собой. Ей давно уже никто не пользовался, и никаких следов тут не отыскалось.

А дальше все оказалось до обидного просто. За кучей валежника у стены была самая обыкновенная дверь. Ну да, если можно считать обыкновенной дверь из толстого металла. Да еще и с амбразурой для стрельбы.

Увидев ее, Демин упал на землю.

— Ты чего? — удивленно смотрю на него.

— Так... это... — смущенно говорит Павел, поднимаясь с земли. — Амбразура здесь... вот я и подумал...

— Нету ли там кого-нибудь?

— Ну да...

— В принципе может быть. Только вряд ли он бы так долго ждал, пока

я все мины сниму.

Осматриваем дверь.

Никаких признаков того, что она заминирована, я не нашел.

Пораскинув головою, прихожу к выводу, что вот тут мин уже и не должно быть. Ведь прийти сюда мог не только тот, кто минировал склад. А объяснять на пальцах схему минирования незнакомому с этим делом человеку... проще сразу его пристрелить, чтобы не мучился потом.

На двери два обычных запорных рычага.

Отогнав в сторону Демина, тяну за верхний. Он поддается неожиданно легко, только что-то поскрипывает за дверью.

Теперь второй. Этот идет туже, но тоже без особенных затруднений.

Чуть скрипнув петлями, дверь приоткрывается. Из проема тянет какими-то знакомыми запахами. Ну да... смазка, еще что-то казарменное. Нашли...

Вытаскиваю из вещмешка трофейный электрический фонарь. Яркий луч, разогнав темноту, освещает недлинный коридор, уходящий внутрь обрыва.

— Пошли? — оборачиваюсь к Павлу. — Вечер скоро уже, а мы еще и не ужинали даже...

Как, в сущности, немного надо человеку для счастья!

Например, пожрать от пуза.

Вот именно поэтому мы все осоловело развалились на ящиках неподалеку от входа в склад. Ибо встать просто не было сил. Покайфовать всласть не удалось только Шифрину, которого я отправил в охранение. Правда, банку тушенки дали и ему. Так что смерть от голодного обморока ему не грозила. Зато все остальные оттянулись всласть!

Причем совесть нас не мучила совершенно!

Даже и запись мы тут всей толпой хоть до Нового года, все равно — нанести сколь-нибудь существенный урон продовольственным запасам не удалось бы.

Склад состоял из четырех больших помещений, соединявшихся между собой относительно широкими проходами. Каждое помещение представляло собой почти стометровый тоннель шириной около двадцати метров.

Так вот, два из четырех тоннелей были заполнены продовольствием. Ящики с консервами, мука и крупы в бочках и мешках. Еще какие-то банки и небольшие ящички. Даже табак тут был. Несколько ящиков с пачками табака и стопками папиросной бумаги. Ящики со спичками и консервные

банки с маслом. И много еще чего тут было...

Два прочих тоннеля оказались оружейными складами. Винтовки, пулеметы. Длинные ящики со снарядами и минометами. Даже две «сорокапятки» стояли в глубине тоннелей.

Был здесь и бензогенератор, от него тянулись провода по стенам. Стало быть, электроосвещение мы имеем.

Выходов из склада оказалось три.

Помимо уже обнаруженных, имелся и еще один, расположенный дальше по оврагу. Надо полагать, именно он и являлся разгрузочным. По дну оврага вполне можно было бы не то что подойти — даже и проехать было вполне возможно. Правда, выяснили мы это далеко не сразу. Сначала пришлось обезвреживать сложные ловушки у обоих грузовых входов. У нижнего, кстати говоря, оказались такие же фугасы, как и наверху. И тоже три штуки. А у каждой двери стояла еще одна бомба. Уже внутри. И она гарантированно обваливала тоннель на большом протяжении.

Этот факт вызвал у меня очередной приступ маниакальной подозрительности. Не дав Демину даже передохнуть, я погнал его на осмотр складов. А ну, как и там мины стоят? Тут не то что взрыва — спички хватило бы!

Два часа самых пристальных поисков — и никакого результата.

Хм... паранойя? Или просто здоровая бдительность?

Через два часа сижу на ящике в первом тоннеле и понемногу прихожу в себя. Поиски результата не дали.

Да, мы нашли много полезного... но все это сейчас неважно. Где мина?

А в том, что она тут точно есть, я не сомневался ни секунды.

Подсвечивая себе фонарем, брожу по переходам. Странно... Склад явно старый. Очень старый и уж точно не современной постройки. Насколько я помню такие сооружения по Нахабино, перед войной уже начали применять металлические гофротюбинги для подобных переходов. Кстати говоря, немецкого производства — «Крупп Штальверке». А здесь... Основные тоннели вырублены просто в камне, только в некоторых местах стены и потолок укреплены кирпичом. Местами забетонированы. Это уж точно перед войной постарались. Грузовая дверь, выводящая в овраг, явно современная, видно, что проход раньше был более узким. Его расширили, сломав кирпичную кладку и укрепив стены железобетоном. Связки арматуры и мешки с цементом тут присутствовали в немаленьком количестве, и это тоже было странно. Ведь строительство уже закончилось?

Или еще нет?

Дверь, через которую мы вошли, тоже вполне современная. Явно предназначавшаяся для какого-то укрепления. И это тоже вызывало мое недоумение. Это же склад! Кто тут собирался воевать и зачем? Держать здесь оборону в принципе возможно, только очень недолго. Подорвут склон и похоронят всех защитников сразу.

Теперь пушки.

Зачем они здесь вообще нужны?

Партизанам?

А кто сказал, что склад предназначен для них?

Лежавшие на поддонах в углу связки шаровар и гимнастеров для партизан явно не предназначались.

Да и не помню я партизанских складов такого масштаба, не было их. Кстати говоря, большинство подобных складов перед самой войной было демонтировано и вывезено. А этот — остался. Почему?

Да потому, что ни про каких партизан тут никто и не думал даже!

Это обычный армейский склад, рассчитанный на снабжение и вооружение... примерно полка... Если, конечно, можно назвать обычным складом это сооружение. На подпиравших потолок столбах я видел полочки со стоящими на них керосиновыми лампами. Это нормально, во всех складах так и должно быть. А вот на стенных полочках ламп уже не было — почему? Полочки есть, а ламп нету? А зачем они, если электрическое освещение присутствует?

Электричество... Какая-то еще неосознанная мысль заставила меня остановиться. Что-то тут не так...

Осматриваю генератор. Черт его знает, каким он должен быть в это время, но на первый взгляд великоват он для этого сооружения. Или нет? Не электрик я, сразу и не посчитаю....

Что-то еще...

Черт!

Не соображает башка, а ведь мысль где-то совсем рядышком!

Так.

Разложим все по полочкам.

Эта постройка явно не советского времени. Раз.

Точнее — не совсем современная, на вид этим подвалам лет пятнадцать, если не больше.

Сооружение ее велось не один год, и наполнялись тоннели по мере постройки. Их дорабатывали, укрепляли и расширяли. Это два.

Завозил грузы НКВД. И это три. Почему они, а не армия? А черт его

знает... тут тоже не все чисто.

Мины на подходах. Вообще из серии ненаучной фантастики. Не минировали так склады. Могли поставить парочку, но не более. А тут... Подобную схему многослойного минирования я даже и в наше-то время почти не встречал. Ладно уж, подходы заминировать, но чтобы еще и тоннели! Уже четыре.

Тоннели... Электросвет...

Так...

— Демин!

— Я, командир!

— Иди-ка сюда...

Минную сеть мы нашли через час.

При включении света напряжение подавалось и на систему взрывания. Провода, внешне неотличимые от проводов освещения, уходили во все помещения. Часть из них скрывалась в распределительных коробках, некоторые провода вообще были никуда не подключены и висели на изоляторах, выставляя заизолированные концы. И во многих местах к этим проводам были подсоединены небольшие металлические коробки, издали похожие на распределительные. Вскрыв одну из них, мы нашли там три двухсотграммовые тротилловые шашки. Отыскался также и рубильник, который выключал всю эту сеть.

Вот теперь — все! Размыкаю рубильник и устало сажусь на пол. Отходяняк... Водки бы тяпнуть...

— Ну что, командир, — включаем? — Лацис вытер руки куском ветоши. — Вроде бы работает все...

— Давай!

Негромко затарахтел движок.

Лацис еще раз осмотрел генератор и решительно перевел рычаг. Движок слегка сбавил обороты. На щитке загорелись лампочки. Поворот выключателя...

Под потолком загорелись тусклые лампы. Двигатель заработал увереннее, и лампы стали понемногу разгораться.

Только теперь мне удастся разглядеть весь тоннель, и я еще раз убеждаюсь в мысли, что тут что-то не так.

— О, гляди-ка — телефон! — восклицает Гришанков.

Действительно, в небольшой нише стоит обыкновенный полевой телефон. Раньше сюда падала тень, и аппарат был совершенно незаметен. Это куда же по нему звонить собирались, интересно знать? На посты, что

ли?

Не успеваю я додумать эту мысль, как Гришанков берет в руку трубку и крутит ручку на боку телефонного аппарата. Подносит трубку к уху.

— Алло! — важно говорит он.

Бойцы хохочут — уж больно у него несуразный вид. Перепачканный маслом, в затасканной гимнастерке и с закатанными рукавами Олег менее всего выглядит серьезным персонажем.

— Ладно, хорош хохмить! — говорю ему я. — Положи трубку да гимнастерку себе отыщи получше. Кстати говоря, это всех касается!

Он протягивает руку, чтобы положить трубку на место, и в этот момент мембрана телефона издает какой-то звук. Что-то трещит, и незнакомый голос произносит.

— Да! Кто это говорит?

— Герр гауптман! Прибыл обер-лейтенант Леман.

— Отлично! — Кранц поднял голову от бумаг. — Зовите.

В приоткрывшуюся дверь вошел обер-лейтенант. Его форма выглядела явно не лучшим образом. Камуфлированная куртка была вымазана смолой.

— Иоганн! Ты словно из леса вылез только что! Что с тобой? Сколько я тебя помню — ты даже и там ухитряешься выглядеть аккуратно.

— Извините, герр гауптман, я очень спешил к вам, вот и не успел сменить одежду.

— Ничего страшного, Иоганн. Вилли! — окликнул гауптман своего секретаря. — Примите у обер-лейтенанта его куртку и приведите ее в должный вид. Распорядитесь, чтобы нам накрыли стол, ты не возражаешь, Иоганн?

— Буду очень вам обязан, герр гауптман. С утра во рту ни крошки...

Кранц покачал головой.

— Дружище, я все понимаю! Сам был таким в молодости. Азарт, чувство охотника — все так! Но о себе забывать все же не следует... держите!

Гауптман достал из шкафа бутылку коньяка, две рюмки. Поставил рюмку перед гостем и плеснул в нее коньяка.

— Это французский! Настоящий «Камю»!

— Благодарю вас... — Леман медленно и с видимым наслаждением выпил. — Хорошо... даже на душе потеплело.

— Держите еще. Чуть позже я угощу вас кофе. Но только после того, как вы пообедаете!

— Слушаюсь, герр гауптман.

— Я вижу, что вы прямо вне себя от нетерпения. Так и быть — рассказывайте!

— Мы проверили лес, русские действительно базируются в указанном квадрате. У них есть даже пушки!

— Вот как?

— Не знаю, что там говорил ваш перебежчик, но с вооружением у них все в порядке. Я не видел ни одного безоружного человека.

— Хм... печально... это может стать проблемой. Сколько их там?

— Трудно сказать... но не менее трехсот человек.

— Так. Понятно. А Особый отдел, их вы нашли?

— Там есть один человек в похожей форме. По описанию он похож на этого... старшего лейтенанта-особиста, как его описывал ваш перебежчик.

— Хорошо!

— А вот других людей в аналогичной форме там нет!

— Даже так... Успели уйти? Или они где-то в другом месте?

— Примерно так я и подумал. Мы продолжили наши поиски. И в итоге все-таки отыскали всех остальных!

— И где же они?

— В монастыре.

— Пожалуйста, Иоганн, поподробнее. Этот монастырь был проверен нашими солдатами, и там никого не нашли.

— Ничего удивительного. Мы тоже там никого не нашли. Монастырь пуст.

— То есть?

— В самом монастыре никого нет. Тем не менее туда регулярно прибывают связные, и оттуда выходят люди. На колокольне располагается наблюдательный пост. Однако, когда мы вошли на территорию монастыря, там не было никаких признаков жизни. Все здания покинуты, и в них давно уже никого не было. Колокольня тоже оказалась пуста, хотя следы сапог мы все же обнаружили.

— Так, где же они там сидят?

— Вот это нам и предстоит установить.

— Хм... — гауптман встал и прошелся по комнате. — Иоганн, то, что вы мне рассказали, чрезвычайно интересно! Я просто нюхом чую крупную рыбу! Тут что-то нечисто, в этом вашем монастыре. Мне довелось прочитать рапорт офицера, командовавшего проверкой этого объекта. Так вот, он пишет примерно то же самое. Монастырь пуст и давно заброшен.

— Все так.

— А вот и нет! Его солдаты отыскали там несколько пустых катушек

из-под телефонного провода.

— Ну и что? Мало ли их повсюду валяется?

— Возможно. Но согласитесь, Иоганн, что пустые катушки на передовой или в тридцати километрах от ближайшего населенного пункта — это разные вещи.

— Не спорю, герр гауптман. Но их могли и просто выбросить за ненадобностью.

— И для этого поехали за тридцать километров в густой лес? Другого места не нашлось?

— Да... — задумчиво повертел в руках пустую рюмку обер-лейтенант. — Жаль, что я про это не знал...

— Отчего же?

— Мы бы там перевернули все вверх дном!

— И я не имел бы удовольствия с вами беседовать...

— Отчего же?

— А вы забыли про триста русских солдат между вами и мной? При необходимости они быстро блокируют дорогу, и ваш взвод будет отрезан. Это единственная дорога к монастырю. Обитатели этого загадочного места связали бы вас боем, а подоспевшие солдаты ударили вам в спину. Вот отчего они и стоят именно в этом месте!

— Боевое охранение?

— Из трехсот человек? Вы хоть представляете, что же они там охраняют?

— Сложно сказать...

— Там есть нечто, очень для них важное. К сожалению, нам пока мало что об этом известно. Но тем не менее работу надо делать, и времени у нас с вами немного. Сколько вам нужно на подготовку к следующему выходу в лес?

— Сутки. Это минимальный срок, герр гауптман.

— Даю двое суток. Достаточно?

— Более чем, герр гауптман!

— Очень хорошо. Я сообщу руководству о начале операции. Ваша задача — перехватить одного из курьеров, которые идут в монастырь. Полагаю, у вас имеются специалисты, способные развязать ему язык?

— Разумеется!

— И помните, Иоганн, сейчас, — Кранц особо подчеркнул это слово, — мне нужно знать только одно — где скрываются русские чекисты. Не пытайтесь их штурмовать, они могут снова уйти в лес. Для этого мы подготовим роту гауптмана Крамера, у них есть опыт взятия зданий и

укреплений. Усилю ее огнеметчиками. Они будут находиться в полной боевой готовности и выступят вам на помощь по первому же сигналу. Одновременно я передам данные о местонахождении русских солдат в комендатуру. В конечном итоге — это не дело военной разведки. Гонять окруженцев должны подразделения охраны тыла. Вот пусть они и занимаются своими прямыми обязанностями. Заодно скуют боем этих русских, чтобы они не ударили вам в спину.

— А отчего бы не накрыть их лагерь авиацией? Мы могли бы обеспечить наводку...

— Увы, но полной гарантии уничтожения это не даст! Хотя, безусловно, мысль правильная, подумаю и над этим...

РАДИОГРАММА

Оперуполномоченному Особого отдела ... стрелковой дивизии капитану Таврову.

С получением сего приказываю немедленно прибыть в Особый отдел армии. Все материалы, касающиеся выхода из вражеского тыла капитана Майбороды, доложить мне лично.

Начальник Особого отдела ... армии полковник Ляхов.

— Товарищ полковник, прибыл капитан Тавров.

— Добро! Заберите эти документы и передайте их в канцелярию. А вот это дело — на доработку, мне непонятно, как Марков пришел к таким выводам. Пусть обоснует — и ко мне на доклад! Давайте сюда капитана.

Прикрыв за собою дверь, Тавров сделал несколько шагов вперед.

— Товарищ полковник, оперуполномоченный Особого отдела...

— Вольно, капитан! Присаживайся. Вот сюда, сбоку. Материалы привез?

— Так точно, — Тавров положил на стол тонкую папку.

— Так... — хозяин кабинета развязал завязки. — Посмотрим... что тут у нас. Рапорт твой, копия — ну, это я читал уже. Рапорт лейтенанта Никулина. Кто это такой? А, разведчик... Рапорт военврача... так... угу... Список вещей... Понятно! Сам что можешь сказать по этому поводу?

— На следующую ночь по моему приказу разведчики принесли с нейтральной полосы тела еще трех бойцов из числа сопровождавших капитана. Вот их документы. — Капитан выложил на стол несколько

красноармейских книжек. — Более ничего интересного нами не обнаружено.

— Угу... ты разговаривал с Майбородой наедине. Какое впечатление сложилось лично у тебя?

— Он боялся не успеть. Потому так и торопился все мне рассказать. Мне показалось, что он... как бы это сказать... оглядывается.

— То есть?

— Ну... вроде как подсказывал ему кто-то... как вам это объяснить. Возможно, что он сам не был полностью уверен в некоторых вещах. Наверняка. У него были какие-то свои соображения по этому поводу. Я так понимаю, что они столкнулись с чем-то, что и сами понять не смогли.

— Интересно... — Полковник оторвал взгляд от документов и внимательно посмотрел на Таврова. — И кто же, по-твоему, мог ему подсказывать?

— Ну... я, возможно, неверно выразился, не подсказывал, конечно. Капитан изложил мне ту версию событий, которую ему было приказано передать руководству. Но кажется мне, что у него было и свое мнение по данному вопросу.

— Да... знать бы нам какое... Это все? Больше ничего не заметил?

— Нет, товарищ полковник. Больше ничего такого не заметил.

— Добро, капитан. Можешь быть свободным. О разговоре нашем никому ни слова...

Москва. Два дня спустя.

— Разрешите войти, товарищ комиссар?

— Входите, Игорь Николаевич, присаживайтесь! Давно вас жду!

— Прощу меня простить, но самолет совершал промежуточную посадку. Туман... Москва не принимала. Пришлось проторчать на том аэродроме около двух часов. Да и потом не сразу «добро» на вылет дали — немцы были в воздухе.

— Да, я уже в курсе ваших приключений. Ладно, проехали. Рассказывайте, что удалось выяснить по интересующему нас вопросу.

— В архивах моя группа ничего не нашла. Впрочем, это и неудивительно — их просто не успели целиком вывезти, поэтому вынуждены были уничтожить.

— Так!

— Нам удалось разыскать и опросить троих сотрудников районного

управления НКВД, которые работали там в это время. Они рассказывают любопытные вещи!

— А именно?

— Приблизительно в тридцать пятом — тридцать восьмом году в окрестностях указанного монастыря действительно проводились обширные работы. Для этой цели там был организован временный лагпункт. Его курировал кто-то из сотрудников центрального аппарата. Он же отвечал и за производство работ.

— Кто именно?

— Неизвестно... Никто из них с этим сотрудником не пересекался и в лицо его не видел. Доступ в это место тщательно контролировался, местное население знало только то, что в лагере содержат особо опасных преступников. Так что желающих посмотреть на них поближе не было. В тридцать восьмом году работы были завершены, лагпункт расформирован, и его персонал был куда-то вывезен. Примерно полгода ничего не происходило.

— А потом?

— Потом... мы не знаем, когда именно, но в это место было направлено несколько автоколонн со снаряжением.

— С каким?

— Тут проще. Удалось найти часть документов на груз. Это продовольствие и боеприпасы.

— Кто подписывал эти бумаги?

— Старший майор Фрумкин Яков Валентинович.

— Так-так-так... Фрумкин, вы говорите? А ведь я его помню! Высокий такой, с залысинами... Да, точно, это он! И где он сейчас?

— Осужден в сороковом году за шпионаж. Приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

— Вот черт! Вы связи его проверили?

— За два дня? Он отвечал за формирование складов длительного заложения. И по роду своей деятельности общался просто-таки с громадным количеством людей. Как вы понимаете, товарищ комиссар, я просто физически не мог их проверить за это время...

— Досадно... Что еще удалось установить?

— По документам следует, что на некий объект в лесу была направлена рота связи. Для его оборудования и оснащения. Мы нашли документы об отпуске им продпайка. Из расчета на два месяца работы.

— Кто подписывал документы со стороны связистов?

— Старший лейтенант Кавгородний Виктор Петрович. Командир

отдельной роты связи Новгородского гарнизона.

— И где он сейчас?

— По имеющимся сведениям, рота была разгромлена три месяца назад. Сведениями о судьбе командира роты мы не располагаем...

— Час от часу не легче! То есть, если я вас правильно понял, мы даже толком и не знаем, где именно сидит майор Осадчий со своими людьми?

— Так точно, товарищ комиссар, не знаем. Известно, что это какой-то скрытый объект, но мы не знаем, что это и для чего он был предназначен. Есть сведения, что на нем имеются запасы снаряжения, но опять же — неясно, где именно они расположены.

— Хм... Значит, помочь Осадчему...

— Мы не можем.

— Пессимистично... Однако не будем торопиться. Вот что... подготовьте группу для выброски в тыл противника. Их задачей будет установление связи с Осадчим. Для этого включите в ее состав радиста. Согласуем действия по их прорыву, а заодно и выясним, что же такое там они отыскивали...

— Все настолько серьезно?

— Более чем, Игорь Николаевич! Мы проверили номер, который сообщил в своем донесении Майборода.

— Номер сопроводительного документа на...

— На металлический ящик. Да, именно на него. Капитан ошибся всего на одну цифру. Там не семерка, а единица. Такой документ действительно был.

— Был?

— Да. И подписан именно Меркуловым. Содержимое пакета относится к секретным сведениям государственной важности. Это касается разработок в военной области. Причем настолько секретных, что даже я не знаю, о чем таком там написано... Сами понимаете, что идти *туда*, — палец комиссара указал на потолок, — с подобными известиями, не имея данного пакета на руках...

Не успеваю я хоть что-то сказать, как Лацис с размаху бьет заводной рукояткой от генератора по телефонному аппарату.

Хрясь!

И осколки эбонита разлетаются во все стороны...

— Ты что?!

Он растерянно оглядывается по сторонам. Его сильные руки дрожат мелкой дрожью.

— Я... это... испугался я, командир... Как-то неожиданно все вышло... вот и...

Ребята переминаются с ноги на ногу. Они тоже сильно озадачены. Да и мне немного не по себе, честно говоря. «Пришел лесник и послал нас всех...» А что? Может быть, на том конце провода как раз «лесник» и сидит. За складом этим приглядывает. И ему наши здешние художества могут сильно не понравиться...

Присаживаюсь на корточки и рассматриваю осколки телефонного аппарата. Да... этот вертолет не полетит...

— Осмотрите склад. Может быть, тут есть еще один телефон?

Поиски результата не принесли. Телефонов тут больше не было.

— Ладно... черт с ним. Давайте-ка делом займемся.

Насколько я помню, сегодня второй день поисков. То есть завтра к нам может прибыть подкрепление. Придут ли они пешим ходом или их тоже подвезут? Если командование и в этот раз выделит автомобиль, то у нас есть чем его загрузить.

До наступления темноты таскаем к дороге ящики с тушенкой и консервами. Вскрыв бочку, вытаскиваем оттуда мешки с мукой и тоже уволакиваем это туда же. Ходим через нижнюю грузовую дверь по дну оврага, там удалось найти удобный выход вверх.

Часа через три команду отбой, и мы все валимся на землю. Снова хочется есть. После перекуса выставляю у дороги пост (заодно и за добром присмотрит) и гоню всех к складу. Задраиваем двери, сажаю у амбразуры Асановича и проваливаюсь в глубокий сон...

Разбудили меня уже под утро, как и приказывал.

Наскоро умываюсь водой из фляги и топаю к дороге.

Сыро, холодно и промозгло. Если бы не трофейный комбез — зубы уже выстукивали бы плясовую. Чаю бы горячего! Некогда...

Меняю на посту Шифрина — тот прямо-таки дрожит.

— Замерз?

— Есть малость...

— Там, во второй штольне, связка ватников лежит. Выбери себе по росту. А то долго эдак не проходишь. Шинель, как я вижу, тебя не очень-то согревает.

— Это оттого, что я не двигаюсь. Пост ведь... нельзя...

— За это тебе плюс! Жирный и основательный! А сейчас — дуй на склад! Поднимай спящих, пусть еду готовить начинают. Если наши через пару часов не приедут — отправим в лагерь связного, а лучше двух.

Шифрин уходит в лес.

Присаживаюсь под куст и прислушиваюсь к лесу.

Тихо...

Только ранние птицы время от времени подают голос. Над дорогой поднимается туман. Дальнего леса почти не видно, клочья тумана закрывают его от меня. В нем причудливо искажаются звуки, сразу и не понять, что же такого я услышал?

Примерно через час слышу какие-то посторонние звуки. Лязг, рокотание... Мотор?

Похоже...

Перебираюсь поближе к дороге.

Видимость значительно улучшилась, и теперь она просматривается метров на триста в обе стороны.

Проходит еще минута, и из-за поворота показывается грузовик.

Наш?

Да черт его разберет... все они на один лад...

Грузовик проскакивает мимо и, проехав еще метров сто, тормозит. Из кузова выбирают бойцы в нашей форме. Так, а вот этого я видел. Точно, наши приехали. Видать, совсем хреново со жратвой, если капитан сюда сразу десяток бойцов направил. Очень ему надо этот склад отыскать.

Хлопает дверь кабины, и на дорогу вылезает Нефедов. Он хмур и явно тоже хочет спать. Ладно, сейчас мы твою угрюмость-то развеем...

— Товарищ лейтенант! — приподнимаюсь я над краем кювета.

Защелкали затворы, и бойцы бросились врассыпную. Нефедов тоже сиганул за поваленное дерево.

— Это я, товарищ лейтенант, Котов!

Он выбирается на дорогу, пряча пистолет в кобуру.

— Здравия желаю, товарищ лейтенант!

— Здравствуйте, Котов. Как успехи? — спрашивает он усталым голосом.

— А вот сюда пройдите, покажу вам кое-чего...

Через пару минут он оцепенело стоит у приличной груды ящиков и зачем-то пытается их сосчитать.

— Да бросьте вы это дело, товарищ лейтенант! Я и так вам все скажу. Тут тридцать ящиков с тушенкой, по тридцать шесть банок в каждом. Десять ящиков с рыбными консервами, еще десяток ящиков с какими-то другими, я так и не понял, что в них запихано. Муки шесть мешков. Ну и по мелочи еще кое-что собрали...

— Откуда это? — присев на ящик, спрашивает Нефедов. Сняв фуражку, он вытирает враз вспотевший лоб рукавом.

— Склад...

— Нашли?!

— Да. Здоровый он, чертяка. Всю нашу часть кормить можно полгода, а то и больше.

— И что там, кроме этого?

— Честно говоря, даже еще и не все осмотрели, товарищ лейтенант. Вы распорядитесь, пускай бойцы погрузку начинают да в лагерь добро везут. А я вас провожу, посмотрите сами...

РАДИОГРАММА

Садовнику.

Противник готовит группу для выброски в район Неболчи. Целью группы является установление связи с остатками разбитых частей, которые предположительно скрываются в лесах возле какого-то монастыря. Предполагаемое время вылета группы 2 часа ночи завтра.

Пилигрим.

Мои надежды на отдых не оправдались. Стоило только загрузить ящики в машину, как грузовик тут же стартанул в обратном направлении. В кузов залезло только двое бойцов, не в качестве грузчиков, а для охраны на пути в лагерь.

Наскоро перекусив, мы все вместе принялись таскать наверх продовольствие. Выкатили к дороге бочку с бензином на случай появления второго грузовика. Мало ли как все пойдет, а того бензина, что я приволок на броне танка, надолго не хватит. Перспектива же таскать весь этот груз вручную никого не радовала. За час успели поднять наверх столько продовольствия, что голод нашему отряду уже точно не грозил. После этого занялись оружием. Выкатили пушку и выволокли десяток ящиков со снарядами. Подняли к дороге полтора десятка ручных пулеметов.

Наши труды были прерваны появлением машин. Я оказался прав — пришли оба имевшихся в наличии грузовика. К одному тут же подцепили пушку и стали грузить снаряды. Вторую машину продолжили затаривать продовольствием. На грузовиках прибыли еще два десятка бойцов, которые немедленно начали обустраивать вокруг склада оборонительные позиции. Отогнав их подальше от собственно склада, лезу в штольни. Где-то там я

видел мины. Точно, невысокий штабель ящиков стоит у дальней стены. Беру в помощь Демина и троих бойцов посообразительнее, и начинаем засеивать противопехотками подступы к оврагу. Кстати говоря, надо будет тут еще и прежние сюрпризы на место присобачить — их явно не лопух ставил, лучше их тут и не поставишь нигде.

До наступления темноты грузовики успевают сделать еще по три рейса. Дальше уже стремно. И так уже раскатывать на них в немецком тылу, пусть даже и в лесу, наглость несусветная! Хорошо еще, что фрицы дорогу не патрулируют...

Последним рейсом отбываем в лагерь. Нефедов остается на складе — он теперь комендант этого объекта. Под его началом почти сорок человек. Орудие и три миномета. Да еще и пулеметов в цепь подали почти десяток. С наскока их теперь не взять. А нам приказано возвращаться — свою задачу мы выполнили. Напоследок, пошуровав на складе, вооружаю всех своих бойцов еще и пистолетами. Набираем гранат, благо что тут их достаточно. Уже перед самым уходом вспоминаю, как дрожал поутру Шифрин, и прихватываю еще несколько теплых меховых жилетов. Теперь мерзнуть на постах ребята не будут.

Подпрыгивая на ящиках, вглядываемся в темноту. Хотя и лес, но ведь как-то же погибали наши группы, которые выходили из лагеря раньше? Не надо думать, что немец так уж и боится леса. Есть у них грамотные спецы, они в лесу ничуть не хуже меня себя чувствуют.

На подъезде к лагерю нас окликают. Водитель останавливает машину и, приоткрыв дверь, спрыгивает на дорогу.

В кустах секрет. Я помню его раньше, и мне приятно видеть, что бойцы уже обзавелись ручником, да и выглядят повеселее. Небось покормить всех успели, то-то они и оживились.

Обмен паролями — и машина двигается дальше. Второй грузовик идет следом.

Вот и конечная точка.

К машинам кидаются бойцы и, подсвечивая себе фонариками (наше добро-то!), в темпе начинают освобождать кузова от содержимого. Надо полагать, грузовики не станут на ночь отгонять куда-то в лес, а оставят здесь. Чтобы с рассветом возобновить поездки. Разумно, я и сам поступил бы так же.

— Котов?

Оборачиваюсь.

Невысокий сержант стоит рядом с нами. В свете фонарика видны его знаки различия.

— Я, товарищ сержант!

— Отправляйте своих бойцов отдыхать, а вас ждет капитан.

— Есть!

Оборачиваюсь к своей команде и в двух словах разъясняю им обстановку.

— На кухню, перекус — и на бок! Утром сызнава бегать начнем. Ежели командование еще чего-нибудь не придумает...

В командирской землянке меня дожидался не только капитан. Невозмутимый Хворостинин сидел сбоку и сосредоточенно чинил карандаш.

— Товарищ капитан! Боец Котов явился по вашему приказанию!

— Вольно, Котов! Ну, честно тебе скажу — не ожидал! Ты не первый уже, кто в тех краях ходит. Да вот только у прочих все как-то боком вылезало... А тут... Два дня — и нате вам! Дело прошлое, но скажу тебе, что продовольствия у нас оставалось всего на трое суток! Вот и думай теперь...

— Да... — чешу рукой в затылке. — Надо же... я и не знал, что все так плохо-то.

— Уж невесело, можешь мне поверить! Но теперь-то мы на ноги встанем! Давай рассказывай, что там у вас было да как...

Рассказываю подробно, не торопясь. В процессе этого нам принесли чаю и даже поесть кое-что организовали. В основном для меня.

Кондратьев и особист есть не стали, хотя на чай налегали основательно.

— Так, — подвел итог моим рассказам капитан. — Значит, склад был заминирован, и кто-то за ним смотрел...

— И сейчас смотрит! Помните, товарищ капитан, я про телефон говорил? Он же работал! И кто-то на другом его конце сидит! Так что, с моей колокольни глядя, должен он туда вскорости и пожаловать...

Капитан смотрит на Хворостинина.

— Так тоже может быть, Котов, — кивает головой особист. — Оттого и охрана вокруг склада стоит. Мало ли... Вдруг туда еще один вход есть?

— Ну... не знаю, товарищ старший лейтенант. Может быть, конечно, мы ж там не все еще осмотреть успели. Так... по верхам прошлись...

Особист хмыкает.

— Я уж вижу! Бойцов придели, вооружили.

— Так все равно ж всего нам не унести! А так еще ходить долго предстоит. Когда теперь подобная возможность будет? У нашего-то

старшины... зимой снега не враз получить выйдет!

— На то он и старшина! — веско возражает особист. — Вы мне вот что скажите, Котов, склад этот, по-вашему, для чего тут заложен?

— То есть?

— То и есть. Этот склад на чьи нужды закладывался? Для армии или... еще для кого?

— Не знаю, товарищ старший лейтенант, про кого вы там думаете, но склад точно армейский!

— Почему?

Лезу в вещмешок (кстати, тоже новый, на складе позаимствованный) и вынимаю оттуда банку.

— Вот!

Командиры удивленно на нее смотрят.

— Что это? — наконец спрашивает меня особист.

— Вакса! Сапоги чистить.

— И что?

— Много у нас тут народу с начищенными сапогами ходит?

— Да... немного совсем. Да и те в основном травой обходятся.

— Вот именно! Не до красоты им сейчас. Да и кто во вражеском тылу будет в блестящих сапогах расхаживать? А когда часть в обороне стоит... тогда и на это смотрят уже повнимательнее.

— Надо же... — удивляется капитан. — Глазастый ты, Котов! Я бы и то не сразу на это внимание обратил. Ишь ты — вакса!

— Разумно, — кивает головой Хворостинин. — Не лишено логики. Действительно, диверсантам вакса ни к чему, да и пушки им не нужны. А вы, Котов, действительно умеете замечать подобные мелочи.

Они оба переглядываются, словно продолжая какой-то мне неизвестный спор.

С дрогнувшей ветки обрушилась обильная капель, и лежащий на земле человек втянул голову в плечи.

— Черт!

— Что там у тебя? — Лежавший в пяти метрах от него командир повернул голову.

— Да роса за шиворот попала...

Командир хмыкнул и снова поднес к глазам бинокль, осматривая лежащее впереди поле. Чисто... и тихо. Это не вызвало бы удивления, если не учитывать тот факт, что сразу за полем виднелось несколько домиков. Насколько было ему известно, домики эти вполне себе обитаемы и люди

там присутствовали. Ну, во всяком случае, они там жили раньше. До того, как сюда пришли немцы.

А сейчас... сейчас в домиках не было никаких признаков жизни. Не слышалось людских голосов, не лаяли собаки, и не кудахтали куры. Дома выглядели целыми и обитаемыми. И это-то и являлось самым странным. Ну ладно, люди могли и затаиться по каким-либо причинам. А куры и собаки? Им кто и, главное, каким образом глотки позатыкал?

Вот уже три часа лежали тут разведчики, высматривая малейшие признаки опасности. Казалось бы, за каким рожном сдалась именно эта деревушка? Пройти мимо, и бог с ней, с молчащей по неведомым причинам живностью! Но пройти мимо было весьма и весьма непросто. Край деревни упирался в речку. Не очень глубокая и быстрая, она тем не менее являлась серьезным препятствием из-за заболоченных берегов. А обход с другой стороны...

Именно оттуда и вырвалась недавно сильно поредевшая группа. Пришлось сделать изрядный крюк по лесу и залезть в болото, чтобы, наконец, стряхнуть с хвоста надоедливых «сопровождающих».

Все не задалось с самого начала.

Еще в воздухе парашютисты были обстреляны с земли и понесли первые потери. Первыми же пулями убило одного из двух радистов. Его парашют, более никем не контролируемый, начало сносить куда-то в сторону. Следом за ним ранило еще одного из разведчиков. Положение слегка поправил сильный боковой ветер. Он утащил всех остальных в сторону и тем самым позволил уйти от убийственно точного огня с земли. Однако от погони не спас. Уходя от преследователей, группа потеряла еще двоих человек. И теперь уцелевшие разведчики лежали в кустах, выжидая удобного момента для броска через реку. Единственный мост находился как раз около деревушки. Миновать его никак не удавалось. Возврат назад? Туда, где остались товарищи, прикрывавшие отход? Их автоматы уже давно замолкли, и никаких признаков, свидетельствующих о том, что хоть кто-то из них еще жив, не было. Ждать здесь? Это ожидание не могло быть слишком долгим. Есть у немцев собаки или нет, но головы у них точно имеются. Стоило любому офицеру прикинуть маршруты возможного отхода уцелевших парашютистов... и в деревне появились бы посты фрицев. Да и просто мост перекрыть — уже достаточно. Пара взводов прочесала бы лес... И все...

— Что скажешь, старшой? — Сержант Демидов повернул голову к командиру. — Ребят уже давно не слышно, значит, немцы сбили заслон. Еще час-другой... и они выйдут сюда.

— Не пойму я что-то здесь... Дома целые, не брошены. Стало быть, люди в деревне есть, по крайней мере — были. Но вот тихо как-то слишком...

Старший лейтенант Обручев оглядел своих бойцов. Крепкий и коренастый Демидов. Юркий и проворный Лемешев. Молчаливый радист сержант Никулин. И он сам, четвертый и последний член разведгруппы. Все остальные теперь там, на месте приземления, в мокром и холодном осеннем лесу. Расстрелянные в воздухе и оставшиеся прикрывать отход уцелевших.

Группу ждали, теперь в этом не было никаких сомнений. Ловушка? Похоже, что так...

— Никулин! Радио в Центр! Сообщи коротко. Попал в засаду, группу ждали на месте высадки. Потери — половина личного состава, один радист. Пытаюсь оторваться от преследования. Все.

— Понял, командир. — Радист зашуршал вещмешком, вытаскивая из него радиостанцию.

— Лемешев! Топай к берегу и там занывайся как следует. В деревню с нами не идешь. Твоя задача — уцелеть. Что бы с нами ни происходило — не высывайся! Это приказ! Независимо от нас ты должен пробиться в район монастыря. Где-то там базируются сотрудники Особого отдела... дивизии. Командует ими майор Осадчий. Скажешь — мы шли к нему на связь. О нем знают на Большой земле и ждут их там. Демидов, укроешь Лемешева и дорожку табаком засыпь! Посмотри, чтобы следов не было.

Разведчики тенью скользнули в кусты.

Обручев снова поднес к глазам бинокль.

Тихо...

Никаких движений в деревне не было.

Стоп!

На том берегу обозначилось какое-то движение.

Из леса, чихая мотором, вырулил мотоцикл.

Один?

Пока один.

Он не торопясь въехал на мост, пересек реку и вкатил в деревню. Повернул и, подъехав к одному из домов, заглушил мотор. Мотоциклистов имелось трое. Один из них потянулся, разминая затекшие мышцы, и, перехватив поудобнее автомат, зашагал к выезду из деревни. Водитель мотоцикла присел на корточки у заднего колеса. Третий фриц, сняв с коляски пулемет, установил его на штабель бревен около дороги, после чего присоединился к водителю.

Пост.

Немцы выставили пост у моста.

Значит, скоро здесь будут и остальные. И тогда прочесывания леса не избежать...

Шурша травой, подполз Никулин.

— Готово, командир. Центр принял и выдал квитанцию.

— Слушай сюда. Мы с Демидовым выдвигаемся к деревне. Немца видишь?

— Вижу.

— Он на дорогу смотрит, мост оттуда не виден. Остальные фрицы в мотоцикле копаются, им тем более не до того. Да и этот больше пугает, чем службу тащит. Мол, много нас тут, лучше и не суйтесь. И что из этого следует?

— За ними еще кто-то едет.

— Точно. Вот потому они на мост и не глядят, знают, что там свои на подходе. Так что есть у нас единственный шанс — проскочить на тот берег сейчас, пока их тут мало.

— Понял.

— Тогда делаем так. Демидов!

— Я!

— Сарай видишь?

— Тот, что у околицы стоит? Вижу.

— Твоя позиция там. Фрица этого пасешь. Мы с Никулиным двигаем к мосту. Постараемся пройти тихо. Если все же нас засекут — отвлечешь фрицев. А я с другой стороны ударю. Лишь бы Никулин на ту сторону прошел. Ну а как прорвемся мы на ту сторону — действуй по обстановке. Сможешь уйти за нами — двигай, мы тебя с того берега прикроем. Все понял?

— Сделаю, командир! Будь спок!

— Тогда двинулись. Ты первый, Никулин за тобой в десяти метрах. Я замыкающий. До сарая доходим, выдвигаюсь вперед, радист позади. Дистанция та же. Пошли!

Три темные фигуры скользнули в траву. Не дрогнула ни одна ветка на кустах, только слегка заколыхались потревоженные травинки.

Полтора метра до околицы группа преодолела относительно легко. Часовой этот участок проглядывал лишь иногда, когда доходил до края плетня, окаймлявшего крайний огород. В этот момент разведчики замирали в траве.

Вот и первый рубеж.

Демидов перехватил автомат и осторожно выглянул из-за угла. Мотоциклисты все еще возились с техникой, было слышно, как они звенели инструментами. Часовой на некоторое время задержался у поворота, разглядывая что-то под ногами. Потом снял каску и, вытерев лоб, надел ее обратно. Снова зашагал по привычному маршруту.

— Все в норме, старшой.

— Добро.

Обручев прикинул расстояние до следующего укрытия. Метров тридцать, незаметно не пробежать. Ползком? Другого варианта нет.

— Никулин! Доползу до той избы, махну тебе рукой. До этого сиди здесь. Мало ли что...

Старший лейтенант пополз вперед. Хреново... место почти открытое, вся надежда на увядающую траву. Хорошо еще, что ее тут не успели скосить. Нет, повезло... проскочил... Ф-ф-у... отдышимся...

Вот рядом и стена дома. Почерневшие от времени бревна были чуть влажными, время от времени шел дождь, и просохнуть они просто не успевали.

Так... обзор отсюда получше... что там, у моста? Ничего. В смысле, что ничего особенного. Кроме отпечатков шин мотоцикла на песке, других следов не имеется. Ладно, значит, можно двигать дальше.

Взмах рукой — и радист скользнул в траву.

Теперь смотрим. По сторонам глядим, мало ли... Нет, похоже, обошлось. Немец все так же неторопливо ходит поперек дороги. Закурил... Это фельдфебеля рядом нет, он-то тебе враз напомнил бы некоторые аспекты несения караульной службы. Курит... Значит, нет никого рядом, некому промеж ухов ему вломить. Очень хорошо, это есть гут!

Вот и радист дополз. Дышит тяжело, еще бы, ему ведь рацию тащить да батареи запасные. Чай, не пушинку в мешке носит...

— Ты как?

— В норме, командир.

— Смотри сюда. Вон, колодец видишь?

— Вижу.

— Тем же порядком ползем туда. Потом вот та хибара, и уже от нее — бросок на мост. Готов?

— Готов.

— За фрицами следи. — И командир ужом нырнул в траву.

Метр, еще один...

Половина пути уже за спиной.

Запах пороха?
Не понял...
Это еще откуда?
Быстрый взгляд по сторонам.
Вперед?
Нет, ослаб запашок. Где-то совсем рядом...
Вот!
На земле лежала пистолетная гильза.
Подумаешь... их тут в округе столько небось лежит...
Но эта — свежая, чистая. Стало быть, стреляли недавно, еще силен запах пороха.

В деревне нет людей?
Может быть, оттого-то и нет?
Убили? Угнали?
Зачем? Куда? Кому они мешали?
Что делать? Уходить в лес? Назад, под пули преследователей?
Нет.
Нельзя это делать, тогда выходит, что ребята погибли зря, оттого что их командир испугался стреляной гильзы?

До колодца десять метров...
Ползем вперед...
Рука коснулась бревен сруба. На месте... где ребята?
Вон уже ползет радист.
Пока он подползает, оглядимся по сторонам.
Окна домов... раскрыты. Почему?
Те, что смотрят на лес, закрыты, и даже занавески задернуты. А здесь... занавески на местах, но вот сами окна открыты, хотя и не все. Забыли закрыть?

Странная забывчивость, избирательная какая-то...

— Никулин! Окна видишь?

— Вижу.

— Те, что незакрытые.

— Где это... ага!

— Смотри за ними. Я — к сараю.

Еще десяток метров. Останавливаемся и смотрим. Тихо, только звенят инструментами мотоциклисты. Странно, уже давно можно было бы все сделать, у них там что, полмотоцикла рассыпалось, что ли?

Вот и сарай.

Обручев привалился к стене. Надо перевести дух. И так уже почти сотню метров прополз, да и до моста еще почти столько же.

Эх, закурить бы...

Запах табачного дыма почувствовался так явственно!

Почудился?

Ага, щас!

А что поднимается из щели между бревнами? Дымок?

В сарае кто-то курит?

А в деревне нет людей... и на траве лежит свежая стреляная гильза...

Что-то изменилось в воздухе.

Что именно?

Немцы перестали звенеть железяками...

Очередь!

Вторая!

Это стреляет Демидов!

В сарае затопали ногами, загомонили.

Команда на немецком языке! Там фрицы! Это засада!

Выхватив гранту, Обручев сделал шаг вбок.

Вот тут окошко небольшое... туда ее и определим...

В сарае бухнуло, и за стеной заорали по-немецки. Ага! Не любят...

Из дома напротив грохнули выстрелы. В открытых окошках появились винтовочные стволы. Правильно, оттого их и не закрыли, чтобы времени даром не терять. Сбоку затрещал автомат Никулина, и на землю, бухнув прикладом, выпала из окна винтовка.

— К мосту давай! — крикнул старший лейтенант. — Его эти фрицы, что в сарае сидели, перекрыть должны были! Не до того им сейчас! Давай, уходи, я прикрою!

— А ты, старшой?

— Двигай!

Очередь, еще... Ага, попрятались! Не по нутру им такое.

Снова автомат Демидова. Стало быть, жив еще сержант. Это хорошо, даже очень здорово. Позиция у него там удобная, во фланг немцам стрелять может.

Глядишь, еще и вырвемся. Вон Никулин уже у моста. По нему стреляют, видно, как пули поднимают фонтанчики земли. Ничего, сейчас мы этим стрелкам бяку сделаем... Отстрелянный диск упал на траву. Однако стрелки попрятались. Снова ожил дом напротив. Ничего, ребятки,

про вас тоже не забыли... Звякнули остатки выбиваемых пулями стекол, и винтовки опять скрылись.

А, если...

До дома метров пятьдесят...

Рискнем!

Черт, как страшновато бежать прямо на распахнутые окна, в которых, того и гляди, снова появятся стрелки. Одна надежда, что не ждут они подобной наглости.

До дома осталось метров пятнадцать, пора!

Взмах рукой, и граната влетает в открытое окно...

Хренак!

Окна окутались дымом, и там сразу завопили раненые фрицы.

То-то же!

Словно палкой ударили под колено!

Нога на бегу подломилась, и Обручев с размаху упал на землю. Автомат при падении выскочил из рук и отлетел в сторону.

Все... отбегался.

Демидов уже не стреляет...

Через мост бежит Никулин, ему осталось всего ничего, каких-то пятнадцать метров. А там уже кусты, успеет...

Теперь надо подобрать оружие. Старший лейтенант перевернулся на бок. Где автомат? Вон он, совсем рядом.

Но стоило только шевельнуться, пытаюсь продвинуться в ту сторону, как между ним и оружием пробежали фонтанчики земли. Невидимый стрелок предупреждал — туда не надо! Очереди прочертили по земле и сбоку. Черт! Они просто выманивали нас на открытое место! Подставили этих стрелков... вот мы и купились! Обручев опустил голову...

Ну, вот уж хрен!

Так просто фрицам разведчика не взять!

А по Никулину уже не стреляют... ушел?

До спасительных кустов оставалось всего несколько шагов, как вдруг из них разом выскочило около десятка немецких солдат. Радист, не успевая затормозить, вскинул автомат, и трое передних немцев рухнули на землю. В ту же секунду со стороны солдат хлопнул выстрел, и правая рука Никулина повисла плетью. Автомат брякнулся на песок, и немцы бросились на радиста. Тот в последний момент сумел-таки изменить направление движения и прыгнул вниз, к реке. Но спасти его уже ничего не могло — из кустов выскочило еще человек пять фрицев. Такой кодлой они его спеленают как младенца...

Бу-бух!

Это Никулин. Только у него к гранате еще и толовая шашка присобачена... Успел радист...

А теперь и мне пора.

Обручев поднял голову.

От сараев и со стороны домов шли немцы. Много, не менее полутора десятков. Идут не все, вон двое со снайперскими винтовками заняли позиции и внимательно отслеживали каждое движение разведчика.

Так это не просто случайные фрицы?

Эта засада ставилась специально?

И вся эта шумиха в лесу... нас просто загоняли именно в это место?

Похоже, что так.

Ну что ж... выход остался только один.

Пистолет?

Не успеть, снайперы стерегут каждое движение, стоит только дернуть рукой... Насмерть валить не станут, а вот руки-ноги поуродуют. Нет уж! Хватит и левой ноги.

По этой же причине отпадает и граната, достать быстро просто не сумеет, а итог будет тот же. Что остается?

Ждать.

Ждать, когда подошедшие фрицы закроют от своих снайперов. Правда, и тут есть риск, и риск немалый. Можно просто не успеть ничего сделать — эти же подошедшие и спеленают как куклу, за пару-тройку секунд.

Все эти мысли пронеслись в голове старшего лейтенанта за какие-то секунды — немцы не прошли еще и пяти метров. Внешне это никак на нем не отразилось, только побелели костяшки пальцев на сжатых кулаках.

Не доходя метров пяти, солдаты остановились.

«Плохо!» — пронеслась мысль в голове разведчика. Немцы стояли так, чтобы не перекрывать цель своим стрелкам.

Раздвинув цепь, вперед вышел стройный фриц в камуфляжной форме.

— Я надеюсь, у вас достаточно хорошо работает голова? И вы не станете совершать необдуманных поступков? — русский язык немца был безукоризненным.

— Не понял вас... — хриплым голосом произнес Обручев.

— Все вы прекрасно поняли! Я имею в виду, что любые ваши попытки нанести урон мне и моим солдатам будут быстро... и весьма нелюбезным образом пресечены моими стрелками. Расстояние здесь небольшое, и они смогут попасть туда, куда захотят.

«Так, сказал только про стрелков. Значит ли это, что все прочие имеют

другую задачу? И не должны меня фиксировать при признаках опасности? Необязательно... хотя попусту рисковать немец может и не захочет... Вон как солдаты стоят, у каждого рядом хоть какое-то, а укрытие есть! Стало быть, опасаются, что и я, как Никулин, гранату рвану... Это хорошо, на этом и сыграем...»

— Да. Я понял. Нет, мне хотелось бы еще пожить, — отрицательно качнул головою разведчик.

— Отлично! Мы умеем ценить храбрость солдата, и вам будет оказана медпомощь и все подобающие званию и положению знаки уважения. Разумеется, после того, как вы сложите оружие.

— Хорошо... я могу сесть?

— Ради бога! Только хотел бы еще раз предостеречь вас от необдуманных поступков. Имейте в виду, я заинтересован в том, чтобы вы были живы. А вот насчет степени здоровья... тут возможны самые широкие толкования... понимаете?

— Вполне.

«Сейчас я стану садиться... обопрусь на обе руки. В это время они смогут схватить меня за руки, и все. Не все... такого шанса давать нельзя. А отчего они не прыгнули сразу? Никулин! Спасибо тебе, ты и мертвый мне помог. Немцы опасаются такого же подвоха! И правильно делают, между нами говоря...» — лихорадочно прикидывал возможные варианты Обручев.

Левой рукой старший лейтенант расстегнул кобуру и, вытащив пистолет, бросил его к ногам ближайшего немца. Чуток не долетев, «ТТ» упал в небольшую лужицу.

— Это все?

— Нет. Есть еще граната. И нож.

Обручев оперся правой рукой о землю, приподнялся. Расстегнув пряжку ремня, уронил его на траву.

— Нож в ножнах. В подсумке лежит граната.

Левой же рукой он зацепил ремень и оттолкнул его в сторону.

— Надеюсь, ваши солдаты помогут мне встать? Я ранен в ногу и...

— Разумеется! — Немец явно приободрился, и голос его теперь был менее напряженным. — Капке! Вернер! Помогите... э-э-э...

— Лейтенант Рокотов.

— ... господину лейтенанту!

Закинув винтовки за спину, к разведчику подошли двое солдат.

«Теперь самое важное! Будут ли руки крутить? Ох, рискую... Хотя... оружие я бросил, даже ножа нет, да еще нога эта... не должны бы...»

Дюжие немцы зашли с боков и подхватили разведчика под руки. При этом обе они легли на плечи к помощникам.

«Не чухнулись! Все по плану... А снайпера меня сейчас уже не видят...»

Приподняв старшего лейтенанта, немцы разворачиваются к офицеру. Тот делает нетерпеливый жест рукой — ко мне!

Шаг, другой...

Внезапно здоровая правая нога Обручева подбивает под колено ногу правого немца. Тот не успевает никак среагировать и, потеряв равновесие, падает вбок, таща за собою старшего лейтенанта, а заодно и его левого конвоира-носильщика. По странному стечению обстоятельств зацепленный за подбородок левой рукой фриц летит при этом прямо на цепь солдат. А разведчик, повернувшись в падении, падает на правое колено. Стреляет болью раненая нога! Но в правой руке старшего лейтенанта уже зажат маленький «вальтер», ранее покоившийся в замшевой кобуре на груди. Пистолетик небольшой и под комбинезоном почти незаметен.

«Вот и все! В стволе патрон, в обойме еще шесть. Пять секунд жизни... Но и с собой кого-то можно прихватить! Офицер! Вбок сиганул, не достать... Но ведь есть еще и другие немцы!»

Поймав пулю в лицо, опрокинулся навзничь высокий немец с пулеметом. Второму прилетело в живот. Некстати завозившийся правый конвоир получил свинцовый подарок в затылок. Прочие фрицы почти мгновенно рухнули на землю, открывая цель своим снайперам.

«Эх, фрицы! На меня разом бы бросились — и крикнуть бы не успел! Офицер ваш виноват! Дал приказ — снайперам по мне работать, вот вы его и выполняете. А своя голова зачем? Вот еще один бежит... бежал... Не лежалось тебе, как всем прочим. Вот и снайпера открылись. Все? Да... Черт, но ведь как жить охота же!»

Рослый фельдфебель протянул руку офицеру, помогая ему подняться с земли.

— Спасибо, Лайнеманн. Право слово, не стоило вам сбивать меня с ног — я бы успел скрутить этого сумасшедшего.

— Как сказать, герр обер-лейтенант... — возразил тот. — Посмотрите на свою куртку...

— А что там такого необычного? — Офицер посмотрел на один бок, на другой. — Ого!

Левый бок куртки был распорот пулей так, что образовалась прореха длиной в несколько сантиметров.

— Пуля, герр обер-лейтенант, прошла по касательной, оттого и дырка такая получилась. Если бы я не успел вас оттолкнуть...

— То мы бы с вами сейчас не разговаривали... Благодарю вас, Лайнеманн! Я этого не забуду!

Сопровождаемый фельдфебелем офицер подошел к лежащему на земле разведчику. Вытащил у него из руки пистолет, оттянул затвор.

— У него еще оставался один патрон... да... кто бы мог подумать... он казался мне вполне здравомыслящим человеком.

— Русские, герр обер-лейтенант! От них всего можно ожидать.

— Да... пожалуй. Это будет нам всем уроком. Распорядитесь собрать оружие и вообще все, что будет обнаружено на телах русских диверсантов. Вызовите грузовики, пусть доставят наших раненых и погибших камрадов на станцию. Вилли! — окликнул офицер радиста. — Запроси у комендатуры подкрепление, нам надо прочесать лес.

— Вы полагаете, герр обер-лейтенант, что там еще кто-то есть? — повернулся к нему Лайнеманн.

— Совершенно точно в этом уверен.

— Но...

— Сколько было парашютов в воздухе?

— Семь.

— Одного мы подбили еще при приземлении — он так и остался висеть на дереве, вместе со своим парашютом. Еще двоих положили парни лейтенанта Крауса. Итого — трое. Да здесь мы видим троих. Где еще один?

— То есть эта группа, герр обер-лейтенант, просто отвлекала наше внимание от него?

— С радистом-то? Не думаю. Скорее всего, их командир, — кивнул на тело разведчика офицер, — просто оказался более предусмотрительным, чем мы полагали. Седьмой сейчас где-то спрятан. Надо полагать, Лайнеманн, что поисковая операция комендатуры результатов иметь не будет.

— А мы? Мы не будем принимать участие в этом?

— Не будем. Нам известна, пусть даже и приблизительно, конечная точка его маршрута — монастырь. Вот там его и дождемся. Это сейчас он будет настороже, а отойдя отсюда километров двадцать, успокоится. Вот тогда мы и возьмем его.

— Это не мое дело, герр обер-лейтенант, но отчего же тогда...

— Мы не взяли так всю группу? Вы это имеете в виду, фельдфебель?

— Именно так, герр обер-лейтенант!

— Для этого есть несколько причин. Во-первых, у нас не было, да и

сейчас нет твердой уверенности, что они пошли бы именно туда. Полученные сведения указывали нам место выброски группы, а вот о цели русских говорилось только предположительно. И только проанализировав маршрут их отхода, мы теперь можем быть уверены в точности полученных нами сведений. Ну и согласитесь, Лайнеманн, что взять их при приземлении было бы куда как удобнее, чем на марше в лесу. Если бы не этот ветер... Впрочем, есть и еще одна причина.

— Какая же, герр обер-лейтенант?

— А вы забыли про три сотни русских окруженцев, сидящих в лесу? Терять им уже нечего, и кто знает, не вышли бы они навстречу к этим диверсантам? Нас не так уж и много, чтобы в открытую сойтись с тремя сотнями голодных и оттого весьма злых русских солдат!

Стукнула входная дверь, и хозяин кабинета поднял глаза на вошедшего.

— А, Леман, это вы? Ну, как ваши успехи? Можете чем-нибудь порадовать старину Кранца?

— И да, и нет, герр гауптман.

— Интересно... Это как так?

— Русские действительно сбросили парашютистов в указанном месте.

— Так! А вы говорите — нечем радовать.

— Мы приготовили им достойный прием, но наши карты сильно попутал ветер — он стал сносить парашюты в сторону. Если бы эти снобы из комендатуры дали бы мне больше людей, то мы заранее оцепили бы большую площадь, и этот ветер не помешал бы нам так существенно. А так... — обер-лейтенант развел руками. — Их выносило за зону оцепления, парашютисты спускались прямо на лес. Так что у них были шансы уйти...

— От вас? Полноте, Йоганн, не преуменьшайте своих талантов! О вашей группе только что легенды не рассказывают! У вас одних только благодарностей от командования больше, чем у кого бы то ни было!

— И тем не менее, герр гауптман... такой шанс у них был. Я отдал приказ открыть огонь, и мы подстрелили парочку. Один, оказавшийся радистом, повис на сосне. К сожалению, он был убит. Второй же диверсант был только ранен и остался прикрывать отход остальных. Оставив лейтенанта Крауса с его увальнями из комендантской роты для подавления этого безумца и поиска прочих диверсантов, я с группой выдвинулся вот в это место, — палец Лемана указал точку на карте. — Было очевидно, что уцелевшие русские будут отходить сюда, другая дорога была перекрыта комендатурой. Здесь и вот тут болота, путь оставался только один.

Используя автомашины, мы значительно опережали русских. Так что время на подготовку засады имелось. Население из деревни мы выгнали на другую сторону реки и поставили нескольких солдат их охранять. Мало ли... еще заорал бы кто-нибудь в самый неподходящий момент. Даже кур пришлось передушить, чтобы они не демаскировали своим шумом моих ребят в этих сараях.

— Вы, как всегда, предусмотрительны, Иоганн! Узнаю выучку!

— Вы мне льстите, герр гауптман! Так или иначе, но мы еле успели до появления русских. Они спрятались в кустах и долгое время наблюдали за деревней. Что-то им не нравилось... Тогда я отправил троих парней изображать передовой патруль. Моя задумка была в том, что русские, увидев малочисленность патруля и его невнимательность, постараются их обойти и уйти по мосту на другой берег. Там-то мы их и ждали...

— И что?

— Они клюнули. Выползли из леса и двинулись к деревне. Наши снайпера засекли их уже у домов. Русские вошли в деревню и направились к мосту. И вот тут...

— Что случилось, Иоганн?

— Мотоциклисты были не мои, из комендантской роты. Я четко их проинструктировал — что бы ни происходило, это не ваше дело! У вас есть своя задача, ее и исполняйте! А они, увидев выдвижение моих бойцов, решили в этом поучаствовать! Схватили пулемет и бросились на помощь. И тогда русский диверсант, прикрывавший своего командира, срезал этих лопухов одной очередью! Ну и понеслось... Их радист бросился на мост и, увидев на своем пути моих ребят, взорвал себя гранатой. А вот командира мы ранили, и он поднял руки, сдаваясь в плен.

— И снова вы невеселы, Иоганн. Что-то пошло не так?

— Увы, герр гауптман... Это оказалось уловкой, он все рассчитал заранее. Русский видел снайперов и понимал, что раньше, чем он шевельнет хотя бы и пальцем, ему успеют его отстрелить. Он сдал оружие и попросил помощи, чтобы встать. А в последний момент выхватил спрятанный пистолет. Двоих солдат он убил. Еще двоих ранил, после чего застрелился и сам.

— Да-а-а... — Гауптман встал из-за стола. — Как говорят русские, незадача...

Обер-лейтенант тоже встал.

— Что у вас с курткой, Иоганн? То запачкали, теперь вот и вообще — разорвали?

— Это одна из пуль командира русских.

Гауптман обошел стол и приблизился к своему гостю.

— Не расстраивайтесь так, старина. Война... всякое бывает. Как вы смогли уцелеть?

— Фельдфебель Лайнеманн оттолкнул меня в сторону. Он сильно рисковал, ведь русский мог выстрелить и в него тоже.

— «Ворчун Лайнеманн»?

— Он самый, герр гауптман.

— Узнаю старика Макса! Он все так же быстр?

— Даст фору и более молодым парням!

— Вот что значит старая добрая школа! Я-то помню его еще молодым, когда он показывал нам, еще зеленым лейтенантам, премудрости рукопашного боя... Да-а-а... старая гвардия держит марку! Более двадцати лет в строю, а все так же в форме!

Гауптман покачал головой.

— Все же вам не стоит так рисковать, Иоганн. В вашем подразделении достаточно умелых бойцов, чтобы командир не лез под пули противника. Вы сами, да и все ваши солдаты слишком ценны для командования, чтобы ловить по лесам русских окруженцев.

— Простите, герр гауптман, — удивленно поднял брови обер-лейтенант, — но что тогда мы делаем здесь? Первоначально цель нашего прибытия сюда заключалась в стажировке солдат в условиях данной местности. Таковую мы провели в срок да и, по вашим словам, достигли в процессе этого немалых успехов. Я составил соответствующий рапорт руководству, вы ведь и сами его читали, но ответа нет до сих пор. Мы, разумеется, и дальше продолжим работу с полной отдачей, но не могли бы вы пояснить мне, чего следует ожидать дальше?

Я должен соответствующим образом проинструктировать личный состав, возможно, провести какие-то дополнительные тренировки...

— Иоганн, вы, несомненно, правы, — Кранц снова сел за стол. — Мне следовало начать этот разговор раньше. Тогда у вас просто не возникло бы некоторых вопросов. Ну, ничего, время у нас еще есть. Вот скажите мне, мой друг, не была ли для вас неожиданностью наша встреча здесь?

— Откровенно говоря, герр гауптман, была. Да еще какой! Встретить среди русских лесов одного из выдающихся мастеров тайной войны, признанного мастера оперативных комбинаций... Я-то полагал, что вы в Берлине, там, где ваше место. А тут...

— Отчего же вы не задали этот вопрос раньше? Мы знакомы не первый день, и уж кто-кто, а вы, Иоганн, могли бы вполне рассчитывать на мою откровенность.

— Простите, герр гауптман, но... могу ли я здесь говорить откровенно?

— Безусловно, можете.

— Видите ли, ваше внезапное преобразование из полковника абвера в гауптмана тыловых частей просто сбilo меня с толку. Я не знал... можно ли касаться некоторых тем и...

— Иными словами, мой друг, вы просто не поняли, во что, выражаясь по-русски, вы влипли?

— Да.

— Но ведь в полученном вами предписании было недвусмысленно указано, что по всем, я подчеркиваю, по всем, вопросам вы поступаете в мое распоряжение? Уже из этого можно было бы сделать вывод о том, что высшее руководство прекрасно осведомлено о том, куда и к кому направляется ваше подразделение.

— Да, герр оберст...

— Гауптман, Иоганн! Гауптман! Оберст Кранц сейчас в Берлине. А здесь присутствует гауптман Кранц, незаметный офицер службы тыла. И ваше подразделение не команда специального назначения, а взвод службы охраны тыла вермахта. И так продолжится до того времени, пока я не сочту нужным изменить это положение дел.

— Яволь, герр гауптман!

— Вот так, обер-лейтенант. И, дабы окончательно устранить все ваши сомнения, скажу. Мое место, Иоганн, не в Берлине. А там, где есть задача, требующая моего личного участия и руководства. Оттого здесь присутствуете и вы. Да и не только вы, тут есть еще много лиц, чье появление в истинном облике в настоящий момент преждевременно.

— Я понял, герр гауптман. Готов выполнить любое ваше приказание.

— Ну уж в этом-то я и не сомневался ни минуты! Однако, мой друг, вернемся к делу. Ваши потери в результате операции?

— Мои или общие?

— И те и другие.

— Убитыми мы потеряли четырнадцать человек. Из спецгруппы — шесть. Ранено семнадцать человек. Из состава спецгруппы — пятеро. Из них двое — тяжело.

— Плохо, обер-лейтенант! Плохо!

Леман вскочил и вытянулся по стойке смирно.

— Виноват, герр гауптман!

— Садитесь. Вы получите пополнение. Завтра же. Группа выпускников спецкурса прибудет в ваше распоряжение уже к обеду. Это

опытные солдаты, за их плечами не один бой. До получения приказа выход в лес отменяется. Учеба и тренировка, вы меня поняли?

— Яволь, герр гауптман!

— Далее. Ваше мнение о разведгруппе противника?

— Состав — семь человек. Два радиста. В результате операции уничтожено шестеро. Пять человек — наша работа, одного подстрелили солдаты комендантской роты. Один русский еще где-то скрывается. Ведется его поиск.

— Так. Ваши солдаты в этом принимают участие?

— Никак нет, герр гауптман! Таково было ваше указание.

— Хорошо. Местная полиция принимала участие в операции?

— Так точно! Мною было сделано замечание старшему полицейскому наряда.

— За что?

— Он произвел выстрел в воздух во время эвакуации населения из деревни. Это могло поставить под удар всю операцию.

— Замечание? Не узнаю вас, обер-лейтенант!

— Я дал ему по морде.

— Вот это уже ближе к истине, Иоганн! Правильно поступили! Как, по-вашему, можно ли рассчитывать на то, что полицейские будут молчать о характере проводимой операции?

— Откровенно говоря, герр гауптман, сомневаюсь. Это откровенный сброд. Не понимаю, как им вообще дали в руки оружие? Их место в тюрьме, да и то не все они этого достойны. Некоторых в рейхе просто расстреляли бы на месте.

— Значит, вы полагаете, они не будут молчать?

— Нет. Большинству из них свойственна повышенная болтливость и тяга к самовосхвалению.

— А вы их не любите, Иоганн?

— Не люблю. Да и за что их любить? Кажется, еще Чингисхан сказал, что щадящий предателя — сам будет предан.

— Да, ему приписывают данное высказывание. Увы, мой друг, пока мы в них нуждаемся...

Гауптман, встав из-за стола, сделал знак собеседнику оставаться на месте. Сам он подошел к окну. Приоткрыл форточку и вдохнул уличный воздух.

— Свежо... Скоро уже зима, холода...

— Вы полагаете, что это может стать проблемой, герр гауптман?

— Не может, а станет. И очень скоро мы все почувствуем это на своей

шкуре... Да... Однако я отвлекся. Значит, полицейские будут болтать, так, Иоганн?

— Будут. Моя бы воля, так лично расстрелял бы этих недоумков.

— Всему свое время, мой друг, всему свое время... Эта участь их рано или поздно, но настигнет. Помните ли вы знаменитое высказывание основателя нашей службы?

— Полковника Вальтера Николаи? Разумеется, помню.

— Напомните его мне.

— В разведке нет отбросов — есть кадры.

— А вторую его часть?

— Э-э-э...

— Кадры бывают хорошие и плохие. Работа со вторыми требует большей отдачи и ответственности. А полученный результат иногда превосходит все, даже самые смелые, ожидания...

Когда за обер-лейтенантом закрылась дверь, Кранц поднял трубку телефона.

— Вилли? Найди-ка гауптмана Хорста. Пусть зайдет.

Положив трубку, хозяин кабинета продолжил просмотр своих бумаг. Время от времени он делал пометки на полях и продолжал чтение.

— Разрешите?

Кранц поднял голову. Он совершенно не слышал ни стука двери, ни шагов вошедшего. А между тем это был весьма немаленький, хорошо сложенный мужчина. Мешковатый камуфляжный комбинезон скрывал очертания его фигуры, но по манере передвижения можно было понять, что это тренированный человек.

— Рад вас видеть, Хорст! — гауптман встал из-за стола навстречу вошедшему. — Вы, как всегда, появляетесь совершенно беззвучно. Как это у вас выходит? Поделились бы секретом со стариком, а?

— У меня в детстве был хороший учитель.

— Кто же это такой? И в каких войсках он служил?

— Мой домашний кот. К сожалению, их не принимают на военную службу...

— Не скажите, Генрих! Вот проклятые островитяне содержат у себя в Вестминстере целую команду котов!

— Не думаю, что их при этом используют в качестве солдат.

— Здесь вы правы... Но чему же вас научил этот домашний любимец?

— Хочешь поймать жертву — стань невидимым и неслышимым.

— Хм! Не лишено смысла! Именно эти качества мне и будут сейчас

особенно нужны!

— Слушаю вас, герр гауптман.

— Смотрите, — Кранц развернул на приставном столике карту. — Где-то здесь скрывается русский диверсант-парашютист. Сейчас там активно шумят солдаты комендантской роты. Не думаю, правда, что их ждет успех. Так вот, завтра в полдень они прекратят свои поиски.

Хорст выжидающе поднял глаза на гауптмана.

— И?

— И покинут район.

— Наша задача?

— Ваши снайперы, гауптман, займут позиции вот здесь, — палец Кранца указал несколько точек на карте. — К моменту ухода солдат вы должны будете быть на месте.

Командир группы снайперов посмотрел на карту.

— Сделаем.

— Я полагаю, что русский какое-то время будет сидеть в своем тайнике. Для того, чтобы он не ушел вот в этом направлении, там будет проводиться демонстрация. Стрельба в воздух, пара-тройка взрывов гранат... Пусть он думает, что сюда идти опасно.

— То есть вы оставляете ему только этот маршрут? Почему?

— Он должен прийти вот сюда.

— В монастырь?

— Или куда-то рядом с монастырем.

— Ясно.

— Так вот, мой друг, он не должен туда дойти. Один выстрел — и все! Никаких боев и стычек. Мне нужен только этот диверсант, всех прочих можете пропустить.

— Это и есть то задание, ради которого мы сидим здесь уже два месяца?

— Да, вы все мне были нужны именно ради этого выстрела.

— И кто же это такой, герр гауптман, что ради него одного оторвали от дел весь выпуск нашей школы? Да еще и во главе с начальником?

— Вы будете удивлены, Генрих, но я этого не знаю...

Утро выдалось на редкость неприятным. Холодный ветер нагибал верхушки деревьев, словно старался повалить их на землю. Направляясь на завтрак, я видел, как бойцы загружались в грузовики. Надо полагать, снова на склад. Опять за продовольствием? Скорее всего. Как много могли перевезти наши машины за вчерашний день? Учитывая три сотни голодных

ртов, никакое количество продовольствия здесь лишним не будет. А это что такое?

В кузов машины подали несколько знакомых коробок. Телефоны...

Хм... И с кем же это мы собираемся разговаривать? С неведомым абонентом на том конце провода? «Лесника» на связь пригласим?

«Пришел лесник и послал нас всех...»

Да нет, думается мне, что вот как раз с ним-то вопросов и не возникнет.

— Котов!

Оборачиваюсь и вижу особиста. Посвежевший, явно успел поспать. Да и перекусить.

— Я, товарищ старший лейтенант!

— Куда вы направляетесь?

— На завтрак, товарищ старший лейтенант! Потом у нас изучение оружия и тренировка.

— На тему?

— Ну... передвижение под огнем противника, рукопашный бой...

— За мной зайдите, тоже посмотреть хочу.

— Ясно, товарищ старший лейтенант. Сразу после завтрака и подойдем.

Догоняю бойцов и сообщаю им радостную весть. Демин хмурится, и только Лацис пожимает плечами.

— Ну, раз ему так хочется... секретов ведь у нас от него нет?

— Это от особиста-то? — хмыкаю я. — От него, пожалуй, скроешь чего...

Завтрак оказался неожиданно сытным. Макароны и по полбанки тушенки на активное рыло. Конечно, со вчерашним или позавчерашним пиршеством не сравнить, но все равно — здорово! И вкусно, во всяком случае лучше, чем в исполнении Шифрина. Тут тебе и специи, и сварено как полагается. Чай тоже пришелся по душе. Прямо курорт! Если не вспоминать о том, что вокруг леса расположены немецкие части...

Заканчиваю перекус и, построив бойцов, топаю к особисту.

А вот и он сам, легок на помине! Рядом с ним какой-то незнакомый лейтенант. Кто такой? В отряде я его не видел. Хотя я тут не всех еще в лицо знаю, но уж командиров, наверное, видел всех.

— Группа — стой! Смирно!

— Отставить, Котов, — машет рукой Хворостинин. — Вы уже на тренировку?

— Да, товарищ старший лейтенант.

— Вот и славно. А мы с лейтенантом на вас посмотрим.

Определенно, ему что-то надо. Знать бы — что? То, что он мне не верит до конца, я понимал. Но уж склад-то должен же был его убедить? А на практике вышло почти наоборот. Ладно. Будет день — и будет пища. Так когда-то говорила моя бабушка. Вот и не станем спорить со старыми людьми...

После часа тренировок команду короткий перерыв. Все это время оба командира сидят в сторонке и внимательно рассматривают наши действия. Вопросов не задают. Однако стоило бойцам присесть, как меня окликают лейтенант.

— Товарищ Котов!

«Не боец! Товарищ! В устах особиста такая оговорка кое-что да значит...»

— Я, товарищ лейтенант!

— У меня к вам вопросик имеется.

— Слушаю вас, товарищ лейтенант!

— Вот вы сейчас бойцам кое-что показывали... — он встает с пенька и подходит ко мне. — Со штыковым боем все в принципе понятно, хотя вы неправильно прием этот выполняете. А вот с автоматом... держите вы его странно, не по-нашему как-то...

— А что тут такого необычного? — пожимаю плечами. — Меня именно так и учили, может быть, и иначе как-то возможно, так я ж не знаю... Покажете, товарищ лейтенант?

Он берет в руки винтовку, перехватывает поудобнее. Пальцы его перебегают по винтовочному ложу, как у гитариста по гитарному грифу. Ого! Непростой ты парень...

— Укол надо делать вот так! — выбрасывает он вперед винтовку. Острие штыка чуть не со свистом разрезает воздух. Грамотно. Только уж больно по-уставному. Лейтенант еще раз повторяет укол.

— Всем понятно?

— Да, товарищ лейтенант, понятно. Только ведь так работать можно, когда рядом кто-то из товарищей есть. Поддержат, прикроют в случае чего. А вот если один на один...

— Это как? — удивленно спрашивает он. — Ну-ка, попробуйте!

— Всерьез, товарищ лейтенант?

— Ну, мы ж тут не на детском утреннике?

Так...

Стоит он в правильной стойке, руки не напряжены. А вот глаза... глаза настороже. За моими руками смотрит? А то ж...

Вот его пальцы напряглись. Сейчас колоть будет...

Р-раз!

Отклоняюсь в сторону, и штык просвистывает мимо. Ух ты! Как же он собирался удар имитировать? Ведь мог меня и навывлет пропороть? Или лейтенант сознательно руку не придержал, видя мой уход в сторону? Похоже, что именно так. Значит, он более опытен и быстрее, чем я предполагал.

Мы затанцевали по полянке, перемещаясь по кругу. Противник мой настороже, реакцию мою оценил и прочувствовал.

Выпад рукой!

Прикладом прикрылся — молодец! Нет, это уж точно не пехотная выучка, этого парня кто-то знающий гонял...

Ответный выпад!

Острие штыка устремляется к моей груди.

Так сказать — алаверды.

Ну что ж... чего-то такого я и ожидал...

Шаг вбок, отбив рукой, — и штык уже нацелен в небо.

И в ту же секунду я успеваю заметить стремительное сокращение мышц правой руки! Окованный приклад по дуге летит мне прямо в висок.

Ох, непростой ты парнишка...

Проворот на правой ноге, приседание — и приклад мелькает над моей головой.

А вот теперь — будя!

Резко выпрямляюсь и толкаю приклад дальше.

Шаг вперед, прижимаюсь к лейтенанту вплотную. Теперь его винтовка бесполезна.

Опа!

Моя левая рука обхватывает его локтем за шею. Выдергиваю из ножен на поясе штык и многозначительно покачиваю им перед глазами оппонента.

— В принципе можно и просто шею свернуть, — поясняю я ему. Отпускаю шею и прячу штык назад.

Лейтенант ошарашенно смотрит на меня. Бойцы вообще в ступоре, они подобного фокуса никогда и не видели даже.

— Однако... — потирает шею мой оппонент. — Шуточки у вас, Котов...

— Виноват, товарищ лейтенант! Вы же сами сказали — всерьез...

— Да ничего... просто как-то это у вас... неожиданно. Где ж это таким фокусам учат?

— Меня сотрудники НКВД научили, а уж кто их самих учил... — развожу я руками. — Про то мне неведомо.

— Это кто ж такой там у вас умелый-то был?

— Капитан Соловьев, — честно отвечаю я.

А что? Так оно все и было. Именно капитан Соловьев нас всех и натаскивал. Правда, совсем не тогда, когда я Хворостинину рассказывал. Но ведь было же?

— А еще раз? — спрашивает лейтенант. — Только не так быстро, а то я даже и понять всего не успел.

Ишь ты! Не успел... Да хрен бы это у тебя и вышло бы! Не ломаюсь и показываю прием еще несколько раз. Глядя на нас, мои ребята тоже пробуют. Коряво, но уже лучше, чем ничего. Даст бог, я еще вас понатаскаю...

— Хорошо, Котов, с винтовкой понятно. А вот автомат вы почему так держите? Вы же вперед идете? А вдруг стрелять надо будет? Пока развернетесь да прицелитесь...

Беру у Плиева автомат и спрашиваю лейтенанта:

— Стрелять сейчас можно? А то еще посты взбудоражу...

— Стреляйте, Котов, — вступает в разговор Хворостинин. — Я посты предупредил, да и не услышат они. Тут овраг, он звуки глушит, и до лагеря почти три километра, лес...

— Хорошо, — согласно киваю я. — А куда попасть?

— Ну... вон в тот пенек, например.

Мои ребята переглядываются — пенек всего в пятидесяти метрах, и они после прошлой тренировки уверены, что я в него попаду.

Перехватываю автомат и поворачиваюсь боком к цели. Показываю рукой Плиеву, чтобы он встал чуть впереди и справа. Лацис встает сзади, а Демин за спиной слева.

— Все готовы?

Ребята кивают головами.

— Пошел!

Все трое прыгают почти одновременно.

Р-раз!

И затыльник автомата впечатывается Плиеву в живот.

Два!

Проворот на правой ноге, приседание...

Снизу вверх заезжаю тем же затыльником под ребро атакующему Лацису. Сдавленно крикнув, он отлетает в сторону.

В полуприседе поворачиваюсь вокруг и ногой подсекаю Демина. В последний момент он пытается отпрыгнуть, но увы...

Еще поворот, и сухо звучит короткая очередь.

От пенька летят щепки, и бойцы довольно ухмыляются.

— Ну... примерно вот так, товарищ лейтенант...

— То есть вы стреляете навскидку, Котов? Оружие к плечу не поднимаете? Почему?

— Поле зрения сильно закрывает. Я тогда и видеть меньше буду, да и от нападающих не отобьюсь, просто не успею.

— Хм... интересно...

Оба командира переглядываются, и Хворостинин говорит мне: «Продолжайте тренировку, товарищ Котов!»

Опять «товарищ»? Ох, не просто так особист оговорился...

Провожая взглядом удаляющихся командиров.

Чует сердце, скоро предстоит мне с ними разговор по душам...

— Что вы можете сказать по всему, что сейчас увидели? — Хворостинин приподнял ветку, обходя ямку.

— Это не немецкая школа, Игорь Петрович. Совершенно точно могу утверждать.

— А чья же?

— Кое-что знакомое есть. У нас похожие вещи преподавали. Но вот его фокус с винтовкой... — покачал головой лейтенант. — Это уж и вовсе... Я бы сказал, скорее японское, но точно не наше. Да и манера стрельбы...

— Осназ?

— Очень вероятно. Но как он сумел это выучить? И где? Поверьте моему опыту, за год такого не изучить.

— А за два?

— У него это совершенно автоматически происходит, даже под ноги не глядит. словно на затылке глаза есть. Как он второго бойца припечатал! А ведь видеть его не мог!

— Слышать мог.

— То есть он и на слух работать может?

— А вы как думаете? — Хворостинин подал руку лейтенанту, помогая ему подняться на откос.

— Думаю, что может. В любом случае он кто угодно, но не рядовой боец. Посмотрите на его манеру разговаривать. Да и как бойцы его

слушают! Только что рот не разевают!

— Я-то с ним побольше вашего разговаривал и, смею заметить, тоже обратил на это внимание. Это не манера разговора рядового. Слова правильно произносит, если и сбивается иногда, так, на мой взгляд, — специально.

— Вы думаете, что...

— А вы?

— Не знаю...

* * *

Темная фигура выскользнула из прибрежной травы и замерла, оглядываясь по сторонам. Тихо... Только ветер шумел в верхушках деревьев, раскачивая их из стороны в сторону.

Позади в реке что-то булькнуло. Кто там?

Никого...

Разведчик огляделся по сторонам.

Дорога осталась справа, мост отсюда виден не был. Так же как и позевывающий от скуки, одинокий полицай, прохаживающийся по нему. Остальные коллеги часового сейчас сидели в деревушке. Прямо перед Лемешевым стеной стоял лес, до него оставалось всего полсотни метров. Он еще раз огляделся. Никого.

Ничьи следы не отпечатались на мокром берегу. Не было их и на мокрой траве, ничьи ноги не ходили сегодня по ней. Ветерок слегка пошевеливал ветки близлежащих кустов. Где-то там, в лесу, посвистывали птицы. Это хорошо, значит, рядом с ними людей нет.

Сержант прислушался. Нет, никаких посторонних звуков в лесу не было. Можно двигаться дальше?

Отойдя от реки около километра, Лемешев перевел дух. Самый опасный участок пути остался позади. Теперь можно хотя бы не ползком ползти, а то одежда уже вся пропиталась водой, да и в сапогах хлюпало. Теперь еще бы пересечь перешеек между болотами — и ищи-свищи...

— Маркус, ты его видишь? — прошептал наблюдатель, не отнимая от глаз бинокля.

— Да, Ганс, только вот стрелять сейчас мне неудобно. Этот чертов русский почти не появляется на виду. Помнишь, что сказал гауптман? Один выстрел — и все! Обождем...

— Он может уйти в лес.
— Может. И точно сделает это, если я промахнусь.
Снайпер замолчал.
Молчал и его напарник.
Так прошло несколько минут.
— Ганс!
— Да?
— Вон там, в кустах... видишь небольшую проплешину?
— Это ту, где лежит береза?
— Да, именно эту.
— Вижу.
— Он будет проходить мимо нее и на фоне березы хорошо прорисуется.
— Там, перед проплешиной, кусты. Они его закроют.
— Верно. От человека, стоящего на земле. Но я-то сижу на дереве, и мне кусты не мешают.
— Смотри, Маркус. Тебе в данном случае виднее.
— Ветер?
— Северо-восточный, слабый.
— Дистанция до цели?
— Около двухсот восьмидесяти метров.

Лемешев приподнял голову над пеньком.
По-прежнему было тихо, лишь беззаботные пичужки трещали где-то в кустах. Оставалось еще около тридцати метров, а дальше можно будет облегченно вздохнуть. Кончалась надоевшая до чертиков заболоченная местность. Начинался вполне нормальный лес, уже не такой мокрый.

Сержант еще раз огляделся. Ничего не предвещало опасности. Казалось, еще один бросок — и, увеличив темп, наконец удастся оторваться от изматывающего ощущения чужого присутствия. А оно преследовало Лемешева на всем пути от реки. Странно, ведь никаких следов, указывающих на наличие здесь кого-нибудь, кроме него самого, не было. Ни звуков, ни запахов. Если здесь и ходили немцы или полицаи, то достаточно давно. Ни сломанных веток, ни мятой травы — не было ничего.

Ну что — последний рывок?

Он еще раз огляделся и крепче сжал в руках автомат. Выдохнул воздух, прочищая легкие, и плавно скользнул вперед. Вставать во весь рост все же не хотелось...

- Маркус! Он уже у кустов!
- Не мешай...

Гулко ударил выстрел, и, напуганные этим, замолкли в кустах птицы.
Эхо прокатилось по лесу...

РАДИОГРАММА

Срочно, секретно.
Берлин, Тирпицуфер.
Адмиралу Канарису.
Докладываю вам, что подготовительные мероприятия по операции «Звонарь» завершены.
Прошу разрешения приступить к основной фазе операции.

Полковник Август фон Кранц.

РАДИОГРАММА

Срочно, секретно.
Полковнику Августу фон Кранцу.
Приказываю лично доложить о ходе операции «Звонарь».
Самолет за вами выслан.

Адмирал Канарис.

- Итак, Игорь Николаевич, что у нас имеется на сегодняшний день?
- Порадовать, товарищ комиссар, пока нечем. От группы Обручева больше никаких известий не поступало.
- Плохо... А по поводу их радиогаммы вы что можете сказать?
- Мы определили круг лиц, имевших отношение к данной операции. Вот список, — полковник положил на стол комиссара папку. — Всего одиннадцать человек.
- Оставьте мне, я просмотрю. Каковы ваши соображения?
- Я полагаю, что имела место утечка сведений.
- Скажите уж прямо — у нас окопался их агент!
- Не могу этого отрицать, товарищ комиссар.

— Да... А по Осадчему что? Удалось наконец, выяснить, где он там прячется?

— Здесь кое-какие проблески есть. Мы подняли документы этого времени, связанные с подразделениями связи. Удалось выяснить, что часть документов была подписана полковником Лосевым из Генерального штаба.

— И где он сейчас?

— На наш запрос сегодня получен ответ. Вот, товарищ комиссар, посмотрите...

— «На ваш запрос номер... ну, это неинтересно... ага! Указанное вами лицо на службе в Генеральном штабе не состояло... Подпись...» — комиссар поднял брови. — Это еще что? Как прикажете все это понимать, товарищ полковник?!

— Час назад ко мне позвонили из аппарата ЦК.

— Кто?

— Звонивший представился начальником сектора Лосевым, Игорем Марковичем. Он поинтересовался, кто и на каком основании разыскивает полковника Лосева.

— И что вы ему ответили?

— Пояснил, что дело чрезвычайно важное и я не имею права обсуждать его по телефону. Тем более без санкции непосредственного руководства.

— И что Лосев?

— Поинтересовался, когда я пойду к вам на прием.

— И все?

— Все.

— Непонятно...

Резко зазвонил телефон ВЧ, стоявший на приставной тумбочке. Комиссар поморщился и снял трубку.

— Рогов слушает!

Лицо его вытянулось, и он приподнялся с места. Глядя на него, встал и полковник.

— Так точно! — Комиссар ослабил ворот кителя. — Да. У меня. Есть, предоставить все материалы! Будет исполнено! Так точно, понял, к двадцати часам. Есть, доложить лично!

Он осторожно положил трубку телефона, будто она была сделана из хрусталя. Сел за стол и налил себе воды из графина. Посмотрел на полковника.

— Садись.

— Кто это был, товарищ комиссар?

Вместо ответа тот раскрыл лежавшую на краю стола красную папку и, вытащив оттуда лист бумаги, показал на подпись внизу.

— Достаточно?

— Да уж... Это... Лосев?

— Он не зря интересовался, когда у тебя доклад. Выяснил это и, в свою очередь, доложил наверх.

— Теперь я должен представить все материалы?

— Я должен! Я! Лично! Черт возьми, будто других забот у меня нет... В общем, так. Через час подготовить мне все, ты слышишь — все, материалы по делу. В том числе и самые отдаленные домыслы. Капитана этого срочно вызвать в Москву. Ограничить его общение с внешним миром. Всех, кто причастен к этому делу, перевести на казарменное положение. Срочно!

Комиссар встал из-за стола и, подойдя к окну, уперся лбом в холодное стекло.

— Черт побери, ну надо же было этому поганому фрицу засесть именно у нас?!

Обитая кожей массивная дверь бесшумно приоткрылась.

Адмирал Канарис поднял голову от бумаг.

— В чем дело, Мюллер?

— Вы приказывали доложить о прибытии полковника Кранца, экселенц.

— Где он?

— В приемной.

— Проси его сюда. Сделай нам два кофе, старина Август большой его любитель. И корзиночку венских пирожных.

— Слушаюсь, экселенц!

Дверь закрылась за спиной адъютанта и почти тотчас отворилась вновь.

— Разрешите войти, экселенц?

— Август, старина, рад тебя видеть! — Адмирал встал из-за стола. — Ты совсем пропал там, в своем лесу! Мхом еще не оброс?

— Это не мой лес, господин адмирал.

— Пока не твой!

— Да и мхом там обрасти трудно, не очень-то хорошее для отдыха место.

— Ладно, не ворчи! Присаживайся, — Канарис указал на небольшой столик, — сейчас принесут кофе! Твой любимый! И мои пирожные.

— Спасибо, экселенц. Вы помните все мои пристрастия?

— Не все! Но основные стараюсь запоминать.

Собеседники расположились в креслах. Вошедший адъютант поставил на столик поднос с кофейником и пирожными.

— Угощайся! — Адмирал сделал приглашающий жест. — У вас там, в лесу, хорошего кофе нет...

— Благодарю. — Полковник поднял чашку.

— А руки у тебя дрожат, старина... — сочувственно произнес Канарис. — Устаешь?

— Не без того, экселенц.

— Да... Что ты привез мне хорошего?

Полковник поставил чашку и вытер губы салфеткой.

— Мне доложить все сначала?

— Август, у меня хоть и хорошая память, однако же не до такой степени, чтобы помнить все дела моих сотрудников!

Полковник кивнул.

— Слушаюсь, экселенц. Как вы, наверное, помните, еще в тридцать восьмом году мы получили данные по некоторым операциям аппарата ЦК партии большевиков. Там отдельной строкой значилась весьма интересная цифра...

— Да, — кивнул Канарис, — это я помню. Нас тогда неприятно удивил порядок сумм, которые проходили по этой графе.

— Вы еще сказали тогда, что на эти деньги можно оснастить корпус.

— Возможно.

— Тогда же вы и поручили мне выяснить назначение этих сумм. И доложить о результатах. Операция получила наименование «Звонарь». Я привлек к этому делу Ойзенбаха.

— Помню! Очкастый такой, напоминает школьного учителя.

— Да, именно его. Он великолепный аналитик мне иногда кажется, что у него в голове арифмометр.

— И что же он раскопал?

— Он не стал замыкаться только на этих сведениях. Вместо этого Ойзенбах затребовал все аналогичные данные по всем наркоматам СССР.

— Ничего себе! У него голова не опухла от обилия материалов?

— Как ни странно, их оказалось не так уж и много. И почти во всех прослеживалась аналогичная ситуация. Громадные суммы денег, целые составы с продовольствием и снаряжением исчезали в никуда. Мы нашли

следы работы нескольких управлений Наркомата тяжелой промышленности, ряда главных управлений при Совете министров СССР и Наркомата внутренних дел.

— И где же эти управления? Чем они занимаются?

— Их нет, экселенц.

— То есть?

— Они существуют только на бумаге. Не знаю, были ли они на самом деле, но никаких следов нам отыскать не удалось.

— Пожалуйста, поподробнее, Август. Это становится интересным. Ведь там присутствовали конкретные люди, кто-то расписывался в документах. Не могли же они все внезапно исчезнуть?

— Как видите, экселенц, — могли.

— Хорошо. Бог с ними, с людьми, может быть, их всех внезапно расстреляли, или они отравились колбасой. Гораздо интереснее, куда делись все те огромные запасы, которые фигурировали в этих документах.

— Сначала мы зашли в тупик. Никаких сведений больше получить не удалось. На некоторое время операцию отложили. Но уже в сороковом году мы снова вытащили эту папку на свет божий. Были получены сведения о таинственных стройках в глухих местах СССР. Нам удалось проследить некоторые маршруты бесследно исчезнувших эшелонов. По странному совпадению они заканчивались неподалеку от этих мест.

— Интересно! — Адмирал поставил на стол свою чашку. — Даже очень интересно! И что дальше?

— На некоторое время все опять застопорилось. Информация, получаемая нами, была слишком скудной и противоречивой. Тогда вы и приказали переключить все внимание на более важные задачи.

— Вы должны меня понять, старина. Нам предстояли очень серьезные дела, связанные с подготовкой будущей войны. И не использовать при этом столь выдающегося мастера... меня бы не поняли. Да, если вы помните, никто и не ожидал, что все пойдет... несколько не по плану.

— Экселенц, я не первый год в армии, да и в разведке уже не новичок! Приказ есть приказ! Тем более для немецкого офицера.

— Рад, что вы меня понимаете.

— Тем не менее, экселенц, никто не отменял и вашего прежнего распоряжения. Поэтому я и сохранил группу аналитиков во главе с Ойзенбахом. И вот уже после начала боевых действий они раскопали нечто любопытное...

— А именно?

— Мы захватили в плен одного из участников данного проекта.

— Кого именно? — тон адмирала резко изменился.

— Извольте, экселенц, вот его дело... — полковник протянул адмиралу тонкую папку.

— Так... Арамов Александр Николозович... родился... служил... Хм! Хозяйственное управление НКВД? Патроны выдавал?

— Не только. Он там в основном продовольствием заведовал. Отвечал за снабжение рабочих команд, которые как раз и строили некоторые из этих объектов. Перед самой войной был уволен из НКВД и посажен в лагерь.

— За что?

— Ну нам-то он много чего понавыдумывал! И с режимом он боролся, и советскую власть ненавидел...

— А на самом деле?

— Растратил государственные деньги. Начал воровать продовольствие, чтобы покрыть недостачу. Остановиться уже не смог...

— Обычный вор?

— Проворовавшийся чиновник средней руки. Но тем не менее голова у него соображала кое-что! Поняв, что к ворам у нас отношение ничуть не лучше, чем у большевиков, он вдруг вспомнил нечто важное.

— Продолжайте, Август, я вас внимательно слушаю.

— Естественно, всей картины он не знал, да и не мог. Но его сведения существенно дополнили наши данные.

Кранц замолчал и отпил немного кофе.

— Извините, экселенц! Так вот, после обобщения полученных данных у нас сложилась такая картина... — он вытащил из папки карту и, подойдя к большому столу, разложил ее на нем.

Канарис подошел к карте и с интересом стал ее разглядывать.

— Вот эти линии, надо полагать, маршруты эшелонов?

— Совершенно верно, экселенц.

— А кружочки обозначают места складирования припасов?

— Нет.

— А что же это тогда?

— Обратите внимание, господин адмирал, на их расположение. Вы не замечаете никакой закономерности?

— Хм... — Канарис взял со стола лупу и наклонился над картой. Через несколько минут он поднял голову.

— Если ваша карта достоверна, то все эти места расположены либо в совсем малоосвоенных районах, либо около крупных городов. Видимо, именно оттого вы и обозначаете их разными цветами, так? Синие у городов и красные в малоосвоенных местах?

— Так точно, господин адмирал.

— Я только не понял — что обозначают буквенные пометки неподалеку от красных кружков?

— Это лагеря заключенных.

— Большие?

— От десяти тысяч человек. Более мелкие лагеря на карте не обозначены.

— Так.

— Как мы предполагаем, экселенц, начало осуществления этого проекта было положено еще в тридцатые годы, где-то в середине этого периода. Автора мы, к сожалению, не знаем, но, судя по масштабу проекта... он сидел очень высоко и очень крепко.

— Постойте, Август! Но ведь примерно в это же время большевики стали закладывать и базы снабжения для будущих партизанских отрядов! Людей обучали, лагеря готовили. Если не ошибаюсь, авторство этой идеи принадлежит Тухачевскому?

— Да, экселенц, я тоже об этом слышал. Какое-то время мы были склонны считать именно его автором и данного проекта.

— А сейчас? Вы уже так не думаете?

— Нет. Незадолго до войны большинство этих отрядов было распущено, а базы демонтированы. Все снаряжение вывезено из складов и...

— Передано на армейские склады. У нас были такие сведения.

— ... исчезло в неизвестном направлении. Кое-что действительно было сдано на склады. В основном — грузы, не подлежащие длительному хранению.

— Вы уверены в этом, Август?

— Арамов как раз и отвечал за оприходование таких грузов. С его слов, большая их часть даже не разгружалась, а сразу куда-то вывозилась.

— То есть вся эта операция с демонтажом партизанских баз...

— Не что иное, как прикрытие.

— Вот как?

— У нас сложилась следующая картина. Некто, не будучи абсолютно уверен в прочности коммунистического режима, а может быть, и по иным соображениям, начал готовить почву для... для своего возвращения во власть. С этой целью им были созданы резервные центры управления, расположенные либо около крупных городов, либо около больших лагерей. Эти центры являлись совершенно обособленными, со своими складами снабжения и структурой управления. При необходимости открывались

ворота лагерей, туда завозили оружие и снаряжение, и уже через несколько часов получалась полнокровная стрелковая дивизия. Не очень хорошо обученная, но зато спаянная единой целью — отомстить властям! Надо полагать, что базы около крупных городов имели перед собою похожие задачи.

— Август! Это выглядит фантастикой!

— А корпус Петровского? Он что — тоже из этого разряда, экселенц? Там большая часть — вчерашние заключенные, их даже не успели переодеть, зато вооружить смогли!

Адмирал поднял перед собою руки.

— Сдаюсь! Убедили! Это все?

— Нет. Где-то в конце тридцатых годов руководство проектом перешло непосредственно Сталину.

— Лично?

— У нас нет таких данных. Но то, что он в курсе всего, — несомненно. Были предприняты беспрецедентные меры по засекречиванию всего и вся. Мимо него это точно пройти не могло. Строительство резко ускорилось, и масштабы его возросли многократно. Видимо, тогда и отстранили от власти истинного инициатора всего этого проекта. Его люди, стоявшие у руля, были сняты со своих постов и репрессированы.

— А как же уцелел этот ваш... как его...

— Он уже сидел к этому времени. Да и к руководству никогда не относился. Так, мелкая сошка...

— Иными словами, мы имеем на всей территории СССР полностью автономную, с большими запасами снаряжения и вооружения управленческую структуру, способную в кратчайший срок развернуть вполне боеспособные части. Так, полковник?

— Так, экселенц.

— Отчего же это не произошло до сих пор?

— А вы уверены, господин адмирал, что это не произойдет завтра? Да и кроме того, пример корпуса Петровского доказывает как раз обратное!

— Хорошо... — Канарис потер ладонями виски. — Ну, а что придумали вы?

— По нашим данным, как раз в том районе, где я сейчас и нахожусь, имеется один из таких центров управления. Он относительно недавно закончен и полностью укомплектован.

— Вы пробовали его искать?

— Да.

— Про результаты я и не спрашиваю...

— Я поставил перед собою такую задачу, экселенц. В район предполагаемого местонахождения центра вытеснили разбитую часть Красной армии. Мы установили там своеобразный фильтр. В глубь леса пропускают всех. А вот оттуда нами выпущено только несколько групп, которые окруженцы направили за линию фронта.

— Зачем?

— Им нечего есть, не хватает оружия и снаряжения. Они просят помощи у своего командования.

— Сколько их там?

— Разбитый арtpолк и остатки тыловых частей. Всего около четырехсот человек. Но постоянно подходят одиночные бойцы и даже небольшие подразделения.

— Не опасаетесь их прорыва?

— В оцеплении задействовано около полутора тысяч человек. Танковый батальон и артиллерийский полк. На близлежащем аэродроме базируется эскадрилья штурмовиков. Мы можем размазать их по земле за час.

— Не слишком ли? Четыреста недобитых русских — и такие силы?

— Ну, батальон неполного состава и так отведен в тыл на отдых и пополнение. А штурмовики вылетают с аэродрома по своим целям. Арtpолк тоже пополняет личный состав и располагается в казармах на станции. Так что фактически службу несут только солдаты охранного батальона, их около пятисот человек. Все прочие силы будут привлечены только в случае необходимости.

— Хм, а я уж думал, что у командования приступ необъяснимой щедрости.

— Нам просто не нужно так много войск сразу. Достаточно иметь возможность их использовать в случае необходимости.

— Ну, хорошо, старина. Ваши дальнейшие планы?

— Учитывая наличие своих солдат в непосредственной близости от источника снабжения, русские могут пойти на то, чтобы организовать на их базе более боеспособную часть, нежели тот сброд, который там сейчас находится.

— Ну а нам-то это зачем?

— Я предвижу два варианта развития событий, экселенц. Либо русские пришлют туда группу, которая возьмет на себя эту миссию...

— Либо?

— На связь с окруженцами выйдут те, кто осуществляет надзор за сохранностью запасов и работоспособностью центра управления. Эти люди

не могут быть слишком далеко от баз. Наверняка они живут среди местного населения, маскируясь под обычных крестьян.

— Допустим, — кивнул Канарис. — Вышли они на связь. И что дальше?

— Нам надо вскрыть систему управления и принципы расположения складов. Я полагаю, что, независимо от местонахождения таких центров, их создавали по некоему единому образцу. Вскрыв один такой центр, мы поймем, по каким признакам можно найти остальные.

— Заманчиво... А почему вы думаете, что русские клюнут на эту вашу приманку? Мало ли у них сейчас солдат бродит по нашим тылам? Почему они должны спасать именно этих?

— В окружение попал еще и Особый отдел ... стрелковой дивизии в полном составе. И часть командования дивизии. Вот их-то и постараются спасти в первую очередь.

— М-м-м... спорное утверждение...

— Три дня назад русские выбросили в этот район разведгруппу.

— И что? Мало ли кого и куда они выбрасывают?

— В состав группы входили два радиста. Обычно хватает и одного.

— И вы полагаете, что второй радист шел на связь с окруженцами?

— Уверен в этом, господин адмирал!

— Так-так-так... — Канарис задумчиво потер переносицу. — Допустим...

Он встал из-за столика и, подойдя к сейфу, открыл дверцу. Достал оттуда папку и прочитал лежащий в ней документ.

— Скажите мне, старина, а что там необычного есть у этих ваших особистов? Что за груз они так спешат вынести через линию фронта?

— Мы не знаем, экселенц. Сведения крайне противоречивы и...

— Да? Ну что ж... Здесь я могу вам помочь. Ознакомьтесь вот с этим, — и адмирал передал Кранцу лист бумаги.

Прочитав донесение, полковник поднял глаза на Канариса.

— Но... я не располагал такими сведениями, экселенц!

— Ими располагаю я! Надеюсь, вам этого достаточно, полковник?

— Так точно, достаточно.

— Вы и впредь будете незамедлительно получать всю необходимую для успешной работы информацию. Далее. Командование «Бранденбург-800» окажет всю необходимую помощь в решении ваших задач. Где находится этот монастырь?

— Вот здесь, господин адмирал! — Кранц указал точку на карте.

— Так, дорог тут немного...

— А вот и его фотоснимки. — Полковник достал из папки несколько снимков.

— Странно, на них купола выглядят черными. Это действительно так?

— Вероятно, господин адмирал, игра света...

— Да? Ну что же, сыграем и мы... Операции по захвату центра управления и складов присваивается наименование «Черные купола». Вашей задачей, полковник, является также и захват тех секретных документов, которыми располагают русские. Вопросы есть?

— Нет, экселенц.

— Полагаю, что такого специалиста, как вы, спрашивать о наличии агентуры в рядах окруженцев не требуется?

— Да, экселенц. Такие люди у меня есть. Причем достаточно приближенные к их руководству...